4Т

СВОДЪ

указаній, данныхъ нѣкоторыми изъ арестованныхъ по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ.

Май 1880 года.

1 283

ЧТ

№ 50613

ОПЕЧАТКИ.

Стр.	строка		Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
5	18	снизу	Шермовицкій	Шершавицкій
11	1	сверху		
17	20	сверху	Гонка Ищенко	Гапка Ищенко
22	11	сверху	тогда	такъ
23	5	снизу	Комарову	Комаровскую
31	8	снизу	съ нимъ	съ ними
38	19	сверху	Косичъ	Косачъ
46	19			
	16	снизу	Фоминъ	Фоменко
	12			
50	16	снизу	Фоминъ	Фоменко
64	17	сверху	проживающій	проживавшій
90	3	сверху	выбылъ изъ Петербурга	прибылъ въ Петербургъ.

Примѣчаніе. Показанная на 40 страницѣ *Рубанчикъ* принадлежала не къ Кіевскому, а къ Харьковскому преступному сообществу и квартира ея, по Московской улицѣ, гдѣ скрывались разные революціонные дѣятели, находилась не въ Кіевѣ, а въ Харьковѣ.

I.

Первое изъ показаній, данное въ началѣ 1879 г. бывшимъ чиновникомъ Кіевской контрольной палаты, Веледницкимъ, представляется по времени болѣе обширнымъ, чѣмъ показанія другихъ, исключая заявленія Гольденберга, которое, какъ и показанія Веледницкаго, обнимаютъ собою періодъ преступной агитаціи съ 1873 года, съ тою разницею, что Гольденбергъ обрисовываетъ лишь въ общихъ чертахъ положеніе всей революціонной дѣятельности въ Россіи, а Веледницкій болѣе подробно касается преступной организаціи отдѣльнаго сообщества украинофиловъ, сосредоточивавшагося въ Кіевѣ.

По словамъ Веледницкаго, онъ познакомился съ организаціею украинофиловъ-націоналовъ въ 1873 г., въ то время, когда партія эта была чужда понятія о соціализмѣ. Еще въ сороковыхъ годахъ, подъ вліяніемъ страстныхъ и исполненныхъ таланта поэмъ и мелкихъ произведеній Тараса Шевченко, духъ украинофильства, какъ противуположеніе политическимъ идеаламъ великорусскаго народа, сталъ развиваться среди молодежи въ мѣстностяхъ по среднему и нижнему теченіямъ Днѣпра. Въ началѣ 50-хъ годовъ, въ минувшее царствованіе, вниманіе правительства уже было обращено на украинофильскіе кружки молодежи Харьковскаго университета. Затѣмъ появилась довольно обширная малороссійская литература, съ даровитыми представителями, и образовались обособленные литературные кружки во второй половинѣ 50-хъ годовъ. Таковы: кружокъ Кулиша (издателя-редактора малороссійскаго журнала «Основа»), въ Петербургѣ, и кружокъ Гацука, въ Москвѣ. Такимъ путемъ мало по малу развилась смѣшанная изъ стараго и новаго поколѣнія партія украинофиловъ, имѣвшая первоначальною цѣлью распространеніе и утвержденіе въ Малороссіи понятій объ

особности, самостоятельности украйны, которая ни по характеру, ни по развитію ничего, будто-бы, общаго съ русскою землею не имѣетъ. Понятія эти распространялись руководителями партій въ молодежи, которая уже проводила ихъ въ народъ путемъ разсказовъ изъ народнаго и деревенскаго быта и подъ предлогомъ, иногда же и дѣйствительно съ цѣлью обученія народа грамотѣ на мѣстномъ нарѣчіи.

Впослѣдствіи, именно въ 1874 г., партія эта, по словамъ Веледницкаго, проникласъ соціальными ученіями и хотя въ общихъ чертахъ сохранила прежній характеръ, но въ сущности утратила свою обособленность.

Изъ лицъ, находившихся въ близкихъ отношеніяхъ съ участниками партіи украинофиловъ, Веледницкій называетъ секретаря Кіевской военной гимназіи, титулярнаго совѣтника Василія Филипова *Животовскаго* [1]), о которомъ ни Богославскій, ни другіе, раскаявшіеся въ своихъ заблужденіяхъ, совершенно не упоминаютъ. Тѣмъ не менѣе, Животовскій и его жена извѣстны за лицъ съ противоправительственнымъ направленіемъ, находившихся въ близкомъ знакомствѣ со многими осужденными въ 1879 г. въ Кіевѣ. Будучи знакомъ съ Животовскими, Веледницкій, по его словамъ, сошелся въ ихъ квартирѣ съ проживавшими въ Кіевѣ супругами *Ковалевскими*, изъ коихъ самъ Ковалевскій, Николай Васильевъ, бывшій учитель Кіевской военной гимназіи, былъ сосланъ впослѣдствіи изъ Одессы въ Восточную Сибирь, а жена его, Марья Павловна, носившая въ революціонной средѣ имена «Маруся» и «Наташа», была приговорена судомъ въ 1879 г. къ ссылкѣ въ каторжныя работы за принадлежность къ преступному сообществу въ Кіевѣ, но до приведенія сего приговора въ исполненіе, успѣла скрыться и до сего времени еще не розыскана. По имѣющимся свѣдѣніямъ, Ковалевская играла болѣе видную и дѣятельную роль въ стремленіяхъ соціалистовъ, нежели ея мужъ. Объ ней упоминаютъ почти всѣ сознавшіеся въ своихъ заблужденіяхъ. Такъ, Курицынъ указываетъ, что въ 1875 г., когда въ Кіевѣ образовался кружокъ такъ называемыхъ «бунтарей», во главѣ котораго стояли Стефановичъ и Дебагорій-Мокріевичъ, о которыхъ сказано будетъ ниже, Марія Ковалевская пріѣзжала изъ Кіева въ Харьковъ для переговоровъ съ харьковскими пропагандистами и склоненія ихъ къ принятію программы означеннаго кружка, но на сходкѣ потерпѣла положительную неудачу. Ключниковъ, который зналъ Ковалевскую въ Кіевѣ, подъ именами «Маруся» и «Наташа», въ своемъ показаніи подтверждаетъ близкую связь Ковалевской съ партіей «бунтарей», въ особенности съ Дебагоріемъ-Мокріевичемъ, съ которымъ она жила вмѣстѣ въ концѣ 1878 г.,

[1]) Гдѣ находится—свѣдѣнія неполныя.

въ домѣ Вереденко, на Б. Васильковской ул. Наконецъ Гольденбергъ, упоминая о Ковалевской, съ которою онъ познакомился въ концѣ 1878 года, въ Кіевѣ, говоритъ, что по убѣжденіямъ она принадлежитъ къ партіи «народниковъ», но также сочувственно относится и къ «террористамъ». Прежде, по словамъ Гольденберга, она пользовалась значеніемъ въ преступной средѣ, но впослѣдствіи таковое потеряла, вслѣдствіе своей бездѣятельности. Ковалевская, по словамъ Веледницкаго, имѣла сестру, дѣвицу *Барышеву*, посвященную въ тайны революціоннаго движенія. Она была стрижена, носила очки и вообще по внѣшности представлялась нигилисткой временъ Чернышевскаго. О Барышевой упоминаетъ въ своемъ показаніи и Ключниковъ, называя ее «Лидіей», которая, по его словамъ, жила въ 1878 г. у Костецкаго, имѣя при себѣ ребенка. Изъ имѣющихся свѣдѣній видно, что Барышева скрылась изъ Кіева въ февралѣ 1879 г., послѣ задержанія сестры ея Ковалевской. Переѣхавъ въ 1873 г., согласно предложенію Ковалевскихъ, въ ихъ квартиру, въ домѣ Судакевича, по Жилянской ул., Веледницкій познакомился тамъ съ главными руководителями украинофильской партіи, которые устраивали въ квартирѣ Ковалевскихъ собранія членовъ этой партіи. По словамъ Веледницкаго и Богославскаго, во главѣ организаціи украинофиловъ-соціалистовъ въ Кіевѣ стоялъ совѣтъ, носившій малороссійское названіе «громада» (мірской сходъ). Совѣтъ состоялъ изъ *Драгоманова*, *Зибера*, *Волкова*, *Старицкаго*, *Чубинскаго*, *Беренштама*, *Цвѣтковскаго*, *Житецкаго*, *Михалевича*, *Антиновича*, *Антоновича*, *Лоначевскаго-Петруняка*, *Трегубова*, *Класовскаго*, *Виниченко*, *Русова*, *Шермовицкаго*, *Науменко*, *Бѣлаго*, *Подолинскаго* и братьевъ *Линтваревыхъ*.

Изъ имѣющихся объ этихъ лицахъ свѣдѣній видно слѣдующее:

Драгомановъ, профессоръ, скрылся изъ Кіева заграницу и проживаетъ въ Женевѣ, основавъ тамъ на полученныя изъ Россіи денежныя средства, объ источникѣ которыхъ будетъ сказано ниже, типографію для печатанія книгъ революціоннаго содержанія, преимущественно на малороссійскомъ языкѣ, носившихъ названіе «метелики» (мотыльки) и предназначенныхъ для распространенія въ народѣ.

Зиберъ тоже эмигрировалъ заграницу вмѣстѣ съ Драгомановымъ.

Волковъ, Федоръ Кондратьевъ, служившій въ 1874 г. въ Кіевской контрольной палатѣ, а впослѣдствіи занимавшійся частными уроками, предназначенъ былъ къ административной высылкѣ, но успѣлъ во́-время скрыться; жена же его выслана изъ Кіева на жительство подъ надзоръ полиціи въ Вятскую губернію. Этому Волкову отводится въ заявленіяхъ Веледницкаго и Богославскаго одно изъ видныхъ мѣстъ въ революціонной дѣятельности. По словамъ Веледницкаго, онъ былъ въ числѣ главныхъ руководителей партіи украинофиловъ еще въ 1873 г.

и состоялъ въ собраніяхъ совѣта («громады»), въ качествѣ секретаря и докладчика, велъ какъ переписку по дѣламъ партіи съ представителями революціонныхъ сообществъ въ другихъ мѣстностяхъ Россіи и съ политическими эмигрантами заграницей, такъ равно отчетность по продажѣ и распространенію книгъ революціоннаго содержанія. По словамъ Богославскаго, Волковъ принималъ непосредственное участіе въ устройствѣ Драгомановымъ въ Женевѣ революціонной типографіи. съ каковою цѣлью онъ, по вызову Драгоманова, ѣздилъ заграницу. Независимо отъ сего, Волковъ, по словамъ Веледницкаго и Богославскаго, содержалъ съ 1874 по 1876 годъ коммунистическую квартиру, которой онъ далъ названіе «foyer radical». Квартира эта, помѣщавшаяся одно время по Жилянской улицѣ, была, по словамъ заявителей, питомникомъ нигилизма и посѣщалась усердно молодежью обоего пола. Во время этихъ собраній, Волковъ читалъ составленный имъ самимъ систематическій курсъ нигилистической естественной исторіи по Фохту, Молешотту, Бюхнеру, Фейербаху и друг. сочиненіямъ, въ которыхъ доказывалось отсутствіе Бога и отрицалась святость вѣры, семьи и пр., а Зиберъ, о которомъ упомянуто выше, читалъ въ квартирѣ Волкова курсъ соціалистической политической экономіи по Карлу Марксу, сочиненіе котораго переведено имъ съ этою цѣлью на русскій языкъ. Такимъ образомъ, Волковъ представлялся, помимо руководительства дѣлами кіевскаго революціоннаго сообщества, носившаго названіе «старой громады», и однимъ изъ главныхъ развратителей кіевской молодежи, объ участіи которой въ революціонной средѣ будетъ сказано ниже. Вообще, Волковъ пользовался громадною популярностью въ преступной средѣ, какъ личность, неостанавливавшаяся ни предъ какими средствами для достиженія революціонныхъ цѣлей. Такъ, дѣйствуя на молодежь развращающимъ образомъ, онъ въ то же время старался привлечь къ активной дѣятельности наиболѣе упорныхъ въ этомъ отношеніи посредствомъ воздѣйствія на ихъ самолюбіе. Съ этою спеціальною цѣлью имъ вмѣстѣ съ Драгомановымъ былъ сочиненъ «уставъ желтой интернаціоналки», въ которомъ выставлялись въ смѣшномъ видѣ люди, любящіе выдавать себя за либераловъ, но ничѣмъ либеральнымъ себя не заявившіе.

Старицкій, Михаилъ Петровъ, дворянинъ, проживавшій въ Кіевѣ, занимался сухарнымъ дѣломъ во время войны, а жена его содержала воспитательное заведеніе, въ родѣ пансіона для дѣвицъ. Изъ имѣющихся свѣдѣній видно, что у нихъ произведенъ былъ въ 1878 г. обыскъ по дѣлу объ убійствѣ жандармскаго офицера барона Гейкинга, по поводу оставленнаго убійцею на мѣстѣ преступленія носоваго платка, на которомъ оказалась мѣтка, сходная съ мѣтками на бѣльѣ дѣтей Старицкихъ. Указывая на близкое участіе Старицкаго въ дѣлахъ обще-

ства «старая громада» въ Кіевѣ, Веледницкій не сопровождаетъ однако это указаніе никакими данными, которыя могли бы послужить основаніемъ къ опредѣленію свойства дѣятельности Старицкаго, Богославскій же въ своемъ показаніи указываетъ на Старицкаго, какъ на лицо, которое онъ встрѣчалъ въ квартирѣ Волкова и которое извѣстно ему за помѣщика Кіевской губерніи, переводившаго на малороссійскій языкъ разныя революціонныя сочиненія и нынѣ выбывшаго за границу.

Чубинскій [1]), Павелъ, служилъ на Городищенскомъ заводѣ, а до этого въ Коневскомъ уѣздѣ, на сахарномъ заводѣ *Яхненки-Семиренки*, высланнаго въ концѣ 1879 г., по распоряженію Кіевскаго Генералъ-Губернатора, за принадлежность къ противоправительственной партіи, на жительство въ Восточную Сибирь. Чубинскій, по словамъ Веледницкаго, также какъ и Волковъ, устраивалъ въ своей квартирѣ, подъ видомъ вечеринокъ, сборища молодежи, преимущественно студентовъ, съ которыми онъ велъ бесѣду политическаго содержанія. Кромѣ того, благодаря знакомству своему съ коммерческими людьми и собственному участію въ промышленныхъ предпріятіяхъ, Чубинскій пристроилъ на разныхъ заводахъ нѣсколько пропагандистовъ съ преступною цѣлью. Вообще, по отзыву Богославскаго, Чубинскій игралъ видную роль въ революціонной дѣятельности и, между прочимъ, участвовалъ въ иниціативѣ устройства женевской типографіи и въ денежномъ пособіи на революціонное дѣло. По словамъ того-же Богославскаго, Чубинскій извѣстенъ своими малороссійскими пѣснями, которыя пѣлись собиравшеюся у него на вечерѣ молодежью.

Беренштамъ, Вильямъ, статскій совѣтникъ, учитель Кіевской военной гимназіи, квартирующій нынѣ, по словамъ Богославскаго, въ Кіевѣ, на Бибиковскомъ бульварѣ, а по другимъ свѣдѣніямъ состоящій теперь преподавателемъ въ Псковской военной гимназіи, носилъ въ революціонной средѣ прозвище «Велинка» и «Вилька». Онъ былъ казначеемъ «старой громады» и независимо отъ сего пропагандировалъ противоправительственныя идеи между молодежью на различныхъ собраніяхъ, устраивавшихся какъ въ его квартирѣ, такъ и у другихъ лицъ, принадлежавшихъ къ революціонной средѣ. Въ квартирѣ его, по словамъ Богославскаго, хранились книги революціоннаго содержанія, а самъ Беренштамъ принималъ дѣятельное участіе какъ въ иниціативѣ устройства женевской типографіи и въ выпускѣ революціоннаго журнала «Громада», такъ и въ поддержаніи существованія этой типографіи, равно въ пособіяхъ разнымъ революціоннымъ дѣятелямъ.

---

[1]) Въ Полтавской губерніи, Переяславскаго уѣзда.

Цвѣтковскій [1]), преподаватель Кіевской военной гимназіи, принималъ не менѣе дѣятельное участіе какъ въ пропагандѣ преступныхъ идей между молодежью, которая съ этою цѣлью собиралась въ его квартирѣ, такъ равно въ достиженіи цѣли украинофиловъ-соціалистовъ. Такъ, по словамъ Богославскаго, Цвѣтковскій участвовалъ въ денежныхъ пособіяхъ на приготовленіе къ Чигиринскому бунту и на устройство революціонной типографіи въ Женевѣ; кромѣ того, на квартирѣ его собирался иногда совѣтъ «громады», а по отъѣздѣ въ 1876 г. Волкова за границу для устройства дѣлъ типографіи, о чемъ уже упомянуто было выше, у Цвѣтковскаго сохранялось его имущество.

Житецкій [2]), Павелъ, преподаватель словесности въ Кіевской военной гимназіи, хотя и занималъ видное положеніе въ дѣятельности названнаго сообщества, но, по словамъ Богославскаго, держалъ себя крайне осторожно, въ особенности въ отношеніи молодежи, и воздерживался отъ распространенія запрещенныхъ книгъ. Тѣмъ не менѣе, въ квартирѣ его также происходили собранія «громады». Кромѣ сего, Богославскій указываетъ на близкія сношенія Житецкаго съ Волковымъ, такъ что по отъѣздѣ послѣдняго заграницу, когда онъ, Богославскій, остался безъ квартиры и средствъ къ жизни, Житецкій помогъ ему, по рекомендаціи Волкова, необходимыми средствами къ существованію.

Михалевичъ [3]), Афанасій, докторъ въ Елизаветградскомъ уѣздѣ, часто пріѣзжалъ въ Кіевъ и, останавливаясь у Волкова или у Беренштама, а въ послѣднее время у Федора Виниченко, о которомъ будетъ упомянуто ниже, постоянно участвовалъ въ собраніяхъ «старой громады» и помогалъ обществу своими средствами.

Антиновичъ, помѣщикъ Кіевской губерніи, по объясненію Богославскаго, постоянно живетъ въ Кіевѣ и принималъ, на сколько ему извѣстно, самое близкое участіе въ дѣлахъ общества украинофиловъ-соціалистовъ. Такъ, онъ присутствовалъ на собраніяхъ совѣта «старой громады», участвовалъ въ иниціативѣ устройства революціонной типографіи въ Женевѣ, а также въ денежной помощи Драгоманову. Кромѣ сего, Богославскій указываетъ, что по иниціативѣ Антиновича, отправилось въ Елизаветградскій уѣздъ для распространенія пропаганды между штундистами одно лицо, извѣстное въ революціонной средѣ подъ фамиліею *Тираспольскаго*, онъ-же Галушкинъ и Гаевскій, который получалъ отъ Антиновича какъ денежныя средства на этотъ предметъ, такъ и революціонныя книги для распространенія. Наконецъ Антино-

---

[1]) Отъ должности уволенъ, но гдѣ находится неизвѣстно

[2]) Высланъ въ Вятскую губернію.

[3]) Умеръ.

вичъ проектировалъ также устройство для революціонныхъ цѣлей колоніи, но мысль эта осталась невыполненною.

Антоновичъ, Владиміръ, профессоръ Кіевскаго университета, принадлежалъ, по словамъ Богославскаго, къ числу неимущихъ членовъ общества «громады», а потому участіе его въ дѣлахъ совѣта ограничивалось лишь содѣйствіемъ въ разрѣшеніи возникавшихъ вопросовъ. Относительно профессора *Антоновича*, а также упомянутыхъ выше преподавателей Кіевской военной гимназіи *Житецкаго* и *Беренштама*, показываетъ Курицынъ слѣдующее: когда въ Кіевѣ, въ концѣ декабря 1878 года, собрался съѣздъ партіи конституціоналистовъ, преимущественно земцевъ, между которыми преобладающее вліяніе имѣли, по словамъ Курицына, Черниговскіе земцы, изъ коихъ особенно выдѣлялся какой-то членъ Черниговскаго земства *Ланденсъ* или *Линдесъ*, то на бывшей по этому поводу сходкѣ, изъ представителей разныхъ соціально-революціонныхъ партій и украинофиловъ, присутствовали въ числѣ другихъ Антоновичъ, Житецкій и Беренштамъ, явившіеся въ качествѣ представителей украинофиловъ, съ цѣлью отстаивать свои теоріи противъ предложенія конституціоналистовъ о совмѣстныхъ дѣйствіяхъ въ духѣ конституціи.

Лоначевскій-Петруняка, Александръ, начальникъ ремесленнаго училища въ селѣ Дехтяры, Прилуцкаго уѣзда, Полтавской губерніи, извѣстенъ, по словамъ Веледницкаго и Богославскаго, за распространителя преступной пропаганды между учащеюся молодежью. Независимо отъ сего, онъ принималъ матеріальное участіе въ дѣлахъ общества украинофиловъ-соціалистовъ, равно въ дѣлѣ Чигиринскаго бунта. Лоначевскій-Петруняка имѣетъ брата Тимофѣя, служащаго лаборантомъ при технической лабораторіи Кіевскаго университета.

Трегубовъ [1]), служившій, по словамъ Богославскаго, въ коллегіи Павла Галагана, также участвовалъ и продолжаетъ участвовать въ пособіи на революціонное дѣло. У него, по указанію того же Богославскаго, хранилась писанная программа «громады».

Класовскій, учитель гимназіи, участвовалъ, по заявленію Богославскаго, какъ въ собраніяхъ совѣта «громады», такъ равно и въ пособіяхъ эмигранту Драгоманову.

Виниченко, Федоръ, бывшій студентъ университета Св. Владиміра въ Кіевѣ, а нынѣ военный докторъ,—принадлежалъ, по словамъ Веледницкаго, всецѣло дѣлу украинофиловъ-соціалистовъ и стоялъ во главѣ кружка рабочихъ (около 10 человѣкъ), занимавшихся пропагандою. По словамъ того-же Веледницкаго, Виниченко былъ заграницею, а затѣмъ въ С.-Петербургѣ, гдѣ участвовалъ въ манифестаціи у Казан-

[1]) Гдѣ находится, неизвѣстно.

скаго Собора; впослѣдствіи же уѣхалъ на службу въ полкъ, расположенный на Кавказѣ, откуда пріѣзжалъ въ Кіевъ, скрываясь подъ чужою фамиліею. По заявленію Богославскаго, Виниченко участвовалъ въ тайныхъ собраніяхъ «громады», равно въ иниціативѣ устройства революціонной типографіи въ Женевѣ; квартира его, помѣщавшаяся, во время проживанія Виниченко въ Кіевѣ, въ домѣ Ваховскаго, по М. Васильковской улицѣ, представляла собою сборный пунктъ, гдѣ стекались какъ пріѣзжіе революціонеры, такъ равно и кіевскіе рабочіе; самъ Виниченко помогалъ пропагандистамъ въ денежныхъ средствахъ, которыя онъ получалъ отъ совѣта «старыхъ громадянъ», распространялъ между рабочими книги противоправительственнаго содержанія, которыя читалъ и разъяснялъ имъ вслухъ въ своей квартирѣ, а также занимался иниціаторскою дѣятельностью, клонившейся къ достиженію преступныхъ цѣлей. Такъ, по отзыву Богославскаго, Виниченко участвовалъ въ дѣлѣ отправленія заграницу на средства общества «старыхъ громадянъ» рабочаго Разумова, о которомъ сказано будетъ ниже, который, получивъ тамъ техническое образованіе, возвратился въ Кіевъ и на тѣ-же средства открылъ рабочую ассоціацію, съ цѣлью распространенія пропаганды. По отзыву того же Богославскаго, Виниченко заступилъ въ собраніяхъ совѣта «громадянъ» мѣсто Волкова по отъѣздѣ послѣдняго въ 1876 г. заграницу, о чемъ упомянуто было выше, т. е. всталъ во главѣ этого сообщества. Наконецъ, по словамъ Веледницкаго и Богославскаго, Виниченко принадлежали, вмѣстѣ съ Волковымъ, какъ мысль, такъ равно планъ побѣга изъ подъ стражи, обвинявшихся въ пропагандѣ Топчаевскаго, Ляхоцкаго и Гордѣева, о которыхъ сказано будетъ въ своемъ мѣстѣ ниже. Изъ имѣющихся свѣдѣній видно, что означенныя лица дѣйствительно бѣжали въ 1876 году изъ полицейскихъ домовъ въ г. Кіевѣ, причемъ Гордѣевъ былъ въ 1879 году пойманъ и высланъ на жительство въ Архангельскую губернію. У Виниченко есть братъ Николай, также бывшій студентъ университета Св. Владиміра въ Кіевѣ, который, какъ это видно изъ показаній Веледницкаго, хотя и посѣщалъ квартиру брата Федора Виниченко и не могъ не замѣтить происходившаго тамъ, равно не знать о преступной дѣятельности послѣдняго, но принималъ-ли онъ самъ какое-либо участіе въ противоправительственной агитаціи и если принималъ, то въ чемъ участіе это проявлялось, неизвѣстно.

Русовъ участвовалъ, по словамъ Богославскаго, въ редакціи революціоннаго журнала «Громада» и былъ иниціаторомъ устройства типографіи въ Женевѣ. Отличался приверженностью къ дѣлу пропаганды и поддержаніемъ въ другихъ энергіи въ преслѣдованіи преступныхъ цѣлей. Въ этомъ отношеніи, по словамъ Богославскаго, онъ имѣлъ большое вліяніе на дѣятельность упомянутаго выше Волкова.

Тарнавицкій, докторъ, дѣятельность котораго, по словамъ Богославскаго, находится въ связи съ дѣятельностью упомянутаго выше Федора Виниченки. Ему-же принадлежитъ мысль устройства ассоціаціи рабочихъ для распространенія революціонной пропаганды, что и приведено было въ исполненіе при помощи Виниченки, чрезъ рабочаго Разумова.

Науменко, учитель Кіевской гимназіи, участвовалъ, по заявленію Богославскаго, какъ въ собраніяхъ «громады», такъ и въ денежныхъ пособіяхъ лицамъ революціонной среды, а также на производство Чигиринскаго бунта: поддерживалъ и продолжаетъ поддерживать Драгоманова и основанную имъ въ Женевѣ революціонную типографію: въ квартирѣ его хранились книги преступнаго содержанія.

Бѣлый [1]), докторъ, жилъ въ Миргородскомъ уѣздѣ и принималъ, по словамъ Богославскаго, близкое участіе въ дѣятельности украинофиловъ-соціалистовъ, распространяя книги революціоннаго содержанія, преимущественно между крестьянами той мѣстности, гдѣ онъ самъ проживалъ.

Подолинскій [2]), сынъ Кіевскаго помѣщика, также принималъ участіе въ занятіяхъ кружка «громады». Къ этому Богославскій добавляетъ, что въ квартирѣ Подолинскаго былъ устроенъ складъ запрещенныхъ книгъ, гдѣ скрывался послѣ упомянутаго выше побѣга изъ подъ стражи Савва Топчаевскій; въ настоящее же время, по слухамъ, Подолинскій находится, будто бы, въ состояніи разстройства умственныхъ способностей.

Линтваревы [3]), помѣщики Черниговской губерніи, принадлежали, по заявленію Богославскаго, къ Кіевской партіи «старая громада» и участвовали въ пособіяхъ лицамъ революціонной среды и на поддержаніе типографіи Драгоманова въ Женевѣ. Изъ трехъ братьевъ Линтваревыхъ, одинъ, носившій прозвище «бабушка», чаще другихъ пріѣзжалъ въ Кіевъ по дѣламъ означеннаго революціоннаго кружка и участвовалъ въ тайныхъ собраніяхъ «громады».

Кромѣ упомянутыхъ выше лицъ, принимавшихъ непосредственное участіе въ дѣлахъ «громады» и поддерживавшихъ какъ своимъ вліяніемъ, такъ, въ особенности матеріальными средствами, существованіе этого кружка, къ послѣднему, по словамъ Веледницкаго и Богославскаго, принадлежали, содѣйствуя болѣе или менѣе успѣшно въ осуществленіи его цѣлей, еще слѣдующія лица:

Троцкій, Николай Ивановичъ, присяжный повѣренный Полтавскаго окружнаго суда, который, по словамъ Богославскаго, принадлежа

[1]) Сосланъ въ Восточную Сибирь.

[2]) [3]) } Гдѣ находятся, неизвѣстно.

самъ къ Кіевскому кружку «старыхъ громодянъ», образовалъ въ Полтавѣ, подъ своимъ непосредственнымъ руководствомъ, особый мѣстный революціонный кружокъ украинофиловъ-соціалистовъ. Въ составѣ этого кружка Богославскій называетъ бывшихъ учениковъ Полтавской гимназіи: *Стеблинъ-Каменскаго*—впослѣдствіи осужденнаго за пропаганду; *Сажина*—высланнаго изъ Полтавы административнымъ порядкомъ; *Яневича*—также осужденнаго; *Хокуля*—нынѣ студента Кіевскаго Университета; *Марченко*—живущаго въ настоящее время у родныхъ своихъ, въ Полтавской губерніи, который, еще въ бытность его въ гимназіи, былъ, по словамъ Богославскаго, подвергнутъ аресту за распространеніе книгъ революціоннаго содержанія; *Остапенко*—впослѣдствіи умершаго; *Синькевича* и Стефана *Оголевца*—высланнаго административнымъ порядкомъ на службу въ Восточную Сибирь въ качествѣ фельдшерскаго ученика, который до этого, для ознакомленія съ Кіевскими пропагандистами, ѣздилъ на средства Троцкаго въ Кіевъ и жилъ тамъ, по рекомендаціи послѣдняго, въ квартирѣ Волкова. Въ связи съ Троцкимъ, въ числѣ главныхъ дѣятелей въ кружкѣ пропагандистовъ, въ Полтавѣ, находились: *Григорашъ*, онъ-же Середенко, извѣстный подъ названіемъ Петербургскаго радикала, служившій агентомъ въ страховомъ обществѣ, а до этого бывшій преподавателемъ въ Полтавской военной гимназіи, который, впрочемъ, скрывалъ принадлежность свою къ Полтавскому кружку, и чиновникъ мѣстнаго окружнаго суда, *Кочура*, который впослѣдствіи, по словамъ Богославскаго, выѣхалъ изъ Полтавы и проживаетъ въ собственномъ имѣніи, близъ Диканьки, Полтавскаго уѣзда. Эти руководители Полтавскаго революціоннаго кружка пропагандировали также среди учениковъ Полтавской семинаріи, изъ числа коихъ въ 1876 г., по словамъ Богославскаго, особенно ревностно читали революціонныя книги, которыми снабжали ихъ упомянутыя лица, слѣдующіе семинаристы: Евгеній *Реколо*, Николай *Савлучинскій*, Илларіонъ *Гиренко*, Викторъ *Лебединскій*, Иванъ *Высоцкій*, *Симоновичъ*, Михаилъ *Киріевъ*, *Дубровъ*, распространявшій впослѣдствіи запрещенныя книги между крестьянами деревни Рыбцы, Полтавскаго уѣзда, и Павелъ *Подолка*, изъ коихъ первый—именно Реколо находится нынѣ въ Одесскомъ университетѣ, а послѣдній—Подолка—въ Кіевской духовной академіи; остальные-же въ Харьковскомъ университетѣ въ числѣ студентовъ, но изъ нихъ Савлучинскій—въ послѣднее время подвергся административной высылкѣ. Кромѣ этихъ лицъ въ числѣ послѣдователей Троцкаго, Григораша и Кочуры были: семинаристъ Афанасій *Погибко*, который живетъ въ настоящее время въ имѣніи своего отца, селѣ Погибки, Полтавской губерніи, гдѣ Афанасій Погибко распространялъ между крестьянами книжки революціоннаго содержанія, *Чепурковскій*—бывшій студентъ Кіевскаго университета,

высланный въ Полтавскую губернію за участіе въ студентческихъ безпорядкахъ. который также распространялъ книги революціоннаго содержанія между учениками Полтавской семинаріи, изъ коихъ находящіеся и нынѣ въ семинаріи *Левицкій* и *Щитковскій*, въ присутствіи Богославскаго, получили отъ Чепурковскаго книги «Хитрую Механику» и «Четыре Страницы», и наконецъ, бывшій студентъ Кіевскаго университета Стефанъ *Гордѣенко*, находившійся въ весьма близкихъ сношеніяхъ съ главнымъ руководителемъ Полтавскаго кружка, Троцкимъ.

Независимо отъ распространенія революціонныхъ книгъ между учащеюся молодежью, названные дѣятели полтавскаго революціоннаго кружка пропагандировали, по словамъ Богославскаго, также и въ рабочей средѣ. Такъ, изъ показанія Богославскаго видно, что онъ встрѣчалъ у Троцкаго сапожника, называвшагося *Калеником* и проживавшаго на Подолѣ, который, говорятъ. уже привлекался къ дознанію о пропагандѣ. затѣмъ слесаря, также проживавшаго на Подолѣ и, наконецъ. одного крестьянина. который получилъ отъ Троцкаго для распространенія книги революціоннаго содержанія. Засимъ Богославскій указываетъ на токарную мастерскую Жученко, на Полтавскомъ вокзалѣ. гдѣ принимались рабочіе по рекомендаціи Григораша. Такимъ образомъ, Троцкій. состоя руководителемъ отдѣльнаго революціоннаго кружка въ Полтавѣ. вмѣстѣ съ тѣмъ. самъ принадлежалъ къ кіевскому сообществу «старыхъ громадянъ», состоя въ близкихъ сношеніяхъ съ главнымъ руководителемъ этого сообщества Волковымъ. о которомъ упомянуто выше. При этомъ Богославскій указываетъ, что Троцкій пользовался большимъ вліяніемъ у Волкова, доказывая это тѣмъ. что по рекомендаціи его. Троцкаго, Волковъ далъ у себя безвозмездный пріютъ сперва Оголевцу, а затѣмъ и ему, Богославскому, причемъ. по словамъ послѣдняго, Троцкій имѣлъ рекомендательныя письма на какихъ-то бланкахъ, снабженныхъ красными печатями. Въ концѣ іюля 1879 г. Троцкій. по словамъ Богославскаго, пріѣзжалъ въ Кіевъ. послѣ чего уѣхалъ заграницу въ Женеву.

Кромѣ Троцкаго. дѣятельность котораго разсмотрѣна въ связи съ существованіемъ отдѣльнаго революціоннаго кружка въ Полтавѣ, Богославскій указываетъ на слѣдующихъ лицъ. игравшихъ болѣе или менѣе видную роль въ дѣйствіяхъ Кіевскаго сообщества «старая громада»:

Домонтовичи, помѣщика Полтавской губ., Кременчугскаго уѣзда. который въ Кіевѣ не жилъ.но часто пріѣзжалъ и бралъ съ собою революціонныя книги. Онъ, по словамъ Богославскаго, давалъ денежныя средства на революціонное дѣло, и женатъ на Варварѣ *Столица*, которая также принадлежала къ преступному сообществу и съ революціонною цѣлью неоднократно посѣщала коммунистическую квартиру Волкова.

Щепинскаго, помѣщика Полтавской губерніи. Дѣятельность его въ запискахъ Веледницкаго и Богославскаго невыяснена. тѣмъ не менѣе онъ указанъ послѣднимъ въ числѣ наиболѣе вліятельныхъ руководителей дѣла.

Яновскаго, помѣщика Полтавской губерніи. Лубенскаго уѣзда. состоящаго. по слухамъ. въ должности мироваго посредника. Дѣятельность Яновскаго въ революціонной средѣ Богославскій опредѣляетъ участіемъ его въ денежномъ пособіи на потребности кіевскаго сообщества «громады» и въ особенности на поддержаніе Драгоманова и женевской типографіи. Вообще. по отзыву Богославскаго. Яновскій былъ приверженъ дѣлу украинофиловъ-соціалистовъ и не жалѣлъ для него своихъ средствъ. Такъ, онъ участвовалъ вмѣстѣ съ Антиновичемъ въ отправленіи упомянутаго выше Тираспольскаго, онъ же Галушкинъ. въ Елизаветградскій уѣздъ для пропаганды между штундистами. Онъ же, по словамъ Богославскаго, скрывалъ у себя революціоннаго дѣятеля Басова. о которомъ будетъ сказано ниже, и далъ ему средства бѣжать заграницу.

Вербицкаго[1]). роднаго брата студента Кіевскаго университета, имени и званія котораго не указывается, равно не опредѣляется и его дѣятельность.

Ильницкаго, Іуку. содержателя библіотеки для чтенія и книжнаго магазина и коммиссіонера университета Св. Владиміра. который фигурировалъ въ дѣлѣ Богдановича и Паночини и участвовалъ, по словамъ Богославскаго. въ собраніяхъ «громады». равно хранилъ у себя въ библіотекѣ изъятыя изъ обращенія книги. что подтверждаетъ и Веледницкій, высказывающій притомъ предположеніе. что при посредствѣ университета. Ильницкій имѣлъ возможность получать изъ заграницы разныя запрещенныя изданія, въ томъ числѣ произведенія революціонной типографіи въ Женевѣ. основанной Драгомановымъ на средства общества «громада». Съ своей стороны, Богославскій какъ-бы подтверждаетъ предположеніе Веледницкаго, заявивъ тотъ фактъ, что онъ самъ былъ свидѣтелемъ продажи Ильницкимъ въ своемъ магазинѣ розыскивающемуся соціалисту Кацу запрещеннаго изданія Шевченки (2 томъ его сочиненій). которое отпечатано заграницей и заключаетъ въ себѣ статью. излагающую порядокъ производства вооруженной революціи въ Украинѣ. Книга эта служитъ въ средѣ украинофиловъ-соціалистовъ какъ-бы катехизисомъ. Ильницкій. по отзывамъ Веледницкаго и Богославскаго. находился въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ Волковымъ, которые въ присутствіи другихъ. даже посвященныхъ въ тайны революціоннаго дѣла, постоянно говорили между собою шепотомъ, изъ чего они заключаютъ о важномъ значеніи Ильницкаго въ этой средѣ.

[1]) Гдѣ находится, неизвѣстно.

Конискаго [1]), Михаила или Митрофана, по словамъ Богославскаго, также участвовавшаго въ собраніяхъ «громады», засѣданія которой происходили иногда и въ его квартирѣ.

Такимъ образомъ, упомянутыя выше лица, принимая болѣе или менѣе дѣятельное участіе въ дѣлахъ Кіевскаго украинофильскаго-соціальнаго общества, носившаго названіе «старая громада», поддерживали всѣми находившимися въ ихъ распоряженіи средствами существованіе этого сообщества. Но кромѣ этихъ лицъ, принимавшихъ такъ сказать непосредственное участіе въ дѣятельности общества, существуетъ, по словамъ Богославскаго, получившаго эти свѣдѣнія отъ упомянутаго выше Троцкаго, еще болѣе существенная поддержка со стороны такихъ сочленовъ этого кружка, имена которыхъ сохраняются въ большой тайнѣ. Эти тайные члены кружка—преимущественно старики-помѣщики и лица съ высокимъ общественнымъ положеніемъ, сочувствуя стремленіямъ и задачамъ кружка, содѣйствуютъ осуществленію его цѣлей какъ денежными средствами, такъ равно своими умственными силами, связями и протекціей. Лица эти, будучи сами украинцами, оказываютъ помощь лишь обществу украинофиловъ; прежде они были только націоналистами, но съ переходомъ дѣятельности этого общества на соціальную почву, сдѣлались также соціалистами. Какъ упомянутые выше, такъ и тайные члены этого сообщества признаютъ однимъ изъ лучшихъ средствъ распространеніе въ украинѣ книгъ революціоннаго содержанія на малороссійскомъ языкѣ, а потому всѣми силами стараются поддерживать какъ существованіе революціонной типографіи, устроенной въ Женевѣ Драгомановымъ, такъ и лицъ, отдавшихся революціонному дѣлу. Изъ приведенныхъ выше свѣдѣній видно, что всѣ упомянутыя лица, участвующія въ дѣятельности общества «старая громада», за немногимъ исключеніемъ, жертвуютъ своими матеріальными средствами. О размѣрахъ этихъ средствъ можно вывести только приблизительное заключеніе по приведеннымъ Богославскимъ, повидимому, достовѣрнымъ, хотя и далеко не полнымъ, даннымъ. Такъ ему извѣстно, что до минувшей войны, Драгоманову было ассигновано 1500 р. ежегодно, а во время и послѣ войны общество отпускаетъ ему на революціонную типографію 3000 р.; Волковъ получалъ и получаетъ 1500 р. ежегодно, женѣ его дано было передъ высылкою изъ Кіева — 1500 р. Продіону *Житецкому*, о которомъ упомянуто будетъ ниже, высылается въ мѣсто ссылки его по 50 р. въ мѣсяцъ; засимъ Владиміру *Жокрівичу* дано было 1500 р. на приготовленіе къ бунту въ Чигиринскомъ уѣздѣ, въ чемъ онъ однако не успѣлъ и вслѣдствіе того подвергся неудовольствію со стороны общества.

[1]) Гдѣ находится, неизвѣстно.

Но независимо отъ всего изложеннаго, Кіевское сообщество украинофиловъ-соціалистовъ представлялось относительно болѣе сильнымъ и распространеннымъ, чѣмъ другія ему подобныя сообщества въ другихъ мѣстностяхъ Россіи тѣмъ, что въ числѣ руководителей его стояло большое число лицъ, имѣвшихъ непосредственное вліяніе на учащуюся молодежь: между этими лицами были даже профессора университета и воспитатели въ военныхъ гимназіяхъ.

Благодаря всему этому, а также упомянутому выше развращающему вліянію членовъ общества «старой громады», выросъ и окрѣпъ Кіевскій революціонный кружокъ, носившій въ отличіе отъ перваго, названіе «молодежи», который подраздѣлялся, по словамъ Веледницкаго и Богославскаго, на «коши», «курени» и «цвѣтники». Характеръ дѣятельности этого кружка «молодежи» и его подраздѣленій былъ тождественный съ тѣмъ, на который уже указано было выше въ отношеніи сообщества «старая громада», съ тою разницею, что кружокъ «молодежи», являясь, такъ сказать, исполнителемъ предначертаній совѣта «старой громады», игралъ активную роль, приходя въ непосредственное прикосновеніе съ народомъ.

II.

Связующимъ звеномъ между кружкомъ «старой громады» и кружкомъ «молодежи» представлялся упомянутый выше Волковъ, а по отъѣздѣ его за границу, мѣсто его заступилъ Ѳедоръ Виничено, на дѣятельность котораго также указано выше. Всѣ принадлежавшіе къ молодому кружку сходились въ клубѣ, помѣщавшемся въ одномъ изъ домовъ на Подолѣ. Кромѣ сего, большинство ихъ посѣщало квартиру Волкова, которая являлась какъ-бы сборнымъ мѣстомъ. Такъ, по отзыву Богославскаго, его часто посѣщали до 1 сентября 1876 г.: сестра Николая Колодкевича, о дѣятельности котораго будетъ сказано ниже, и акушерка *Горенштейнъ*, проживающая на Б. Васильковской улицѣ, въ д. Горенштейна, гдѣ въ 1877 г. была столовая упоминаемой ниже Лукіи, засимъ лица, принадлежавшія къ компаніи «Короткевича», получившія это названіе отъ фамиліи студента *Короткевича*, который въ 1874 и 1875 годахъ содержалъ въ Кіевѣ, на Жилянской улицѣ, студенческую квартиру, а именно: бывшій студентъ юридическаго факультета Кіевскаго университета *Кольчевскій*, находящійся нынѣ въ Тифлисѣ мировымъ посредникомъ, бывшій студентъ Кіевскаго университета, а нынѣ земскій врачъ въ Черниговской губерніи, *Волькенштейнъ*, который проявилъ впослѣдствіи свою дѣятельность въ означенной губерніи и о которомъ будетъ сказано ниже, при разсмотрѣніи дѣятельности Черниговскаго революціоннаго сообщества. *Фольницкій*, военный

врачъ: *Гольпскій*, тоже военный врачъ, служащій нынѣ въ Кременчугѣ; два брата *Черепахиныхъ*, изъ коихъ одинъ Василій живетъ въ собственномъ имѣніи, въ Кременчугскомъ уѣздѣ, а другой—Александръ. по словамъ Богославскаго, арестованъ въ Австріи за распространеніе книгъ революціоннаго содержанія и земскій врачъ *Бирскій*. Засимъ *Тессенъ*, служащій нынѣ земскимъ врачемъ въ селѣ Санжарахъ, Полтавскаго уѣзда, который считался однимъ изъ дѣятельныхъ членовъ партіи украинофиловъ и въ 1876 г., по словамъ Богославскаго, ѣздилъ заграницу для перевода въ Россію книгъ революціоннаго содержанія, но выполнить это порученіе украинофиловъ ему не удалось вслѣдствіе того, что, благодаря плохимъ рекомендаціямъ, полученнымъ имъ изъ Кіева, его приняли заграницей за правительственнаго агента и въ выдачѣ книгъ отказали. Тессенъ впослѣдствіи женился на Маріи *Тризна*, съ которою онъ встрѣчался въ той же квартирѣ Волкова. *Галицкій*, студентъ Кіевскаго университета, проживающій и нынѣ въ Кіевѣ. *Богдановъ*, называвшійся Хмѣльницкимъ, находящійся въ настоящее время въ числѣ студентовъ Кіевскаго университета на естественномъ факультетѣ: Марія *Маркевичъ* — впослѣдствіи отравившаяся: Надежда *Иванова*—учительница въ Козелецкомъ уѣздѣ, Черниговской губерніи: Гонка *Ищенко*: какой-то ученикъ Императорской академіи художествъ. и. наконецъ, рабочіе Кіевскаго желѣзно-дорожнаго вокзала: Петръ *Лобанчукъ*, Стефанъ *Биликовъ* и Амвросій *Трюшковскій*, также привлеченные Волковымъ къ дѣлу въ качествѣ пропагандистовъ.

Въ отношеніи названныхъ рабочихъ какъ Веледницкій, такъ и Богославскій, дали довольно подробное указаніе, причемъ они представляются имѣющими довольно важное значеніе въ Кіевскомъ революціонномъ сообществѣ. Изъ нихъ обращаетъ на себя особенное вниманіе *Лобанчукъ*. Съ нимъ Волковъ находился въ весьма близкихъ сношеніяхъ, причемъ бесѣды ихъ почти всегда происходили въ отдѣльной комнатѣ, безъ свидѣтелей. Этотъ Лобанчукъ, по ремеслу слесарь, настоящая фамилія котораго *Гудзь*, Петръ Ѳедоровъ, по имѣющимся свѣдѣніямъ, розыскивается по дѣлу о покушеніи на ограбленіе почты и денежнаго ящика Курскаго полка. Онъ, по показанію Веледницкаго, принадлежалъ къ числу самыхъ интеллигентныхъ и развитыхъ рабочихъ, пропагандой занимался давно, и вообще пользовался большимъ уваженіемъ среди пропагандистовъ. По словамъ Веледницкаго, Гудзь участвовалъ въ Одессѣ въ вооруженномъ сопротивленіи по поводу исторіи Ковальскаго, причемъ получилъ легкую царапину штыкомъ на правой рукѣ: засимъ принималъ участіе въ освобожденіи изъ подъ стражи, по плану Волкова и Виничснки, содержавшихся въ Кіевѣ по обвиненію въ преступной пропагандѣ Топчаевскаго, Ляхоцкаго и Гордѣева, о чемъ уже было упомянуто выше. По показанію Веледниц-

кого, основанному на разсказахъ Гуля, послѣдній ѣздилъ неоднократно на границу для провоза запрещенныхъ книгъ, въ чемъ ему оказывало содѣйствіе одно лицо, проживавшее въ должности учителя, недалеко отъ границы, фамиліи котораго хотя Веледницкій и не назвалъ, но, судя по тому, что за это лицо, какъ объясняетъ Веледницкій, вышла впослѣдствіи замужъ извѣстная въ революціонной средѣ *Смирницкая*, можно заключить, что лицо, о которомъ говорилъ Веледницкому Гузь, былъ никто иной, какъ Федоръ *Зинчико*, бывшій народный учитель, розыскиваемый циркуляромъ III Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, отъ 17 ноября 1879 г., № 2429. Кромѣ того, изъ показаній Веледницкаго и Богославскаго, который жилъ съ Лобанчукомъ на одной квартирѣ, видно, что однажды Лобанчукъ принялъ отъ воровъ-бунтарей, послѣ ограбленія ими въ Кіевѣ ювелира, похищенныя у послѣдняго золотыя и серебряныя вещи, вслѣдствіе чего онъ едва не попалъ въ руки полиціи. Наконецъ, изъ показанія Веледницкаго видно, что въ квартирѣ Гудзя (онъ же Лобанчукъ) происходили неоднократно сходки для революціонныхъ цѣлей, причемъ находились и рабочіе, изъ числа коихъ называя одного *Платономъ*, — по ремеслу переплетчикъ — Веледницкій высказываетъ предположеніе, что этотъ Платонъ есть, по всей вѣроятности, тотъ самый Платонъ *Горскій*, который, по имѣющимся свѣдѣніямъ, былъ казненъ въ Кіевѣ по приговору военно-окружнаго суда. Въ отношеніи Платона, Богославскій въ своемъ показаніи говоритъ, не называя, впрочемъ, его фамиліи, что онъ познакомился съ этимъ рабочимъ въ квартирѣ Виничено и что Платонъ участвовалъ въ Житомірскомъ дѣлѣ. Кромѣ сего, на Лобанчука (Гудзь) указываетъ и матросъ Ключниковъ, въ своемъ показаніи, какъ на одного изъ соучастниковъ въ дѣлѣ покушенія на ограбленіе почты. Лобанчукъ былъ извѣстенъ Ключникову подъ именемъ «Петра». Засимъ, относительно упомянутаго выше рабочаго Амвросія *Трюшковскаго* имѣется свѣдѣніе изъ показанія Веледницкаго, что Трюшковскій, впослѣдствіи высланный административнымъ порядкомъ въ Восточную Сибирь, принадлежалъ къ числу рабочихъ мастерской Разумова, который, какъ уже сказано выше, ѣздилъ заграницу и, получивъ тамъ техническое образованіе, возвратился въ Кіевъ для устройства рабочей ассоціаціи съ преступною цѣлью. Кромѣ того, изъ числа рабочихъ мастерской Разумова, по словамъ Веледницкаго, обращаютъ на себя вниманіе Артемъ и Николай, настоящая фамилія котораго *Баумъ*. Этотъ Николай Баумъ, по имѣющимся свѣдѣніямъ, находился въ близкихъ сношеніяхъ съ казненнымъ Бѣльчанскимъ и ѣздилъ съ нимъ, до арестованія послѣдняго, для пропаганды въ Самарскую губернію. Засимъ, Веледницкій и Богославскій называютъ еще двухъ рабочихъ, изъ числа участвовавшихъ въ

революціонной дѣятельности: переплетчика Алексѣя *Хрущова*, который. по имѣющимся свѣдѣніямъ. подлежалъ административной высылкѣ изъ Кіева. но не былъ розысканъ, и Федора *Предтеченскаго*, родомъ изъ Каменецъ-Подольска, настоящее имя котораго, по словамъ Богославскаго. Николай, а настоящую фамилію его—не помнитъ. Означенный Хрущовъ, который, какъ изъ показанія Богославскаго видно, служилъ при Кіевской военной типографіи и еще въ 1876 г. былъ по убѣжденіямъ революціонеръ и, сойдясь съ упомянутымъ выше Федоромъ Виничекко, сталъ распространять между рабочими полученныя отъ послѣдняго книги революціоннаго содержанія. Въ 1877 г. онъ принадлежалъ къ кружку Ивана Басова и другихъ, о которыхъ упомянуто будетъ ниже, но пробылъ въ немъ недолго, вслѣдствіе болтливости своей, за которую Хрущовъ былъ исключенъ изъ кружка. Затѣмъ, онъ уѣзжалъ въ Полтаву и Харьковъ, гдѣ, по его разсказамъ Богославскому, сошелся съ студентами, которые предлагали ему завести въ Харьковѣ переплетную ассоціацію, а въ 1878 году снова вернулся въ Кіевъ. Что касается Предтеченскаго (онъ же Николай), то, по словамъ Богославскаго. лицо это работало прежде въ Одессѣ и привлекалось къ дѣлу Заславскаго, но успѣло скрыться; послѣ того Предтеченскій служилъ въ слесарной мастерской въ Полтавскомъ вокзалѣ, откуда, послѣ произведеннаго у него обыска, уѣхалъ въ Харьковъ и затѣмъ уже въ началѣ 1878 г. прибылъ въ Кіевъ вмѣстѣ съ Зубжицкимъ, о которомъ будетъ сказано ниже. Въ Кіевѣ онъ работалъ на заводѣ Донато, на Звѣринцѣ, вмѣстѣ съ рабочимъ Антономъ *Сертинскимъ*, который прибылъ изъ Ростова и также принадлежалъ къ революціонной партіи; въ настоящее же время, по слухамъ, работаетъ на шахтахъ, близъ Одессы. Засимъ, по словамъ Богославскаго, Предтеченскій служилъ на Виленскомъ желѣзно-дорожномъ вокзалѣ, гдѣ склонилъ къ революціонной дѣятельности молодаго рабочаго, французскаго подданнаго *Доллера*, а въ февралѣ или мартѣ мѣсяцѣ 1879 г. возвратился въ Кіевъ и прожилъ тамъ вмѣстѣ съ Богославскимъ до самаго ареста его. Въ это время онъ встрѣтился съ прежними товарищами своими по процессу Заславскаго, Сергѣемъ *Ивановымъ* и «*Ванюшкой*», которые начали уговаривать его принять участіе въ пироксилинномъ дѣлѣ съ цѣлію приготовленія разрывныхъ снарядовъ: въ чемъ, повидимому, вполнѣ успѣли, такъ какъ съ этого времени Предтеченскій совершенно отдался революціонному дѣлу. Кромѣ сего, по сознанію самого Предтеченскаго, сдѣланнаго Богославскому. онъ участвовалъ съ указанными выше товарищами его въ расклейкѣ въ Кіевѣ полученныхъ отъ Валеріана *Осинскаго* (впослѣдствіи казненнаго) прокламацій по поводу убійства генералъ-адъютанта Мезенцова, причемъ на обратномъ пути домой онъ, Предтеченскій, былъ задер-

жанъ десятскимъ, но въ то время обысковъ не былъ: въ карманѣ же его находился одинъ экземпляръ означенной прокламаціи.

Наконецъ, относительно рабочихъ Богославскій указываетъ еще на сапожную ассоціацію Бровацкаго въ Кіевѣ, въ которой распространителями пропаганды были Василій *Трохлый*, находившійся въ близкихъ отношеніяхъ съ выдающимися революціонными дѣятелями, и Владиславъ *Кизеръ*, читавшій и разъяснявшій нерѣдко рабочимъ, вмѣстѣ съ Трюхлинымъ и другими украинофилами, книги революціоннаго содержанія, которыя Кизеръ распространялъ также и внѣ Кіева. Эту же ассоціацію посѣщали, между прочимъ, упомянутый выше Голушкинъ, онъ же Тираспольскій, и постоянная спутница его революціонной дѣятельности Сура *Гольдмерг*. Изъ арсенальныхъ рабочихъ Богославскій называетъ *Сигура*, *Адольфи* и *Владимира*, которые также по убѣжденіямъ революціонеры, а изъ желѣзнодорожныхъ рабочихъ упоминаетъ вскользь о слесаряхъ *Шистовѣ* и *Владимірѣ*, съ которыми познакомилъ его кіевскій радикалъ, бывшій студентъ Кіевскаго университета Михаилъ *Гольферъ*, живущій нынѣ въ Полтавѣ, затѣмъ о двухъ братьяхъ *Кацулковыхъ*, *Юлисѣ* и *Красовскомъ*. Изъ числа этихъ рабочихъ Шистовъ и Владиміръ, работая на Кіевскомъ вокзалѣ, распространяли запрещенныя книги, а въ концѣ 1878 года уѣхали въ Одессу, гдѣ, по свѣдѣніямъ полученнымъ Богославскимъ отъ Лобанчука, поступили въ мастерскую вокзала Одесской желѣзной дороги, а рабочій Красовскій былъ осужденъ въ 1879 году по пироксилинному дѣлу.

Засимъ къ Кіевскому кружку «молодежи» принадлежали, какъ это видно изъ показаній Веледницкаго и Богославскаго, слѣдующія лица, принимавшія болѣе или менѣе дѣятельное участіе въ революціонной пропагандѣ:

Лукія, крестьянка, настоящая фамилія которой неизвѣстна, была посвящена въ соціализмъ упомянутымъ выше руководителемъ партіи «старыхъ громадянъ» Бернштамомъ, занималась довольно успѣшно распространеніемъ въ народѣ запрещенныхъ книгъ, чѣмъ не менѣе Богославскій считаетъ ее обманутою жертвою «старыхъ громадянъ», которые, до перехода ее въ революціонный лагерь, обѣщали сдѣлать для нее многое, но въ концѣ концовъ оставили ее почти безъ куска хлѣба и безъ всякаго образованія, такъ что, по словамъ Богославскаго, благодаря лишь стараніямъ его и Степана Оголевца, который принадлежалъ къ Полтавскому революціонному кружку, она научилась кое-какъ читать и писать. По словамъ Веледницкаго, Лукія содержала дешевый кухмистерскій столъ сначала на Жилянской улицѣ, гдѣ былъ притонъ пропагандистовъ, а потомъ въ домѣ Вереденка, по Васильковской улицѣ. Лукія находилась въ близкихъ сношеніяхъ съ Волковымъ,

женою его и дѣвицею *Комаровскою*, которая находилась въ любовныхъ отношеніяхъ съ упомянутымъ выше Полтавскимъ революціонеромъ Стеблинъ-Каменскимъ. Эта же Лукія, по словамъ Веледницкаго, принимала непосредственное участіе вмѣстѣ съ Лобанчукомъ въ освобожденіи изъ-подъ стражи въ Кіевѣ Топчаевскаго, Ляхоцкаго и Гордѣева, о чемъ уже сказано раньше. Наконецъ, изъ показанія Богославскаго видно, что Лукія служила въ концѣ 1878 года у радикала Кривицкаго, на углу Бульварно-Кудрявской улицы, о которомъ будетъ болѣе подробно изложено ниже.

Топчаевскій, Савва Степановъ, принадлежалъ, по словамъ Веледницкаго и Богославскаго, къ числу глубоко вѣрующихъ въ пропаганду до фанатизма. Дѣятельность его, направлявшаяся исключительно къ пропагандѣ революціонныхъ идей между рабочими, была весьма обширна. Онъ открыто пропагандировалъ даже просто на улицѣ при встрѣчѣ съ рабочими. По объясненію Веледницкаго, Топчаевскій проживалъ въ его квартирѣ въ 1875 году по просьбѣ Волкова, причемъ самъ Топчаевскій, высказывая свои революціонныя убѣжденія, далъ понять Веледницкому о своемъ знакомствѣ съ профессоромъ Антоновичемъ. Впрочемъ, по отзыву Богославскаго, Топчаевскій чуждался всего интеллигентнаго въ революціонной дѣятельности своей, причемъ любимыми революціонными книгами его были: «Хитрая механика», «Четыре странника» и «Парижская коммуна», которыя онъ старательно распространялъ въ народѣ. Послѣ побѣга его изъ подъ стражи, о чемъ уже изложено было выше, Топчаевскій скрывался, по словамъ Богославскаго, нѣкоторое время у Подолинскаго, а затѣмъ уѣхалъ въ Петербургъ, а оттуда на Волгу, гдѣ продолжалъ свою преступную дѣятельность.

Драгневичи, братья, Иванъ и Михаилъ, по словамъ Веледницкаго, были приблизительно до 1875 г. украинофилами-сепаратистами и находились въ близкихъ отношеніяхъ съ наиболѣе вліятельными руководителями партіи «старыхъ громадянъ», Драгомановымъ, Волковымъ, Беренштамомъ, Житецкимъ и Чубинскимъ: съ переходомъ-же послѣднихъ въ соціалисты, въ ихъ ученіе увѣровали и Драгневичи. Когда Волковъ, который, по отзывамъ Веледницкаго и Богославскаго, находясь во главѣ украинофильскаго соціализма и стоя по энергіи на ряду съ Драгомановымъ и Зиберомъ, послѣдовалъ за ними въ 1876 году заграницу, то всѣ общественныя дѣла и деньги перешли первоначально къ Ѳедору Виниченки, а потомъ, когда Виниченко уѣхалъ въ полкъ на мѣсто врача,— къ Михаилу Драгневичу. Слѣдовательно, изъ одного этого обстоятельства можно заключить о видномъ положеніи въ Кіевской революціонной средѣ. Въ квартирѣ его, въ домѣ Новицкаго, на углу Шулявской и Тарасовской улицъ, хранилось большое количество

запрещенныхъ книгъ. Въ это время Михаилъ Драгневичъ получалъ значительныя деньги за уроки у Львовыхъ, очень богатыхъ московскихъ аристократовъ, занимавшихъ роскошную квартиру въ домѣ Гудимъ-Левковича, въ Липкахъ, противъ дома Губернатора, причемъ Веледницкій указываетъ на то, что Львова, по собственному сознанію ея мужа, симпатизировала радикальнымъ идеямъ и уже имѣла дѣло съ жандармами по поводу нѣкоей Анниньки или Анюшки, жившей у нея въ гувернанткахъ. Засимъ, хотя самъ Михаилъ Драгневичъ и продолжалъ принимать непосредственное участіе въ пропагандѣ между рабочими, но послѣднимъ было воспрещено являться на новую квартиру Драгневича, которую до него занималъ Виничснко, тогда какъ въ то время ожидался у него обыскъ; рабочіе-же приходили на прежнюю его квартиру, въ домѣ Новицкаго, гдѣ и получали необходимыя для распространенія революціонныя книги. Находясь въ постоянныхъ письменныхъ сношеніяхъ съ упомянутыми выше эмигрантами: Драгомановымъ и другими, Михаилъ Драгневичъ получалъ отъ нихъ письма большею частью на имя и по адресу другихъ, менѣе видныхъ дѣятелей революціонной среды. Въ то-же время онъ поддерживалъ знакомство и находился въ сношеніяхъ съ членами другихъ революціонныхъ фракцій. Въ числѣ ихъ Веледницкій называетъ Николая *Колодкевича*, дворянина Кіевской губерніи, бывшаго студента Кіевскаго университета, извѣстнаго въ средѣ Харьковскихъ соціалистовъ подъ прозваніемъ «Котъ мурлыка», который привлекался уже въ Кіевѣ къ политическому дознанію, послѣ того въ 1878 г былъ причастенъ къ дѣлу студента Харьковскаго ветеринарнаго института Яцевича, сосланнаго по суду въ каторжныя работы, и нынѣ оказывается снова причастнымъ къ кіевскому дѣлу о революціонномъ сообществѣ: но до сего времени не привлеченъ за нерозыскомъ его. Гольденбергъ, въ своемъ показаніи, высказывается съ большимъ уваженіемъ о Колодкевичѣ и сболѣзнуетъ о переходѣ его на сторону фракціи «террористовъ», чѣмъ, по словамъ Гольденберга, самъ Колодкевичъ не мало тяготился. Объ отношеніяхъ послѣдняго къ революціонному дѣлу, вообще, и къ дѣятельности фракціи террористовъ, въ частности, будетъ сказано ниже, при изложеніи характеристики самой фракціи и отдѣльныхъ лицъ этой партіи. Засимъ, Веледницкій называетъ Ѳедора *Чепурина*, бывшаго студента Кіевскаго университета, который принадлежалъ сначала къ Одесской партіи радикаловъ, а по пріѣздѣ его въ Кіевъ въ 1877 г., былъ уже террористомъ, отрѣшившись отъ прежней программы достиженія революціонныхъ цѣлей путемъ мирнаго развитія пропаганды. Чепуринъ былъ высланъ въ мартѣ 1878 г. за участіе въ безпорядкахъ, бывшихъ въ университетѣ св. Владиміра, въ г. Симферополь, гдѣ, какъ изъ показаній Гольденберга видно, послѣдній видѣлъ его въ августѣ 1879 г.

По словамъ Гольденберга. Чепуринъ былъ въ душѣ пропагандистъ. Наконецъ, Ивана *Ивичевича*, умершаго отъ ранъ, полученныхъ при вооруженномъ сопротивленіи 11 февраля 1879 г. въ Кіевѣ, въ соучастіи, между прочимъ, казненныхъ Осинскаго и Брандтнера. Этотъ Ивичевичъ, по настоянію Ивана Драгневича и Чепурина, былъ помѣщенъ съ преступною цѣлью слесарнымъ мастеромъ въ ремесленное училище, директоромъ котораго состоялъ упомянутый выше Іоначевскій-Петруняка. Въ своемъ показаніи объ Иванѣ Драгневичѣ, Гольденбергъ говоритъ, что онъ студентъ Кіевскаго университета и по убѣжденіямъ былъ пропагандистъ, враждебно относившійся къ террористической системѣ. Зимою 1878 г. онъ былъ посланъ делегатомъ отъ кіевлянъ въ Петербургъ для обсужденія вопроса о подачѣ Министру Юстиціи, такъ называемаго, «паленовскаго протеста». Въ числѣ близкихъ знакомыхъ Ивана Драгневича, изъ числа непринадлежавшихъ къ партіи украинофиловъ были: *Пушнюкъ*, который былъ высланъ въ 1878 г. изъ Кіева въ одну изъ сѣверныхъ губерній, но затѣмъ, по болѣзни возвращенъ на жительство, подъ надзоромъ полиціи, въ Екатеринославъ; *Ювенильевъ*, бывшій студентъ, высланный изъ Кіева въ 1878 г., который присталъ въ началѣ этого года къ партіи террористовъ: *Зубковскій*. Афанасій, задержанный въ 1879 г. по обвиненію въ соучастіи по убійству Харьковскаго Губернатора князя Кропоткина и содержащійся нынѣ подъ стражею, подробности о которомъ будутъ изложены ниже: *Дебагорій-Моркіевичъ*. Владиміръ, дворянинъ, носившій въ революціонной средѣ прозвище Мишка, который былъ приговоренъ Кіевскимъ военно-окружнымъ судомъ по дѣлу о вооруженномъ сопротивленіи 11 февраля 1879 г., въ Кіевѣ, въ каторжныя работы, но на пути слѣдованія въ предѣлахъ Сибири бѣжалъ и до сего времени не розысканъ. Этотъ Дебагорій-Моркіевичъ, по словамъ Богославскаго, принадлежалъ къ партіи самыхъ крайнихъ террористовъ-революціонеровъ. Кромѣ сего, Веледницкій указываетъ, что Иванъ Драгневичъ склонилъ на путь нигилизма дочь священника Марію *Ремезовскую*, которая жила съ нимъ на Мышеловкѣ (въ Китаевѣ) и находилась въ близкихъ сношеніяхъ съ Валеріаномъ Осинскимъ, Иваномъ Ивичевичемъ, Калиновскою, о которой будетъ сказано ниже, и другими лицами террористической фракціи, равно почти со всѣми членами кружка Кіевской молодежи, съ которыми она участвовала въ собраніяхъ «клуба» и, между прочимъ, въ подачи адреса, о которомъ упоминается ниже. Затѣмъ, тотъ же Иванъ Драгневичъ сманилъ изъ родительскаго дома и дѣвицу Комарову, о которой уже сказано выше. Къ этому Веледницкій добавляетъ, что Драгневичи имѣли общую знакомую землевладѣлицу села Ровъ, Подольской губерніи, жену генерала *Чепурина*, у которой они жили въ качествѣ учителей въ 1876 или 1877 г. и которая была ожесточена противъ уби-

таго шефа жандармовъ Мезенцова за распоряженіе, по которому у Чемерзиной, по ходатайству ея мужа, взяты были дѣти. Наконецъ, въ отношеніи Михаила Драгневича какъ Веледницкій, такъ и Богославскій указываютъ, что противъ него возникло въ послѣднее время неудовольствіе среди многихъ членовъ кружка «молодежи», преимущественно изъ числа рабочихъ, за отказъ въ выдачѣ имъ денегъ изъ находившейся въ его распоряженіи общественной суммы, причемъ ему сдѣланъ былъ имъ формальный выговоръ, вслѣдствіе возникшаго подозрѣнія въ растратѣ этой суммы: но обстоятельство это, по словамъ Веледницкаго, не умалило значенія Михаила Драгневича въ глазахъ кіевскаго революціоннаго сообщества, такъ какъ большинство наиболѣе преданныхъ революціонному дѣлу, было, по предположенію Веледницкаго, убѣждено въ цѣлесообразности образа дѣйствія Драгневича, потому что впереди предвидѣлась возможность перехода имъ же къ осуществленію идеи соціализма посредствомъ открытаго бунта, а потому деньги нужны были для дальнѣйшихъ плановъ. У Драгневичей, по указанію Веледницкаго, былъ еще третій братъ- Владиміръ, малоразвитый и глуповатый человѣкъ, который проживалъ въ квартирѣ, гдѣ помѣщалась столовая Лукіи, въ домѣ Вереденка, по Васильковской улицѣ, и гдѣ онъ пользовался, по словамъ Веледницкаго, нѣкоторымъ значеніемъ. По имѣющимся свѣдѣніямъ, Михаилъ Драгневичъ высланъ въ 1878 г. на жительство, подъ надзоръ полиціи, въ г. Олонецъ. По словамъ Богославскаго, у Драгневича пользовалось революціонными книгами еще одно лицо, носившее фамилію *Юлиссонъ*, который находится теперь заграницей. Вообще-же Драгневичи, послѣ отъѣзда Виниченки, служили посредниками между кружками «старыхъ громадянъ» и молодежи».

Засимъ къ Кіевскому кружку «молодежи» принадлежали:

Рева, бывшій студентъ Кіевскаго университета, высланный административнымъ порядкомъ изъ Кіева, о которомъ Богославскій говоритъ только какъ о лицѣ, принимавшемъ участіе въ стремленіяхъ кружка, несопровождая никакими дальнѣйшими въ отношеніи его указаніями: Веледницкій же не упоминаетъ о немъ вовсе.

Самойловскій, онъ же *Самоилкъ*, съ женою, извѣстны Богославскому лишь какъ участвовавшіе почти на всѣхъ собраніяхъ «коши», но дѣятельность ихъ внѣ этихъ собраній ему неизвѣстна.

Дубовъ, *Забора*, *Фенъ*, *Крикливый*, прозывавшійся монахомъ, *Апостоловъ*, прозывавшійся свинкой, и *Зальскій*, извѣстны были въ Кіевской революціонной средѣ подъ названіемъ «*черноморцы*». Всѣ они жили вмѣстѣ въ домѣ Домбровскаго, на Жилянской улицѣ, гдѣ происходили и собранія «коши» въ 1877 г. На одномъ изъ этихъ собраній присутствовалъ, по словамъ Богославскаго, *Вилокопскій*, содержащійся

въ настоящее время въ Кіевѣ, гдѣ производилось дознаніе по обвиненію его въ храненіи у себя запрещенныхъ сочиненій, и предназначаемый къ высылкѣ административнымъ порядкомъ. О Бѣлоконскомъ будетъ указано ниже, при изложеніи данныхъ о Черниговскомъ преступномъ сообществѣ. На означенномъ собраніи Бѣлоконскій, по словамъ Богославскаго, также присутствовавшаго тамъ, въ числѣ другихъ, разсказывалъ объ успѣхахъ его въ пропагандѣ, равно о бѣдственномъ положеніи той школы, въ которой Бѣлоконскій былъ учителемъ; кромѣ того, развивалъ мнѣніе свое о конокрадахъ, которые представлялись имъ самыми лучшими людьми потому, что они протестуютъ противъ современной жизни, тогда какъ другихъ нельзя вызвать ни на какой протестъ. Въ эту же квартиру «черноморцевъ» заходили рабочіе съ вокзала, а также одно лицо, называвшееся *Капитаномъ* или *Зеленымъ*.

Засимъ изъ показанія Богославскаго видно, что всѣ поименованныя лица, носившія названіе «черноморцевъ», занимались непосредственно пропагандою, уѣзжая съ этою цѣлью изъ Кіева въ мѣста своей родины, откуда присылали письменныя свѣдѣнія о результатахъ своей дѣятельности съ совѣтъ громады». Кромѣ сего, по объясненію Богославскаго, въ квартирѣ Залѣсскаго, когда онъ жилъ отдѣльно въ бывшемъ домѣ Вазовскаго, по Васильковской улицѣ, хранились книги революціоннаго содержанія, за которыми, по порученію Волкова, неоднократно въ 1876 г. ходилъ самъ Богославскій, который при этомъ встрѣчалъ въ квартирѣ Залѣсскаго и упомянутую выше Лукію. Изъ послѣдней дѣятельности названныхъ «черноморцевъ» Богославскому извѣстно, что они бывали на сходкахъ у Виничснко и у Родіона *Житецкаго*, на Подвальной улицѣ, куда пріѣзжали и сельскіе учителя, преимущественно изъ Полтавской и Черниговской губерній, фамилій которыхъ Богославскій не знаетъ, за исключеніемъ одного учителя изъ Кременчуга, *Лукьяновича*, съ которымъ познакомилъ Богославскаго въ 1879 году бывшій гимназистъ Кременчугской реальной гимназіи, а затѣмъ студентъ института инженеровъ Путей Сообщенія. *Арончикъ*. О принадлежности упомянутаго Житецкаго къ партіи молодыхъ украинофиловъ, указываетъ въ своемъ показаніи и задержанный въ Кіевѣ, привлеченный нынѣ къ дѣлу о преступномъ сообществѣ крестьянинъ Леонтій Забрамскій. По имѣющимся свѣдѣніямъ, этотъ Житецкій высланъ изъ Кіева административнымъ порядкомъ. Что касается Аѳанасія Арончика, то изъ показанія Гольденберга видно, что онъ принималъ участіе въ преступномъ покушеніи 19 ноября 1879 г. подъ Москвою, о чемъ изложено будетъ ниже: относительно же убѣжденій его Гольденбергъ высказываетъ, что Арончикъ принадлежитъ скорѣе къ партіи «народниковъ» и присталъ къ фракціи «террористовъ» только подъ вліяніемъ текущихъ событій.

Шеболдаевъ, именовавшійся въ революціонной средѣ пошихономъ, принадлежавшій къ революціонному кружку «молодежи», бывалъ, по словамъ Богославскаго, на сходкахъ у Виниченки, участвовалъ въ качествѣ корреспондента въ заграничномъ революціонномъ журналѣ «Громада», имѣлъ у себя книги революціоннаго содержанія и находился въ близкихъ сношеніяхъ съ Яномъ *Зубжицкимъ* и другими рабочими изъ ассоціаціи Разумова, о которомъ упоминалось выше. Этотъ Зубжицкій, который иногда проживалъ въ квартирѣ Шеболдаева, принималъ, по словамъ Веледницкаго и матроса Ключникова, живое участіе въ пропагандѣ между рабочими въ Кіевѣ и пользовался значеніемъ въ кружкѣ «молодежи». Впослѣдствіи онъ былъ арестованъ и осужденъ въ Кіевѣ.

Лейвинъ, Михаилъ, бывшій студентъ Кіевскаго университета, и *Яроцкій*, Яковъ, по порученію кружка, въ 1878 г. открыли, какъ показываетъ Богославскій, въ домѣ Пашкевича, на Жилянской улицѣ, библіотеку, съ извѣстнымъ подборомъ цензурныхъ книгъ, для того, чтобы, прикрываясь правами библіотеки, можно было-бы принимать тамъ кіевскихъ семинаристовъ съ преступною цѣлью, и дѣйствительно Богославскій, по его словамъ, встрѣчалъ тамъ семинаристовъ, а однажды засталъ въ библіотекѣ, при таинственной обстановкѣ, дѣвицу *Слюзъ*, совѣщавшуюся съ Лейвиномъ и Яроцкимъ, по какому-то предмету, въ совершенно отдѣльной комнатѣ. Эта Слюзъ (она-же Шлюзъ), находившаяся, по указанію Веледницкаго, въ близкихъ отношеніяхъ съ революціоннымъ дѣятелемъ *Басовымъ*, о которомъ сказано будетъ ниже, была учительницею въ одномъ изъ Кіевскихъ городскихъ училищъ, а послѣ того, по имѣющимся свѣдѣніямъ, перешла на ту-же должность въ с. Марковцы, Козелецкаго уѣзда, Черниговской губерніи. По показанію Богославскаго, Слюзъ имѣетъ сестру, которая также посѣщала библіотеку. Послѣ того Лейвинъ былъ арестованъ. Въ своемъ показаніи о преступномъ сообществѣ въ Кіевѣ, крестьянинъ Забрамскій упоминаетъ, между прочимъ, о Яроцкомъ, который, какъ онъ слышалъ, состоялъ учителемъ въ одномъ изъ народныхъ училищъ Кіевской губерніи и былъ знакомъ съ высланнымъ изъ Кіева Житецкимъ, о которомъ упомянуто выше, и другими революціонными дѣятелями.

Загандачный, въ отношеніи котораго Богославскій, только одинъ о немъ упоминающій, никакихъ подробностей не сообщаетъ, исключая общаго указанія на его преступную дѣятельность въ кружкѣ «молодежи».

Богаевскій, по словамъ Богославскаго, земскій врачъ, также принадлежалъ къ партіи украинофиловъ и занимался пропагандой еще въ то время, когда состоялъ врачемъ въ Миргородскомъ уѣздѣ, Полтав-

ской губерніи, но впослѣдствіи, по дошедшимъ до Богославскаго слухамъ, отрѣшился, будто-бы, отъ преступной дѣятельности.

Шаболдаевъ. Ленька, служитъ нынѣ, по слухамъ, земскимъ врачемъ въ Черниговской губерніи.

Покрамовичъ. Викторъ, принадлежалъ, по словамъ Богославскаго, еще въ 1875 г., къ партіи Кіевскихъ молодыхъ украинофиловъ и считался однимъ изъ дѣятельныхъ членовъ этого кружка; онъ принималъ участіе въ революціонныхъ сходкахъ за Днѣпромъ въ 1875 г. и давалъ книги революціоннаго содержанія рабочимъ Лобанчуку (онъ-же Гудзь) и Амвросію Трюшковскому, съ которыми онъ находился въ близкихъ сношеніяхъ. Уѣзжая время отъ времени изъ Кіева на родину, въ Полтавскую губернію, Покрамовичъ, по словамъ Богославскаго, постоянно бралъ съ собою большой запасъ запрещенныхъ книгъ. Въ концѣ 1878 г. онъ жилъ вмѣстѣ съ Федоромъ Виничекко на Подвальной улицѣ, гдѣ принималъ участіе въ революціонныхъ сходкахъ, бывшихъ на ихъ квартирѣ. На эти сходки собирались представители разныхъ партій. Гдѣ находится Покрамовичъ въ настоящее время, Богославскій не знаетъ.

Кривуша. Викторъ, принадлежалъ въ 1876 г. къ партіи радикаловъ, будучи еще студентомъ Кіевскаго университета; принималъ, по словамъ Богославскаго, участіе въ сходкахъ, бывшихъ за Днѣпромъ въ 1875 г.; находился въ близкихъ отношеніяхъ съ руководителемъ партіи «старыхъ громадянъ» Волковымъ, равно съ Федоромъ Виничекко: впослѣдствіи же уѣхалъ въ Петербургъ и примкнулъ къ партіи террористовъ, сдѣлавшись нелегальнымъ.

Кондзюка. Кирилъ, принималъ въ 1877 г., по словамъ Богославскаго, дѣятельное участіе въ собраніяхъ «кошей» и «куреней», а затѣмъ уѣхалъ изъ Кіева для распространенія пропаганды между крестьянами.

Когутовъ. Федоръ, бывшій студентъ Кіевскаго университета, первоначально, по словамъ Богославскаго, принадлежалъ къ партіи Кіевскихъ радикаловъ; въ 1876 и 1877 г. принималъ дѣятельное участіе въ распространеніи пропаганды въ Кіевѣ какъ между рабочими, преимущественно желѣзнодорожными, такъ и между интеллигенціей, а послѣ того участвовалъ въ сходкахъ клуба молодежи, причемъ на сходкѣ по поводу подачи адреса, о которомъ сказано будетъ ниже, былъ однимъ изъ руководителей, тѣмъ не менѣе рѣчи его отличались умѣренностью. О немъ упоминаетъ отчасти также и Веледницкій. Въ 1878 г. Когутовъ высланъ административно за мартовскіе безпорядки въ университетѣ и неповиновеніе университетскимъ властямъ, и находится на жительствѣ въ Холмогорахъ, Архангельской губерніи, вмѣстѣ

съ семьи. По словамъ Гольденберга, Богуловъ развитый человѣкъ и по убѣжденіямъ своимъ пропагандистъ—украинофилъ.

Керчка-Чепурковскій. Аксентій, студентъ Кіевскаго университета, также, по показанію Богославскаго, принадлежалъ къ партіи молодыхъ украинофиловъ и участвовалъ какъ въ ихъ собраніяхъ, такъ и на студенческихъ сходкахъ, бывшихъ въ концѣ 1877 и въ началѣ 1878 г., на которыхъ, кромѣ вопроса о подачѣ адреса, обсуждались и чисто революціонные вопросы, какъ-то: объ устройствѣ революціонной ассоціаціи изъ рабочихъ и студентовъ, о кассѣ на революціонное дѣло и проч. По указанію Богославскаго, Чепурковскій высланъ въ послѣднее время административнымъ порядкомъ на мѣсто родины, въ Полтавскую губернію.

Лопатинъ, Николай, тоже студентъ Кіевскаго университета, принадлежалъ, по словамъ Богославскаго, въ 1877 г. къ партіи Кіевскихъ радикаловъ и былъ однимъ изъ дѣятельныхъ членовъ по распространенію книгъ революціоннаго содержанія, а послѣ того примкнулъ къ партіи Кіевскихъ молодыхъ украинофиловъ, находясь въ сношеніяхъ съ наиболѣе вліятельными членами какъ этой партіи, такъ и сообщества «старой громады». Въ 1878 г. онъ былъ высланъ за участіе въ мартовской исторіи студентовъ Кіевскаго университета.

Лошенко, студентъ Кіевскаго университета, принадлежалъ въ партіи украинофиловъ къ кружку извѣстнаго по революціонной дѣятельности Родіона *Житецкаго* и завѣдывалъ переплетной мастерской, существовавшей въ 1877 г., съ преступною цѣлью, на углу Афанасьевской и Подвальной улицъ, гдѣ хранился въ большомъ количествѣ типографскій шрифтъ.

Скафонъ, Владиміръ, студентъ Кіевскаго университета, прозывавшійся «Кузькой» или «Козявкой», принадлежалъ въ 1877 г., по словамъ Богославскаго, къ наиболѣе дѣятельнымъ членамъ партіи «Кіевской молодежи» и постоянно имѣлъ у себя большой запасъ революціонныхъ книгъ, въ числѣ коихъ Богославскій называетъ, считавшееся особенно цѣннымъ въ революціонной средѣ, сочиненіе Бакунина «Государственность и анархія».

Сондеръ, Павелъ, студентъ Кіевскаго университета, принималъ, по словамъ Богославскаго, выдающееся участіе въ дѣятельности партіи украинофиловъ и находился въ болѣе близкихъ сношеніяхъ съ Михаиломъ Драгневичемъ, въ отсутствіи котораго завѣдывалъ какъ общественными деньгами и революціонными книгами, такъ и вообще революціонными дѣлами молодыхъ украинофиловъ.

Христинская, Александра, еще въ 1876 г., по словамъ Богославскаго, принадлежала къ партіи молодыхъ украинофиловъ и считалась въ этой средѣ одною изъ самыхъ дѣятельныхъ. Она занималась преиму-

щественно распространеніемъ книгъ революціоннаго содержанія между крестьянами той деревни, гдѣ она была учительницей, въ концѣ 1876 года. Пріѣзжая въ Кіевъ, она постоянно останавливалась въ квартирѣ Волкова, а впослѣдствіи на квартирѣ «черноморцевъ», о которыхъ упомянуто выше. Въ началѣ 1878 года она посѣщала студенческія сходки, бывшія на Большой Васильковской улицѣ: но въ то время она уже больше раздѣляла мнѣніе бунтарей-народниковъ, чѣмъ мнѣніе украинофиловъ и, по дошедшимъ до Богославскаго слухамъ, отдѣлилась совершенно отъ этой партіи.

Охременко. Вѣра, слушательница Кіевскихъ высшихъ женскихъ курсовъ, по показанію Богославскаго, принадлежала сначала, именно въ 1876 г., къ партіи народниковъ-бунтарей, представителемъ которой, по словамъ Богославскаго, былъ Владиміръ Дебагорій-Мокріевичъ: затѣмъ пристала къ партіи радикаловъ и, наконецъ, въ концѣ 1878 г. и въ началѣ 1879 г. принадлежала къ революціонному кружку молодыхъ украинофиловъ, собственно къ той части этого кружка, собранія которой назывались «цвѣтникомъ». Въ чемъ состояла революціонная дѣятельность этого «цвѣтника», или точнѣе: чѣмъ отличалась дѣятельность его отъ дѣятельности собраній того же кружка молодежи, называвшихся «кошами» и «куренями», Богославскій не знаетъ, но заключаетъ изъ разсказовъ упомянутаго выше Зубковскаго, что въ собраніяхъ «цвѣтника» принимали участіе молодые украинофилы, преимущественно съ крайними революціонными убѣжденіями. Охременко, по словамъ Богославскаго, въ началѣ 1878 г. часто посѣщала квартиру удомянутаго выше Волкова, въ домѣ Парафіевскаго, по Владимірской улицѣ, и поддерживала сношеніе съ лицами, принадлежавшими къ партіи бунтарей-народниковъ и, между прочимъ, съ представителемъ этой партіи Владиміромъ Дебагоріемъ-Мокріевичемъ.

Юрьевъ, Капитонъ, окончившій въ 1876 г. курсъ Кіевскаго университета, имѣлъ, по словамъ Богославскаго, весьма важное значеніе въ средѣ молодыхъ украинофиловъ, причемъ, по иниціативѣ его, устроены были въ Кіевѣ собранія «кошей» и «куреней»: находился также въ близкихъ сношеніяхъ съ старыми «громадянами», въ особенности съ Беренштамомъ, о которомъ упомянуто уже выше. Кромѣ сего, Богославскій встрѣтилъ Юрьева въ томъ же 1876 году въ квартирѣ «черноморцевъ», помѣщавшейся, какъ уже сказано раньше, въ домѣ Домбровскаго, по Жилянской улицѣ, на сходкѣ студентовъ, бывшей по поводу устройства стипендіи въ честь профессора Драгоманова. При этомъ партія радикаловъ, въ лицѣ ораторовъ, названныхъ выше, Лопатина и Зубковскаго, а также *Надежина* и *Батя*, о которомъ сказано будетъ ниже, настаивала, чтобы собранныя на стипендію деньги были употреблены прямо на какое нибудь революціонное дѣло, напри-

мѣръ, на устроеніе ассоціаціи или же на помощь пострадавшимъ революціонерамъ; но партія украинофиловъ, въ лицѣ своихъ ораторовъ Юрьева и Потолицкаго, показывала, что на устроеніе стипендіи нужно смотрѣть тоже какъ на революціонное дѣло потому, что съ одной стороны, стипендія увѣковѣчитъ память о Драгомановѣ, а съ другой — отъ воли жертвователей будетъ зависѣть сдѣлать стипендіатомъ лицо, уже служащее революціонному дѣлу. Въ чемъ выразилась послѣдующая революціонная дѣятельность Юрьева, Богославскій не объясняетъ, но дополняетъ приведенныя о немъ свѣдѣнія тѣмъ, что по убѣжденіямъ Юрьевъ остался революціонеромъ и послѣ поступленія его на службу врачемъ сначала въ Кобелякахъ, Полтавской губерніи, а засимъ и въ самой Полтавѣ.

Ткаченко. Онъ, по словамъ Богославскаго, былъ опредѣленъ по средства кружка «старыхъ громадянъ» въ Кіевскую гимназію, но изъ 6 класса вышелъ и былъ посланъ тѣмъ же кружкомъ въ 1874 и 1875 годахъ для пропаганды на лѣвый берегъ Днѣпра въ Переяславскій уѣздъ, съ каковою цѣлью онъ былъ снабженъ деньгами и книгами революціоннаго содержанія. Послѣ того, Ткаченко поступилъ въ качествѣ служащаго на вокзалъ въ Жолбуновѣ; а изъ показанія Веледницкаго видно, что Ткаченко одно время занимался письмоводствомъ въ Кіевскомъ отдѣленіи Русскаго техническаго общества, на каковую должность поступилъ по рекомендаціи упомянутаго выше Павла Чубинскаго. Наконецъ, Веледницкій еще указываетъ въ одномъ мѣстѣ своего показанія, что однажды онъ встрѣтилъ Ткаченко въ квартирѣ Волкова, гдѣ послѣдній въ его присутствіи разсказывалъ объ успѣшной пропагандѣ своей между крестьянами и фабричными рабочими.

Басовъ, Иванъ Ивановъ, бывшій студентъ Технологическаго Института, жилъ, по словамъ Гольденберга, до 1878 г. включительно въ Кіевѣ, затѣмъ въ 1879 г. былъ въ Одессѣ, откуда уѣхалъ заграницу, скрываясь отъ преслѣдованія. Онъ былъ по убѣжденіямъ «пропагандистъ» и большой почитатель «шлунды», вслѣдствіе чего въ 1878 г. онъ долгое время провелъ среди шлундистовъ въ Елисаветградскомъ уѣздѣ. По показанію Веледницкаго, Басовъ былъ женатъ на *Дмоховской*, сестрѣ сосланнаго въ каторжныя работы Дмоховскаго, судившагося по политическому дѣлу Плотникова, Нашина и Дмоховскаго, которая жила въ Москвѣ; самъ же Басовъ, до пріѣзда его въ Кіевъ, жилъ въ Сухумъ-Кале, а потомъ въ Одессѣ, гдѣ находился въ самомъ бѣдственномъ положеніи, пользуясь матеріальною помощью тамошняго учителя *Маврогони*, о которомъ никакихъ свѣдѣній не имѣется и принадлежитъ ли онъ также къ революціонной средѣ — Веледницкій не объясняетъ. Въ Одессѣ Басовъ познакомился съ извѣстными въ революціонной средѣ *Попко*, осужденнымъ приговоромъ Одесскаго военно-окружнаго

суда, 6-го августа 1879 г., въ каторжныя работы, и Фоминымъ (онъ-же князь), настоящія имя и фамилія котораго Алексѣй *Медвѣдевъ*, привлекавшимся къ дѣлу объ освобожденіи изъ тюрьмы политическаго преступника Войнаральскаго и сосланнымъ, по судебному приговору въ Харьковѣ, также въ каторжныя работы. Затѣмъ, изъ прежняго знакомства Басова—Веледницкому извѣстенъ еще *Цвѣленевъ*, по всей вѣроятности, то самое лицо, которое привлекалось къ дознаніямъ о пропагандѣ въ 1874—1875 гг. и впослѣдствіи, по словамъ Веледницкаго, отрѣшилось отъ преступныхъ заблужденій. Что касается характеристики Басова, то по отзыву Веледницкаго, онъ произвелъ на него первоначально впечатлѣніе человѣка науки и чуждаго непріязни къ правительству. Такимъ казался Басовъ и по его дѣйствіямъ. Такъ у него, по словамъ Веледницкаго, созрѣлъ планъ устройства изъ хорошихъ, неиспорченныхъ рабочихъ мастерской на артельныхъ началахъ и при ней школы, которая, давая систематическое знаніе, поддерживала бы въ рабочихъ духъ взаимопомощи. Мастерская и школа, по плану Басова, должны были находиться подъ руководствомъ человѣка, безусловно нравственнаго и чуждаго ученій соціализма, притомъ предполагалось дать средства лишь на первоначальное устройство означенныхъ заведеній, послѣ чего рабочіе будутъ сами, собственнымъ трудомъ поддерживать себя и школу. Къ осуществленію этой мысли, присоединились, по словамъ Веледницкаго, кромѣ его самого и Басова, Богославскій, Лобанчукъ, Иванъ Ивичевичъ, Зубжицкій, Трюшковскій и другіе изъ числа упомянутыхъ выше рабочихъ, причемъ, въ предупрежденіе возможности вторженія въ это предпріятіе соціальныхъ тенденцій, было строго установлено недопускать къ этому дѣлу никого изъ интеллигентныхъ лицъ, сохранивъ таковое въ совершенной тайнѣ. Но дѣлу этому не суждено было осуществиться: оно разбилось, по словамъ Веледницкаго, отчасти о несогласіе участниковъ и безнравственность рабочихъ, заявившихъ крайнее непониманіе ими собственной пользы. Это было въ маѣ 1877 года, когда Басовъ, получивъ, чрезъ посредство Михаила Драгневича и профессора Антоновича, мѣсто гувернера у московскихъ аристократовъ Львовыхъ, о которыхъ уже упоминалось выше, съ жалованьемъ по 150 руб. въ мѣсяцъ на всемъ готовомъ, уѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ изъ Кіева. Вскорѣ, однако, Басовъ возвратился въ Кіевъ съ полученными отъ Львовой на дѣло устройства мастерской со школой 700 или 900 руб., данными ею какъ бы въ награду за службу Басова, и снова принялся за осуществленіе задуманнаго предпріятія. Съ этою цѣлью Басовъ сталъ тайно собирать въ квартиру Веледницкаго рабочихъ, которыхъ послѣдній до этого никогда не видѣлъ: между ними были: какой-то Семенъ, Василій, а также Кейзеръ, о которомъ упоминалось выше. Такъ какъ для устройства мастерской и школы

Басовъ предполагалъ купить землю. то двое изъ рабочихъ предложили купить принадлежащія имъ земли. для осмотра коихъ ѣздилъ Богославскій. но предложенія рабочихъ. получившихъ отъ Басова по 20 руб. каждый. оказались надувательствомъ. Въ виду такихъ неудачъ. Басовъ рѣшился отправиться. для осуществленія своихъ плановъ. къ штундистамъ. въ Екатеринославскій уѣздъ. взявъ съ собою *Гаевскаго* (онъ же Трипольскій). о которомъ упоминалось раньше. такъ какъ Гаевскій. по словамъ Веледницкаго. проживая до этого нѣсколько разъ среди штундистовъ. успѣлъ войти въ ихъ довѣріе. Однако. и это предпріятіе не имѣло успѣха. не смотря на то. что Басовъ. по словамъ Веледницкаго. былъ принятъ штундистами противъ ожиданія хорошо. такъ какъ онъ навлекъ на себя подозрѣніе полиціи и былъ арестованъ въ Екатеринославскомъ уѣздѣ. Въ то же время Лобанчукъ (онъ же Гудзь). которому Басовъ. предъ отъѣздомъ своимъ къ штундистамъ. оставилъ чековую книжку на положенныя въ Кіевскій частный банкъ деньги. полученныя имъ отъ Львовой. узнавъ объ арестѣ Басова. воспользовался этими деньгами и затѣмъ скрылся изъ Кіева въ Херсонъ.

Между тѣмъ. еще до отъѣзда къ штундистамъ. Басовъ свелъ знакомство съ лицами. принадлежащими къ революціонной партіи. въ числѣ коихъ Веледницкій называетъ помѣщика-украинофила Яновскаго. о дѣятельности котораго въ революціонной средѣ уже было указано выше. профессора *Ищенко* и студентовъ *Рейфера* и *Беккера*. Цѣлью этого знакомства было, по словамъ Веледницкаго, намѣреніе Басова добиться займа или пожертвованія денегъ на задуманное имъ устройство мастерской и школы. но Басовъ цѣли не достигъ и даже возбудилъ противъ себя нападки украинофиловъ за благонамѣренный образъ дѣйствій. клонящійся къ развращенію молодежи и рабочихъ въ смыслѣ отвлеченія ихъ отъ соціализма. Засимъ, когда въ іюлѣ 1878 г. Басовъ. будучи освобожденъ изъ-подъ стражи по бездоказательности возведеннаго противъ него обвиненія. возвратился въ Кіевъ. прежнія воззрѣнія его на революціонное дѣло, по словамъ Веледницкаго. измѣнились. Басовъ сталъ. повидимому. склоняться въ сторону соціалистовъ-революціонеровъ, а впослѣдствіи вступилъ на путь преступленій. фигурируя во главѣ дѣла о покушеніи на ограбленіе почты и денежнаго ящика. Богославскій, въ своемъ показаніи. отчасти подтверждаетъ изложенныя въ отношеніи Басова указанія Веледницкаго. Засимъ матросъ Ключниковъ указываетъ на Басова какъ на лицо. проживавшее въ Кіевѣ на той самой квартирѣ. гдѣ возникла мысль объ освобожденіи изъ-подъ ареста упомянутаго выше Фомина (онъ-же Медвѣдевъ). содержавшагося въ то время подъ стражею въ Харьковской тюрьмѣ. По этому поводу Ключниковъ указываетъ. что въ означенной квартирѣ. которая помѣщалась въ одномъ изъ домовъ Большой Житомірской улицы. жили

кромѣ Басова, Владиміръ *Свириденко*, задержанный при вооруженномъ сопротивленіи 11 февраля 1879 г. въ Кіевѣ и впослѣдствіи повѣшенный по приговору Кіевскаго военно-окружнаго суда подъ именемъ Антонова; затѣмъ *жена* его съ какимъ-то гимназистомъ: далѣе *Рафаилъ*, личность невыясненная, участвовавшая, по словамъ Богославскаго, въ дѣлѣ по убійству въ Ростовѣ, и *Павлюкъ*, оказавшійся, по предъявленнымъ Ключникову фотографическимъ карточкамъ, извѣстнымъ революціоннымъ дѣятелемъ Павломъ *Орловымъ*. Относительно Рафаила, Ключниковъ дастъ нѣкоторыя свѣдѣнія, характеризующія эту личность и отчасти наводящія на слѣдъ къ обнаруженію мѣста его пребыванія, По его словамъ. Рафаилъ средняго роста, темнорусый, худощавый. по происхожденію еврей; въ концѣ октября 1877 года выѣхалъ изъ Кіева въ Одессу для исполненія воинской повинности, такъ какъ состоялъ въ то время на очереди. Что касается Павла Орлова, то личность эту подробно характеризуетъ Гольденбергъ. По словамъ послѣдняго, Орловъ, сынъ мелкаго чиновника, судился по процессу 193-хъ и затѣмъ былъ высланъ административнымъ порядкомъ въ Холмогоры, Архангельской губерніи. Бѣжавъ оттуда, вмѣстѣ съ Гольденбергомъ, Орловъ прибылъ въ Кіевъ, гдѣ оставался до 11 февраля 1879 г., когда былъ снова арестованъ по дѣлу о вооруженномъ сопротивленіи и осужденъ въ каторжныя работы. Гольденбергъ представляетъ Орлова весьма способнымъ человѣкомъ, который, не смотря на то, что не былъ ни въ одномъ учебномъ заведеніи, пріобрѣлъ, во время содержанія въ тюрьмѣ, большія познанія, изучивъ даже нѣсколько иностранныхъ языковъ.

Засимъ. на той-же квартирѣ ночевали иногда Никита *Ловченко*, извѣстный въ революціонной средѣ подъ именемъ «Никитки» и содержащійся нынѣ въ Одессѣ, о видной дѣятельности котораго въ этой средѣ будетъ подробно изложено ниже. и *Костецкій*, Болеславъ, австрійскій подданный, сынъ портнаго въ Кіевѣ, бывшій студентъ Кіевскаго университета, исключенный изъ онаго за участіе въ мартовскихъ безпорядкахъ между студентами. а въ 1879 г. привлекавшійся въ Кіевѣ къ дѣлу о распространеніи преступной пропаганды и высланный затѣмъ административнымъ порядкомъ. По словамъ Гольденберга, Костецкій принадлежитъ къ фракціи «террористовъ», но прямаго участія ни въ одномъ изъ преступленій не принималъ. Объ немъ-же упоминаетъ въ своемъ показаніи и крестьянинъ Леонтій Забрамскій, какъ о лицѣ. находившемся въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ съ революціоннымъ кружкомъ въ Кіевѣ, къ которому примыкалъ Забрамскій и который составляетъ въ настоящее время предметъ особаго дознанія въ Кіевѣ. Наконецъ квартиру, о которой идетъ рѣчь, часто посѣщали: Игнатій *Ивичичъ*, умершій впослѣдствіи отъ ранъ, полученныхъ во время вооруженнаго сопротив-

ленія. 11 февраля 1879 г.: Николай *Колодкевичъ*, о которомъ уже упоминалось раньше; *Павелъ*, *помѣщикъ*, признанный Ключниковымъ по фотографическимъ карточкамъ за революціоннаго дѣятеля, Іосифа *Зелинскаго*; затѣмъ мѣщанинъ Иванъ *Савенко*, извѣстный въ революціонной срѣдѣ подъ прозвищемъ «Секретарь» и высланный въ 1879 г. административнымъ порядкомъ въ Архангельскую губернію; Петръ Волкъ, извѣстный по преступной дѣятельности *Волошенко*, осужденный въ каторжныя работы; Сергѣй *Наддачинъ*, извѣстный Ключникову подъ названіемъ столяра Сергѣя, высланный изъ Кіева въ Восточную Сибирь по административному распоряженію; *Американецъ сапожникъ*, личность неизвѣстная (высокій, здоровый, брюнетъ, съ небольшими стрижеными усами), которая, по словамъ Ключникова, работала въ мастерской, содержимой на средства украинофиловъ, на Владимірской улицѣ, противъ театра; *Екатерина Графиня*, личность невыясненная; наконецъ, Марія *Ковалевская*, упомянутая выше, извѣстная Ключникову подъ именемъ «Маруси». Всѣ эти лица постоянно имѣли при себѣ, за исключеніемъ Басова, заряженные револьверы, необходимые для сопротивленія на случай обыска въ означенной квартирѣ или ареста, а ложась спать, клали таковые подъ головы. Большая часть ихъ была посвящена болѣе или менѣе въ планъ покушенія на освобожденіе Фомина, причемъ заказомъ жандармскихъ мундировъ и вообще всѣмъ этимъ дѣломъ руководилъ Свириденко, но кто именно участвовалъ въ самомъ покушеніи на освобожденіе Фомина — Ключниковъ не объясняетъ. Засимъ, послѣ отъѣзда Свириденко, въ октябрѣ 1878 г., для приведенія въ исполненіе задуманнаго плана, Басовъ изъ означенной квартиры уѣхалъ, по словамъ Ключникова, въ Одессу. Таковы въ общихъ чертахъ свѣдѣнія, сообщаемыя нѣкоторыми изъ сознавшихся лицъ о дѣятельности Басова.

Кромѣ упомянутыхъ лицъ, въ дѣятельности украинофиловъ-соціалистовъ принимали, по показанію Богославскаго, болѣе или менѣе близкое участіе слѣдующія лица:

Бѣлинскій, студентъ Кіевскаго университета, который участвовалъ въ 1878 году въ собраніяхъ молодыхъ украинофиловъ «коши» и скрывалъ у себя, по словамъ Богославскаго, дворянина Леонида Антонова *Дическулло*, розыскиваемаго по прикосновенности къ дѣлу о вооруженномъ сопротивленіи въ Кіевѣ, бывшемъ 11 февраля 1879 г. Изъ имѣющихся свѣдѣній, а равно изъ показанія Гольденберга видно, что Дическулло привлекался къ процессу 193-хъ и былъ судомъ оправданъ, послѣ чего, желая избѣгнуть административной высылки, сталъ проживать подъ чужою фамиліею, т. е. сдѣлался нелегальнымъ. Находясь большею частью въ Кіевѣ и участвуя до 1878 г. въ дѣятельности соціально-революціонной партіи, Дическулло принадлежалъ къ фракціи «пропагандистовъ»; но съ развитіемъ террористической системы сталъ

сочувственно относиться къ послѣдней. Засимъ, участвуя въ вооруженномъ сопротивленіи въ Кіевѣ, Дическулло, проживавшій въ то время въ квартирѣ той самой слушательницы женскихъ курсовъ, Бабичевой, которая, по словамъ Гольденберга, выдала всѣхъ арестованныхъ въ домѣ Коссоровской, на Паньковской улицѣ, — успѣлъ скрыться, благодаря лишь своей находчивости. Послѣ этого онъ еще нѣкоторое время пробылъ въ Кіевѣ, а затѣмъ уѣхалъ заграницу, гдѣ, по словамъ Гольденберга, находится и по настоящее время; жена-же его живетъ въ Симферополѣ.

Зенченко. Ѳедоръ Ефимовъ, о которомъ уже отчасти упоминалось выше, происходитъ изъ мѣщанъ г. Новозыбкова, Черниговской губерніи, былъ народнымъ учителемъ въ Новозыбковскомъ уѣздѣ, а въ настоящее время оказывается причастнымъ къ дѣлу о противозаконномъ сообществѣ, производящемуся въ Кіевѣ. Изъ показанія Гольденберга видно, что Зенченко былъ также народнымъ учителемъ въ Волынской губерніи, а въ 1879 г. онъ арендовалъ у помѣщицы Лисевичъ имѣніе ея, подъ названіемъ «Калиновъ мостъ», въ Пирятинскомъ уѣздѣ, Полтавской губерніи, съ цѣлью познакомиться съ сельскимъ хозяйствомъ и работой, а впослѣдствіи поселиться въ деревнѣ для пропаганды среди крестьянъ. Съ тою-же цѣлью проживали у него, по словамъ Гольденберга, Иванъ и Владиміръ Драгневичи, о революціонной дѣятельности которыхъ уже сказано выше, жена Зенченко, урожденная *Смирницкая*, которая была выслана на жительство въ Вологодскую губернію за участіе въ сооруженіи памятника на могилѣ умершаго отъ ранъ политическаго преступника Ивичевича, но изъ ссылки скрылась и до настоящаго времени не розыскана, и бывшій студентъ Кіевскаго университета Павелъ *Ивановъ*, объ отношеніи котораго къ революціонному дѣлу ничего неизвѣстно. По характеристикѣ Зенченко, сдѣланной Гольденбергомъ, можно заключить, что онъ развитой и умный человѣкъ и хотя примкнулъ къ террористической фракціи, но по убѣжденіямъ не признаетъ террора за средство къ достиженію политической свободы. Точно также и жена Зенченко, состоявшая 1878 г. въ Кіевѣ преподавательницею въ пріютѣ для дѣтей рабочаго сословія, была, по словамъ Гольденберга, по убѣжденію пропагандистка. Въ ноябрѣ 1879 г. Гольденбергъ встрѣтилъ Зенченко въ Москвѣ, гдѣ онъ проживалъ вмѣстѣ съ женою въ Кокоревской гостинницѣ, но о готовящемся покушеніи 19 ноября ни онъ, ни она, по словамъ Гольденберга, ничего не знали. Богославскій указываетъ на Зенченко, какъ на лицо, перевозившее въ Кіевъ изъ заграницы книги революціоннаго содержанія и снабжавшее революціонныхъ дѣятелей паспортными бланками.

Кривицкій, Николай, на котораго Богославскій указываетъ какъ на одно изъ лицъ, получавшихъ отъ приведеннаго выше Ѳедора Зен-

чеко паспортныя бланки, принадлежалъ, будучи учителемъ въ Мирогородѣ, къ партіи «травоядныхъ», существующей на Кавказѣ, распространяя пропаганду по программѣ этой партіи; но затѣмъ, въ 1875 г., поступивъ въ число студентовъ Кіевскаго университета, пристадъ къ партіи Кіевскихъ радикаловъ. Въ 1878 г. Кривицкій нанялъ, по словамъ Богославскаго, домъ на Б. Васильковской улицѣ, гдѣ проживали разныя нелегальныя лица, какъ-то: Зубжицкій, Галушкинъ и другіе, и хранились запрещенныя книги, разныя бланки и печати для фальшивыхъ документовъ, а послѣ того открылъ столовую въ одномъ изъ домовъ Жандармской улицы, гдѣ обѣдали большею частью нелегальныя лица. Кривицкій былъ извѣстенъ въ революціонной средѣ подъ названіемъ «генерала». Одно время онъ заправлялъ, по словамъ Богославскаго, кассой, предназначенной для административно-ссыльныхъ, но будучи замѣченъ въ растратѣ, былъ отстраненъ отъ завѣдыванія ею.

Дымскій, Левъ, принадлежалъ, по словамъ Богославскаго, съ 1874 года къ Полтавскому революціонному кружку гимназистовъ, затѣмъ, по пріѣздѣ въ Кіевъ и поступленіи въ университетъ св. Владиміра, пристадъ къ партіи радикаловъ; но почему-то въ 1877 г. былъ выключенъ изъ ихъ кружка и присоединился къ кружку Кіевскихъ молодыхъ украинофиловъ.

Грибенокъ, Ефимъ, какъ показываетъ Богославскій, былъ по убѣжденіямъ революціонеръ, находился въ близкихъ отношеніяхъ съ упомянутымъ выше Кривицкимъ и, подобно ему, держалъ въ Кіевѣ въ концѣ 1878 г. свою столовую, сперва въ домѣ Вереденко, по Б. Васильковской, а потомъ на углу этой и Елизаветинской улицъ, въ которой обѣдали одни революціонеры разныхъ партій; для нелегальныхъ же изъ террористической партіи была особенная комната, гдѣ лица этой партіи скрывались по неимѣнію документовъ, какъ напримѣръ, Янъ Зубжицкій, извѣстный революціонный дѣятель Кацъ, о которомъ сказано будетъ ниже, а иногда и Зубковскій.

Музурмовичъ. Петръ, бывшій студентъ Кіевскаго университета, находился, по словамъ Богославскаго, въ близкихъ отношеніяхъ съ упомянутыми выше Колодкевичемъ и Чепуринымъ, тѣмъ не менѣе онъ не принадлежалъ къ ихъ партіи, а имѣлъ свой особый кружокъ, къ которому принадлежалъ, между прочимъ, въ 1877 г. и Константинъ *Милиловичъ*, о дѣятельности котораго въ революціонной средѣ никакихъ свѣдѣній не имѣется. По тѣмъ-же даннымъ, Музурмовичъ имѣлъ у себя большое количество книгъ революціоннаго содержанія, которыя онъ распространялъ между кіевскими рабочими. Изъ революціонныхъ дѣятелей Музурмовичъ, по словамъ Богославскаго, былъ болѣе близокъ къ Драгневичамъ и Лобанчуку (онъ-же Гудзь); кромѣ

того. онъ часто бывалъ въ ассоціаціи Бровацкаго, въ Кіевѣ, на Большой Владимірской улицѣ.

Бать, окончившій курсъ Кіевскаго университета въ 1875 г., какъ изъ показанія Богославскаго видно, былъ по убѣжденіямъ радикалъ. но участвовалъ также и въ дѣятельности украинофиловъ и былъ знакомъ съ Лопатинымъ, Колодкевичемъ, Зубковскимъ и другими революціонными дѣятелями.

Фидоровскій Андрей и *Фидоровскій* Михаилъ также принадлежали. по словамъ Богославскаго, къ партіи Кіевскихъ молодыхъ украинофиловъ, причемъ послѣдній, будучи библіотекаремъ студенческой библіотеки, хранилъ въ библіотекѣ революціонныя книги, а въ послѣднее время былъ высланъ изъ Кіева административнымъ порядкомъ.

Лаврентьевъ. Василій, студентъ Кіевскаго университета. извѣстенъ Богославскому, со словъ Афанасія Зубковскаго тѣмъ, что послѣ высылки руководителей студентовъ въ мартовской исторіи, каковыми были. между прочимъ: Чепуринъ. Ювенальевъ и Иванъ *Панькѣевъ*, онъ. Лаврентьевъ, занялъ ихъ мѣсто и собиралъ деньги на разныя революціонныя предпріятія: что-же касается упомянутаго Панькѣева, который былъ высланъ изъ Кіева административнымъ порядкомъ. а въ настоящее время привлеченъ къ производящемуся въ Кіевѣ дѣлу о преступномъ сообществѣ. то онъ, по словамъ Богославскаго, находясь еще въ университетѣ. уже принадлежалъ къ партіи террористовъ и въ концѣ 1877 г. перевозилъ. будто бы, въ Кіевѣ нирокеплинъ изъ гостиницы Бергонье.

Старынкевичъ. Иванъ. бывшій студентъ Кіевскаго университета. прозывавшійся въ революціонной средѣ «владыкой», по словамъ Богославскаго. былъ по убѣжденію революціонеръ и находился въ очень близкихъ отношеніяхъ съ руководителями украинофиловъ Драгневичами. у которыхъ нерѣдко въ 1877 г. бывалъ на сходкахъ: участвовалъ также въ собраніяхъ клуба молодыхъ украинофиловъ и въ столкновеніи съ Кіевскою полиціею передъ театромъ въ концѣ 1877 г.. гдѣ и былъ раненъ въ голову рукояткой шашки.

Исковъ Иванъ и *Исковъ* Александръ. студенты Кіевскаго университета, принадлежали. по словамъ Богославскаго. къ партіи Кіевскихъ радикаловъ. причемъ послѣдній часто посѣщалъ въ 1876 г. руководителя старыхъ громадянъ Волкова. а затѣмъ оба бывали въ началѣ 1878 г. въ студенческой столовой. гдѣ происходили сходки.

Кукларскій Тимофей, *Свитухинъ* Михаилъ. *Демченко* Иванъ, *Туробольскій* и *Николай*, фамиліи котораго Богославскій не помнитъ, всѣ студенты Кіевскаго университета. также принадлежали. по словамъ Богославскаго, къ кружку молодыхъ украинофиловъ. Изъ нихъ Свѣ-

гухинъ. по указанію Богославскаго. въ настоящее время отбываетъ воинскую повинность.

Изъ числа женщинъ. вращавшихся въ Кіевскомъ революціонномъ сообществѣ, Богославскій называетъ:

Натензонъ. Елизавету. которая. какъ объясняетъ Богославскій. по всей вѣроятности принадлежитъ къ партіи террористовъ. Предположеніе свое Богославскій объясняетъ тѣмъ. что когда въ началѣ 1879 г.. вскорѣ послѣ вооруженнаго сопротивленія въ Кіевѣ. пріѣхалъ туда упомянутый выше студентъ Панькѣевъ. то послѣдній. предложивъ Богославскому при встрѣчѣ съ нимъ на улицѣ бросить уроки и спеціально заняться. за извѣстное отъ него. Панькѣева. вознагражденіе. революціоннымъ дѣломъ. между прочимъ. просилъ найти человѣка. который-бы вырѣзалъ находившуюся у него печать и притомъ указалъ на квартиру *Натензона*. въ одномъ изъ домовъ на углу Подвальной и Афанасьевской улицъ. куда слѣдуетъ доставить изготовленную печать. Кромѣ того, по словамъ Богославскаго, въ квартирѣ *Натензона* скрывался въ послѣднихъ числахъ февраля 1879 г. бѣжавшій изъ Одессы солдатъ, котораго Панькѣевъ привезъ въ Кіевъ.

Косичъ. Елену. слушательницу курса повивальнаго искусства при университетѣ св. Владиміра, которая была учительницей въ Кіевскомъ дѣтскомъ пріютѣ и въ 1876 г. принадлежала. по словамъ Богославскаго. къ партіи такъ называемыхъ «бунтарей». представителемъ которой въ Кіевѣ былъ Владиміръ Дебагорій-Мокріевичъ. считавшій ее. по словамъ Богославскаго. за одну изъ дѣятельныхъ женщинъ этого кружка. Гольденбергъ, въ показаніи своемъ, отзывается о Косичъ какъ о весьма развитой. серьезной и энергичной личности: онъ зналъ ее по Кіеву въ томъ-же 1876 году, а въ мартѣ 1879 г. встрѣтилъ въ С.-Петербургѣ, гдѣ она слушала въ то время курсы повивальнаго искусства. Въ томъ-же году Косичъ была выслана административнымъ порядкомъ въ г. Чугуевъ. Харьковской губерніи. Засимъ со словъ содержащагося въ Одессѣ Евпаторійскаго мѣщанина Никиты *Хомякова*. извѣстнаго въ революціонной средѣ подъ именемъ «Никитки». Курицынъ. между прочимъ. указываетъ на дѣятельность Елены Косичъ въ Кіевѣ. гдѣ она содержала коммунистическую квартиру для нелегальныхъ партій Дебагорія-Мокріевича, въ которой скрывался дворянинъ Сергѣй *Чубаровъ*. казненный 10 августа 1879 г. по приговору Одесскаго военно-окружнаго суда, по обвиненію въ организаціи революціоннаго сообщества въ Одессѣ.

Екатерину *Сарандовичъ* и *Лунину*. слушательницъ курсовъ повивальнаго искусства при университетѣ св. Владиміра. изъ коихъ первая, по словамъ Богославскаго, находилась въ близкихъ отношеніяхъ съ Иваномъ Ивичевичемъ, умершимъ впослѣдствіи отъ ранъ. полученъ-

ныхъ во время вооруженнаго сопротивленія въ Кіевѣ 11 февраля 1879 г., а послѣдняя, занимающаяся теперь акушерской практикой, принадлежала въ 1878 г. къ числу обычныхъ посѣтителей квартиры руководителя старыхъ украинофиловъ Волкова.

Житецкую, Александру, по убѣжденіямъ украинофилку, *Троцкую*. Наталію, и *Яцевичъ*. Юлію, слушательницъ Кіевскихъ высшихъ женскихъ курсовъ. лишь намѣченныхъ въ показаніи Богославскаго, безъ указанія на свойство ихъ дѣятельности въ революціонной средѣ.

Щетинскую. Елизавету, урожденную Фенъ, также слушательницу Кіевскихъ высшихъ женскихъ курсовъ, которая. по словамъ Богославскаго. жила въ 1876 году въ квартирѣ революціонера Волкова и по убѣжденіямъ была украинофилка; впослѣдствіи-же. именно въ концѣ 1878 и въ началѣ 1879 г., находилась въ очень близкихъ отношеніяхъ съ Зубковскимъ и другими дѣятелями партіи народниковъ-бунтарей. Въ 1878 г. познакомился съ нею и Гольденбергъ, который считаетъ ее принадлежащею къ партіи молодыхъ украинофиловъ. Изъ показанія Гольденберга видно. что въ маѣ 1879 г. Щетинская была въ Черниговѣ.

Баковецкую, принадлежавшую, по словамъ Богославскаго, къ Кіевскому революціонному обществу молодыхъ. которая, постоянно живя въ деревнѣ Золотоношскаго уѣзда, Полтавской губерніи. съ Варварой *Ильяшенковой*, высланною изъ С.-Петербурга административнымъ порядкомъ, за участіе въ революціонной манифестаціи у Казанскаго собора,—часто пріѣзжала въ Кіевъ, останавливаясь обыкновенно въ квартирѣ Волкова.

Изъ числа военныхъ. принадлежащихъ къ Кіевскому преступному сообществу. Богославскій указываетъ, между прочимъ, на офицера, по фамиліи *Глѣбова*. бывавшаго на сходкахъ кіевской молодежи и посѣщавшаго въ 1878 г. студенческую библіотеку, на Жандармской улицѣ. гдѣ Богославскій встрѣчалъ его въ обществѣ революціонеровъ. какъ-то: Волкова. Ярошкаго. Зубжицкаго и другихъ. Офицеръ этотъ, по словамъ Богославскаго, носилъ желтые погоны и участвовалъ въ Сербской кампаніи: онъ проживалъ въ послѣднее время въ Каневѣ, Кіевской губерніи. имѣетъ имѣніе въ Подольской губерніи, а сестра его. Марія. живетъ въ Кіевѣ. Кромѣ того. Богославскій удостовѣряетъ, что Глѣбовъ участвовалъ въ началѣ 1878 г. въ революціонной демонстраціи въ Кіевѣ, выразившейся въ процессіи по городу рабочихъ, студентовъ и разныхъ лицъ изъ революціонной среды съ крестомъ для могилы умершаго кіевскаго гимназиста *Балюстина*, который, ради цѣлей пропаганды, пошелъ въ простые рабочіе, причемъ, во время шествія этой процессіи. Овсянкинъ. о которомъ упомянуто было выше. говорилъ на Троицкомъ базарѣ рѣчь о конституціи.

Кромѣ Глѣбова. нѣкоторые изъ офицеровъ квартировавшаго въ Кіевѣ. на Крещатикѣ, въ началѣ 1879 г. полка. имѣвшіе красный околышекъ на фуражкѣ. также вели знакомство съ революціонерами. преимущественно съ Зубковскимъ и Колодкевичемъ. причемъ Богославскому достовѣрно извѣстно. что одинъ изъ офицеровъ этого полка далъ Колодкевичу документъ на имя Ивана Павловича (фамилія неизвѣстна). по каковому виду былъ прописанъ Колодкевичъ въ мѣстѣ послѣдняго жительства своего, по Десятинной улицѣ. въ послѣднемъ домѣ подъ Ярмъ съ лѣвой стороны. Изъ кіевскихъ солдатъ, участвовавшихъ въ революціонномъ дѣлѣ, Богославскій зналъ *Сухманева*, служившаго въ канцеляріи сборнаго пункта. на Жилянской улицѣ. и нѣкоего Ивана, служившаго при арсеналѣ. а также встрѣчалъ въ квартирѣ революціонеровъ-черноморцевъ, о которыхъ упомянуто выше, неизвѣстнаго ему солдата, имѣвшаго синіе погоны съ номеромъ, который былъ любовникомъ названной выше революціонной дѣятельницы Лукіи. Кромѣ сего. въ началѣ 1878 г., Богославскій заставалъ въ квартирѣ революціонера Трюхлаго еще двухъ солдатъ и военныхъ писарей съ сборнаго пункта. на Жилянской улицѣ. Изъ военныхъ врачей. принадлежавшихъ къ партіи молодыхъ украинофиловъ, Богославскій называетъ *Крыжановскаго* и *Егорова*, которые занимались временно врачебной практикой въ Кіевскомъ врачебномъ госпиталѣ, на Голубицкомъ шоссе, противъ солдатскихъ казармъ

Наконецъ, Богославскій указываетъ. что въ Кіевскомъ революціонномъ сообществѣ вращались еще слѣдующія лица: часовыя мастерицы сестры *Рубинчика*, въ квартирѣ которыхъ, по Московской улицѣ. скрывались розыскивавшіеся революціонные дѣятели, въ томъ числѣ Левченко (онъ-же Никитка) и Кобылянскій (онъ-же Володька). обвиняемый въ убійствѣ князя Крапоткина; *Читая*, братъ жены студента Когутова, о которомъ упомянуто выше, отбывающій нынѣ воинскую повинность; *Шилудкій*, Василій, бывшій студентъ Кіевскаго университета, принадлежавшій къ партіи молодыхъ украинофиловъ и извѣстный въ революціонной средѣ подъ названіемъ «Марьи Ивановны». о которомъ упоминаетъ въ своемъ заявленіи и Гольденбергъ. какъ о личности. принадлежавшей къ означенной партіи и встрѣчавшейся съ нимъ въ 1878 г. въ Кіевѣ. а позднѣе—въ Черниговѣ; *Балабенко*, по убѣжденію революціонеръ, бывавшій часто въ рабочей ассоціаціи Бровацкаго и имѣвшій въ 1877 и 1878 годахъ знакомство съ Разумовскими рабочими: *Костыро*, Георгій, извѣстный Богославскому, со словъ упомянутаго выше Лейвина, за революціоннаго дѣятеля, склонявшагося въ сторону террористовъ; *Беккеръ*, Владиміръ, студентъ Кіевскаго университета, участвовавшій какъ въ студенческихъ движеніяхъ 1877 и 1878 г., такъ и въ процессіи революціоне-

ровъ съ крестомъ для могилы умершаго политическаго дѣятеля Бѣлостина: бывшіе студенты того-же университета: Иванъ *Зубковскій* (нынѣ докторъ). *Писаревскій*, родомъ изъ Богачки. Миргородскаго уѣзда, Полтавской губерніи, и *Кеендзенко*, которые. пріѣзжая изъ Кіева на каникулы въ Миргородскій уѣздъ. постоянно съ запасомъ запрещенныхъ книгъ. распространяли въ народѣ преступную пропаганду: *Ивановъ*. окончившій курсъ въ С.-Петербургскомъ технологическомъ институтѣ. котораго Богославскій встрѣчалъ въ Кіевѣ. въ квартирѣ Кейзера. въ обществѣ Басова; радикалъ *Гриневичъ*: *Издербскій*, таксаторъ. бывшій въ сношеніяхъ съ Кіевскими революціонерами разныхъ партій: *Дынникъ*, Денисъ. работавшій на Кіевской желѣзной дорогѣ смазчикомъ колесъ, и *Избитскій*, котораго Богославскій. со словъ содержавшихся съ нимъ, въ послѣднее время. въ Кіевской тюрьмѣ политическихъ преступниковъ Шефера и Малавскаго, представляетъ принадлежавшимъ первоначально къ партіи революціонеровъ-радикаловъ. признававшихъ необходимость предварительной подготовки народа для достиженія революціонныхъ цѣлей, а затѣмъ приставшимъ. въ началѣ 1878 г., къ террористическому кружку Валеріана Осинскаго. видѣвшаго наоборотъ въ террорѣ средство къ подготовкѣ почвы для пропаганды въ народѣ. Засимъ, изъ показанія Богославскаго видно. что первымъ шагомъ Избитскаго въ дѣятельности этого послѣдняго кружка было участіе его въ расклейкѣ въ Кіевѣ прокламацій, на чемъ онъ и былъ пойманъ. Независимо отъ сего, Богославскій указываетъ. что Избитскій принималъ дѣятельное участіе въ сходкахъ молодежи за Днѣпромъ въ 1875 году.

Изъ вышеизложеннаго усматривается, что. за немногими исключеніями, указанныя Богославскимъ и Веледницкимъ лица принадлежали къ партіямъ старыхъ и молодыхъ украинофиловъ, каковыя партіи составляли первоначально, такъ сказать, ядро революціоннаго движенія въ Кіевѣ. Но не одинъ Кіевъ совмѣщалъ въ себѣ представителей и послѣдователей этихъ партій: ихъ было не мало и въ другихъ городахъ и мѣстностяхъ. преимущественно южной Россіи. Такъ. въ началѣ этой записки уже указано было на дѣятельность революціоннаго кружка изъ украинофиловъ въ г. Полтавѣ. имѣвшаго сношенія съ партіей Кіевскихъ украинофиловъ при посредствѣ присяжнаго повѣреннаго Полтавскаго окружнаго суда Троцкаго. Засимъ. Богославскій знакомитъ. отчасти, съ революціоннымъ кружкомъ въ Кременчугѣ, дѣйствовавшимъ подъ непосредственнымъ руководствомъ Кіевскихъ старыхъ „громадянъ“ въ лицѣ наиболѣе видного представителя этой партіи Волкова, о которомъ упомянуто выше. Изъ числа дѣятелей Кременчугскаго революціоннаго кружка. Богославскій называетъ. въ своемъ показаніи. бывшаго учителя одного изъ Кременчугскихъ учебныхъ

заведеній, котораго онъ не назвалъ, *Лукьяновича*; бывшую учительницу Кременчугской приходской школы, нынѣ проживающую, будто бы, въ С.-Петербургѣ, Надежду *Ничипорову*, къ которой Богославскій привозилъ изъ Кіева, по порученію Волкова, книги революціоннаго содержанія; затѣмъ Елену *Краснокутскую*, которая, по словамъ Богославскаго, въ послѣднее время, будто-бы, арестована; гимназистовъ Кременчугскаго реальнаго училища *Жученко* и Дениса *Подгорнаго*, находящагося, будто-бы, въ одномъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній въ С.-Петербургѣ; дѣвицу *Калиновскую*, извѣстную въ революціонной средѣ подъ прозвищемъ «Пифія», и бывшаго гимназиста Кременчугской гимназіи *Овсянникова*, проживающаго и въ настоящее время въ Кременчугѣ. Независимо отъ сего, въ 1878 г. Богославскій, по его словамъ, познакомился въ Кременчугѣ, чрезъ посредство упомянутаго выше *Арончика*, на котораго указываетъ Гольденбергъ, какъ на одного изъ участниковъ въ дѣлѣ покушенія 19 ноября 1879 г., съ бывшими учениками Кременчугскаго реальнаго училища: Бормомъ *Членовымъ*, который и теперь живетъ въ Кременчугѣ, *Лурье* и *Гуревичъ*, изъ коихъ первый часто пріѣзжалъ въ Кіевъ и жилъ у брата своего, на Подолѣ, а послѣдній—большею частью находился въ С.-Петербургѣ. Дѣятельность этихъ послѣднихъ трехъ лицъ въ революціонномъ дѣлѣ, по словамъ Богославскаго, выражалась, между прочимъ, въ доставленіи розыскивавшимъ политическимъ дѣятелямъ средствъ какъ къ укрывательству, такъ и къ существованію. Такъ, поддержкою ихъ пользовался, по словамъ Богославскаго, какой-то Володька, по всей вѣроятности тотъ самый Кобылянскій (онъ-же Григоренко), который былъ извѣстенъ въ революціонной средѣ подъ этимъ именемъ и нынѣ привлеченъ къ дѣлу объ убійствѣ князя Краснокутскаго. Кромѣ сего, Членовъ, Лурье и Гуревичъ выписывали для Кременчугской молодежи революціонный журналъ «Земля и Воля» и посылали деньги на поддержаніе существованія этого журнала.

Наконецъ, изъ показанія Веледницкаго видно, что проводимая украинофильствомъ идея областнаго сепаратизма пустила корни далеко на сѣверо-востокъ. Въ подтвержденіе сего приводится имъ фактъ изъ дѣятельности профессора Казанскаго университета *Щапова*, впослѣдствіи сосланнаго въ Сибирь, который проводилъ съ каѳедры тенденціи, тождественныя съ украинофильскими, возбуждая въ населеніи стремленіе къ особности.

Такимъ образомъ несомнѣнно, что партіи старыхъ и молодыхъ украинофиловъ представляются и теперь неутратившими прежняго значенія въ сферѣ революціоннаго движенія. Значеніе это представляется тѣмъ болѣе знаменательнымъ въ революціонной средѣ, что эти двѣ партіи дѣйствуютъ съ большимъ спокойствіемъ и сдержанностью, нежели всѣ другія революціонныя партіи, съ которыми украинофилы при-

ходятъ въ соприкосновеніе посредствомъ молодыхъ членовъ этого преступнаго сообщества. Кромѣ сего, съ 1877 г. въ дѣятельности обѣихъ партій украинофиловъ установились, по словамъ Богославскаго, общность стремленія и единство дѣйствій. Это соединеніе старыхъ и молодыхъ украинофиловъ произошло въ день поминокъ «роковины» Шевченко, на которыя до 1877 г. собирались одни старые громадяне, а въ этомъ году принимали участіе и украинофилы изъ партіи «молодежи». Вслѣдствіе состоявшагося тогда соглашенія, между украинофилами обѣихъ партій произошло окончательное сближеніе, причемъ молодые стали давать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ старымъ чрезъ посредство выборныхъ, какими разновременно были, по словамъ Богославскаго, братья Драгневичи. Яковъ Шульгинъ и уже въ послѣднее время Родіонъ Житецкій. Вслѣдствіе такой сплоченности обѣихъ партій, дѣятельность украинофиловъ обращаетъ на себя особенное вниманіе.

III.

Показанія Курицына, Гольденберга и другихъ сознавшихся лицъ близко касаются дѣятельности трехъ извѣстныхъ революціонныхъ дѣятелей: Якова *Стефановича*, сына священника Черниговской губерніи, бывшаго студента Кіевскаго университета, Льва *Дейча*, еврея, изъ мѣщанъ Кіевской губерніи, дезертира 130-го пѣхотнаго Херсонскаго полка, и дворянина Ивана *Бохановскаго*, товарища Стефановича по университету, изъ котораго оба они были исключены въ 1875 г. за участіе въ студенческихъ безпорядкахъ.

Изъ имѣющихся свѣдѣній видно, что названныя лица принадлежали къ числу главныхъ дѣятелей пропаганды въ народѣ на югѣ Россіи и преимущественно въ Кіевской губерніи. По исключеніи изъ университета, Стефановичъ вмѣстѣ съ Дейчемъ, бѣжавшимъ въ то время изъ военной службы, отправились въ Швейцарію, сблизились тамъ съ русскими эмигрантами и, получивъ отъ нихъ инструкціи, возвратились на югъ Россіи. Преступная дѣятельность ихъ выразилась въ слѣдующемъ:

Въ началѣ 1877 г. они организовали въ средѣ крестьянъ Чигиринскаго уѣзда, Кіевской губерніи, нѣсколько революціонныхъ обществъ, именовавшихся «тайными дружинами», цѣлью которыхъ было подготовленіе народа къ ниспроверженію государственнаго и общественнаго строя посредствомъ захвата и раздѣла между крестьянами имущества крупныхъ землевладѣльцевъ, капиталистовъ, фабрикантовъ и другихъ имущихъ лицъ. Для осуществленія этой цѣли, Стефановичъ, Дейчъ и примкнувшій къ нимъ Бохановскій прибѣгли къ обману. Они составили и напечатали въ Швейцаріи подложную Высочайшую золотую

грамоту и уставъ крестьянскаго общества, а себя называли «государевыми коммисарами», уполномоченными Царскою Властью для истолкованія и распространенія намѣреній Государя. Обманутые крестьяне приводились ими къ присягѣ по особой составленной для сего формѣ и обязывались привлекать къ обществу другихъ, а затѣмъ, когда число таковыхъ возросло до 1.000 человѣкъ, Стефановичъ, Дейчъ и Боховскій раздѣлили ихъ на дружины по 200 и 300 человѣкъ, выдавая чрезъ дружинниковъ бѣднѣйшимъ крестьянамъ денежныя субсидіи, а ихъ женамъ подарки. Благодаря своевременно принятымъ мѣрамъ, эта конспиративная затѣя была разоблачена, а обманутые крестьяне не только сознались, но еще изобличили во всемъ задержанныхъ въ то-же время Стефановича, Дейча и Боховскаго, которые были извѣстны какъ между соціалистами, такъ и между крестьянами, подъ псевдонимами: Стефановичъ — «Дмитро Наливы», Дейчъ — «Яшки» и Боховскій — «Савки».

Такимъ образомъ, Чигиринское дѣло представляется первымъ опытомъ партіи «народниковъ бунтарей», представителями которой были Стефановичъ, Дейчъ и Боховскій. Если въ разоблаченіяхъ Курицына и другихъ поименованныхъ выше лицъ и не усматривается активнаго участія въ этомъ дѣлѣ партіи Кіевскихъ украинофиловъ, то съ другой стороны показаніе Богославскаго представляетъ ясное указаніе на ту роль, которая принадлежала «старымъ громадянамъ» въ попыткѣ произвести открытый бунтъ въ Чигиринскомъ уѣздѣ. Роль эта уже въ достаточной степени намѣчена при изложеніи организаціи партіи «старой громады». Она заключалась въ доставленіи Стефановичу матеріальныхъ средствъ, безъ чего Чигиринское дѣло не могло-бы развиться. Доказательствомъ тому, что Чигиринское дѣло велось при помощи украинофиловъ, служитъ, кромѣ изложеннаго выше въ показаніи Богославскаго, также показаніе Курицына, въ которомъ онъ, со словъ содержащагося въ Одесской тюрьмѣ Левченко, указываетъ, что Стефановичъ еще во время содержанія его въ Кіевской тюрьмѣ, изложилъ спеціально для украинофиловъ сущность Чигиринскаго дѣла и свои бунтарскія идеи, причемъ украинофилы, прочтя эту записку Стефановича на общей сходкѣ, остались ею очень довольны и тутъ-же выдали посланнымъ отъ Стефановича 1.500 руб. на продолженіе его плановъ. Слѣдовательно, участіе украинофиловъ въ этомъ дѣлѣ было немаловажное, тѣмъ не менѣе они остались въ сторонѣ, благодаря осторожности своей и умѣнью пользоваться стремленіями другихъ революціонныхъ партій, въ особенности такихъ, какъ партіи «бунтарей» и «террористовъ», для достиженія собственныхъ цѣлей, въ томъ разсчетѣ, что успѣшный исходъ болѣе острыхъ проявленій въ дѣятельности этихъ партій можетъ подвинуть впередъ и дѣло обособленія Малороссіи, со-

ставляющее конечную цѣль ихъ собственныхъ стремленій. Исходя изъ этого, несомнѣнно существующаго выжидательнаго положенія украинофиловъ и ихъ образа дѣйствій въ этомъ направленіи, представляется очевиднымъ, что украинофильская партія составляетъ весьма опасный элементъ въ сферѣ революціоннаго движенія вообще.

Одновременно съ образованіемъ заговора въ Чигиринскомъ уѣздѣ и даже ранѣе, Стефановичъ, Дейчъ и Бохановскій были самыми дѣятельными пропагандистами на югѣ Россіи вообще и преимущественно въ Кіевѣ и Одессѣ. Въ Кіевѣ они основали «коммуну», которая именовалась коммуной Стефановича и помѣщалась, по указанію, сдѣланному Курицинымъ со словъ содержащагося въ Одесской тюрьмѣ политическаго преступника Левченко (онъ-же Никитка), въ квартирѣ *Тургеневой*, которая послѣ Чигиринскаго дѣла бѣжала заграницу, гдѣ находится и въ настоящее время. Засимъ, они основали въ Кіевѣ подпольную типографію, въ которой отпечатаны были возмутительныя воззванія, появлявшіяся въ началѣ послѣдней Турецкой кампаніи въ Одессѣ и Кіевѣ. Хотя типографія эта и была открыта, но злоумышленники успѣли своевременно потопить типографскій станокъ въ Днѣпрѣ.

Наконецъ, Стефановичу, Дейчу и Бохановскому принадлежали какъ мысль, такъ и исполненіе по дѣлу о покушеніи на жизнь ихъ товарища по коммунѣ, почетнаго гражданина Николая *Гориновича*, судившагося по процессу 193-хъ, котораго они заподозрѣли въ измѣнѣ. На совѣщаніи объ убійствѣ Гориновича, происходившемъ въ Елисаветградѣ, на квартирѣ, нанимавшейся въ домѣ Мандрики, для притона укрывавшихся отъ преслѣдованія соціалистовъ, присутствовали, кромѣ Стефановича, Дейча и Бохановскаго, слѣдующіе революціонеры: исключенный изъ Одесской духовной семинаріи, сынъ діакона *Дробязгинъ*, казненный въ 1879 г. въ Одессѣ, рядовой изъ вольноопредѣляющихся 132 пѣхотнаго баталіона, бывшій студентъ Новороссійскаго и Харьковскаго университетовъ Викторъ *Малинка* (онъ-же Фомка), казненный въ Одессѣ одновременно съ Дробязгинымъ, и уволенный въ запасъ 14 артиллерійской бригады изъ вольноопредѣляющихся, бывшій студентъ Новороссійскаго университета Викторъ *Кистюринъ* (онъ-же Алешка), сосланный по тому-же дѣлу въ каторжныя работы. Для совершенія задуманнаго преступленія, Гориновичъ былъ увезенъ ими обманнымъ образомъ въ Одессу, причемъ, хотя Гориновичу и нанесены были въ ночь на 11 іюня 1876 г. тяжелыя раны въ голову, а самая голова облита была Дейчемъ сѣрною кислотою, тѣмъ не менѣе пострадавшій остался живъ. Впослѣдствіи Стефановичъ напечаталъ въ одномъ изъ соціально-революціонныхъ органовъ, издаваемыхъ въ Женевѣ, письмо изъ Лондона, въ которомъ, заявляя о подробностяхъ этого звѣрскаго покушенія, сдѣлалъ

воззваніе къ соціалистамъ о необходимости подобнаго образа дѣйствій относительно всѣхъ, измѣняющихъ революціонному дѣлу.

Въ концѣ 1877 г. Стефановичъ, Дейчъ и Боховскій были арестованы и заключены подъ стражу въ Кіевской тюрьмѣ, но въ августѣ 1878 г. успѣли бѣжать, при помощи тюремнаго сторожа Тихона, и затѣмъ скрыться заграницу. Относительно этого побѣга Курицынъ, въ своемъ показаніи, говоритъ, что означенный тюремный сторожъ Тихонъ, который скрылся вмѣстѣ съ названными политическими преступниками, былъ подставное лицо, извѣстное въ революціонной средѣ подъ именемъ «Михайлы». Объ этомъ «Михайлѣ» Курицынъ заявляетъ только, что онъ былъ близокъ къ Чигиринскому дѣлу и что когда, послѣ раскрытія этого дѣла, Валеріанъ Осинскій (казненный въ Кіевѣ) прибылъ изъ С.-Петербурга въ Одессу, съ цѣлью ознакомиться съ этимъ дѣломъ, то «Михайло», съ которымъ Осинскій до этого не былъ знакомъ вовсе, успѣлъ повліять на убѣжденіе послѣдняго въ такой степени, что Осинскій, бывшій до этого лишь простымъ, хотя и довольно дѣятельнымъ пропагандистомъ, съ этого времени сдѣлался «народникомъ бунтаремъ» и даже рѣшился принять участіе въ освобожденіи изъ тюрьмы Стефановича, Дейча и Боховскаго. По всей вѣроятности, въ этой части заявленія своего Курицынъ не договорился, такъ какъ изъ показанія Гольденберга усматривается, что со словъ того же Курицына, какъ равно со словъ другихъ революціонныхъ дѣятелей, ему, Гольденбергу, извѣстно, что означенный «Михайло» есть Михаилъ Фоминъ, съ которымъ Гольденбергъ познакомился въ г. Липецкѣ, на съѣздѣ «террористовъ», о чемъ будетъ въ своемъ мѣстѣ изложено ниже при указаніи дѣятельности этой послѣдней фракціи. По словамъ Гольденберга, Фоминъ принадлежитъ къ числу весьма энергичныхъ и рѣшительныхъ людей, пользующихся большимъ уваженіемъ въ революціонной средѣ. Такимъ образомъ, главнымъ дѣятелемъ въ побѣгѣ Стефановича, Дейча и Боховскаго, былъ «Михайло», онъ-же, по словамъ Гольденберга, Фоминъ. Засимъ въ дѣлѣ этомъ принимали, по показанію Курицына, участіе упомянутые выше: «Никитка», оказывающійся Евпаторійскимъ мѣщаниномъ Левченко, и Марья Ковалевская, а также Ѳедотка, одинъ изъ весьма видныхъ революціонныхъ дѣятелей, участвовавшій какъ въ Чигиринскомъ дѣлѣ, такъ и подозрѣваемый въ соучастіи въ цѣлѣ покушенія на жизнь Гориновича. О Ѳедоткѣ никакихъ свѣдѣній до сего времени не получено, поэтому представляется нелишеннымъ интереса то мѣсто показанія Богославскаго, въ которомъ указывается, между прочимъ, на происхожденіе и мѣстопребываніе Ѳедотки. По словамъ Богославскаго, Ѳедотка есть бывшій ученикъ Полтавской гимназіи *Рагальскій*, служащій нынѣ на австрійской границѣ полицейскимъ чиновникомъ. Кромѣ сего,

изъ заявленія Курицына, даннаго имъ со словъ Никитки, видно, что родная сестра означеннаго Ѳедотки жила въ Кіевѣ на одной квартирѣ съ *Бибичъ*, о которой упоминалось выше, а потому послѣдняя можетъ дать нѣкоторыя указанія какъ относительно происхожденія, такъ и настоящей фамиліи Ѳедотки. Наконецъ, въ приготовленіи къ побѣгу названныхъ политическихъ преступниковъ участвовали, по словамъ Курицына, *Василекъ*, а также *Косихинъ*, содержавшійся въ послѣднее время въ Одесской тюрьмѣ вмѣстѣ съ Курицынымъ. Относительно самаго побѣга Курицынъ объясняетъ, что освобожденные уѣхали изъ Кіева на лодкѣ по Днѣпру въ Кременчугъ, оттуда отправились въ Харьковъ, а затѣмъ уже изъ Харькова Стефановичъ и Дейчъ уѣхали чрезъ Волочискую таможню заграницу, а Бохановскій остался для принятія участія въ покушеніи на освобожденіе политическаго преступника Войнаральскаго, послѣ чего также отправился заграницу. При этомъ Курицынъ, со словъ казненнаго въ Одессѣ Лизогуба, указываетъ, что Днѣпръ есть самый лучшій путь для побѣга и что у революціонеровъ въ Кіевѣ есть лодочникъ, у котораго постоянно для подобной надобности имѣется на готовѣ лодка и даже барка. Засимъ, расклеенныя въ Кіевѣ по поводу этого побѣга прокламаціи были, по заявленію Курицына, отпечатаны упомянутымъ выше Левченко (онъ-же Никитка), который признался ему въ этомъ.

Засимъ изъ свѣдѣній, сообщенныхъ Курицынымъ, со словъ содержавшагося съ нимъ въ Одесской тюрьмѣ Левченко (онъ же Никитка), видно, что Стефановичъ, Дейчъ и Бохановскій возвратились изъ заграницы въ Россію въ половинѣ сентября 1879 г. и поселились въ С.-Петербургѣ, куда Стефановичъ привезъ съ собою типографскія принадлежности, хрустальныя бомбы и другіе снаряды для взрыва. Въ то время Левченко находился въ Одессѣ и, узнавъ изъ сообщенія Стефановича о намѣреніи его прибыть въ Кіевъ, отправился туда для предупрежденія избранныхъ лицъ о пріѣздѣ Стефановича. По прибытіи его оказалось, что Стефановичъ намѣренъ былъ устроить подпольную типографію для изданія органа революціонной партіи «народниковъ», подобно органу террористовъ «Земля и Воля». Такъ какъ для этой печатни понадобились нѣкоторыя типографскія принадлежности, изъ числа тѣхъ, которыя уцѣлѣли отъ прежней типографіи революціонеровъ, спрятанныхъ въ одной деревнѣ, въ 6-ти верстахъ отъ Кіева, то Левченко, по порученію Стефановича, отправился туда за ними, но вмѣсто того былъ задержанъ, по распоряженію мѣстнаго жандармскаго управленія, и, какъ оказавшійся причастнымъ къ дѣлу объ образованіи Одесскаго преступнаго сообщества, отправленъ изъ Кіева въ Одессу, гдѣ Левченко содержится до настоящаго времени. Послѣ ареста Левченко (онъ же Никитка), Стефановичъ возвратился въ С.-Петербургъ.

взявъ съ собою проживавшаго въ Кіевѣ революціоннаго дѣятеля, извѣстнаго въ преступной средѣ подъ именемъ «Жоржа», который послѣ побѣга Стефановича заграницу заправлялъ дѣлами партіи «народниковъ» и, пользуясь большимъ между социалистами почетомъ, собиралъ сходки, разъясняя на нихъ разные революціонные вопросы. Засимъ изъ показанія Гольденберга видно, что онъ встрѣчалъ Стефановича въ іюлѣ 1879 г. въ С.-Петербургѣ, а въ ноябрѣ того же года въ Одессѣ. Относительно Дейча Гольденбергъ говоритъ, что видѣлъ его осенью 1879 г. въ Харьковѣ, гдѣ Дейчъ жилъ въ номерахъ, содержимыхъ въ д. Терещенко, на Клочковской улицѣ. Впрочемъ Гольденбергъ объясняетъ, что Дейчъ возвратился въ Россію съ цѣлью противодѣйствія терроризму и направленія агитаціи въ народъ.

Въ близкой связи съ дѣятельностью Стефановича, Дейча и Боханповскаго стоитъ революціонная дѣятельность Евпаторійскаго мѣщанина Никиты Васильева *Левченко*, извѣстнаго въ революціонной средѣ подъ именемъ «Никитки». При какихъ обстоятельствахъ было задержано означенное лицо въ Кіевской губерніи уже изложено выше. Содержась вмѣстѣ съ Левченко, Курицынъ имѣлъ возможность сблизиться съ нимъ и узнать отъ него многое какъ о немъ самомъ, такъ и о другихъ революціонныхъ дѣятеляхъ, съ которыми Левченко приходилъ въ ближайшее соприкосновеніе. По словамъ Курицына, которому Левченко извѣстенъ подъ именемъ «Никитки», послѣдній позаимствовалъ первоначально свои соціально-революціонныя тенденціи отъ Кіевскихъ пропагандистовъ. Дѣятельность его на этомъ пути началась въ 1876 г. подъ руководствомъ дворянина Чубарова, казненнаго въ Одессѣ въ 1879 г., который свелъ его, между прочимъ, съ Стефановичемъ, Дейчемъ, Боханповскимъ и Дебагоріемъ-Мокріевичемъ. Въ 1877 г. Левченко содержалъ на средства Чубарова, Стефановича и Дебагорія-Мокріевича коммунистическую квартиру, на которой имѣли постоянное жительство Вѣра *Засулича*, покусившаяся въ январѣ 1878 г. на жизнь генералъ-адъютанта Трепова, подруга ея *Маша*, оказавшая въ Петербургѣ, при ея арестѣ, вооруженное сопротивленіе, Ѳедотка, котораго Богославскій въ своемъ показаніи называетъ бывшимъ ученикомъ Полтавской гимназіи Рахальскимъ, и братъ Никитки Павелъ Левченко, который 21 августа 1879 г. задержанъ въ Херсонѣ за подговоръ ключника тамошняго тюремнаго замка къ передачѣ записки арестанткѣ Еленѣ Россиковой, содержавшейся тамъ по дѣлу о кражѣ денегъ изъ кладовой Херсонскаго губернскаго казначейства, и содержится нынѣ въ Кіевѣ, какъ причастный къ дѣлу объ организаціи тайнаго сообщества въ средѣ крестьянъ Чигиринскаго уѣзда. Кромѣ сего, въ квартирѣ этой находился складъ разныхъ революціонныхъ принадлежностей: тамъ же собирались многолюдныя сходки. Въ томъ же

1877 г. Никита Левченко и упомянутый братъ его. Павелъ Левченко, открыли въ Кіевѣ, на деньги Чубарова. слесарную мастерскую. гдѣ, послѣ ареста Стефановича, Дейча и Бохановскаго по Чигиринскому дѣлу. былъ произведенъ обыскъ, причемъ задержанъ и Никита Левченко, но по недостаточности уликъ тогда же освобожденъ; братъ же его успѣлъ до обыска скрыться и потому въ то время арестованъ не былъ. Послѣ того, опасаясь новаго ареста по поводу Чигиринскаго дѣла, Никита Левченко уѣхалъ первоначально въ Чигиринскій уѣздъ для приведенія въ порядокъ дѣлъ Стефановича и изслѣдованія всего происходящаго между крестьянами, а оттуда въ Харьковъ, куда пріѣхали въ то время и упомянутые выше Дебагорій-Мокріевичъ, Федотка и Викторъ Малинка, казненный 7-го декабря 1879 г. въ Одессѣ. Всѣ эти лица поселились въ одной комнатѣ съ проживавшимъ тогда въ Харьковѣ *Брандтнеромъ*, повѣшеннымъ въ маѣ 1879 г. въ Кіевѣ. и оставались тамъ до декабря 1877 г., послѣ чего Никита Левченко вмѣстѣ съ бывшей въ Харьковѣ, упомянутой выше, Марьей Ковалевской, отправился въ Кіевъ для принятія участія въ приготовленіяхъ къ освобожденію изъ тюрьмы Стефановича, Дейча и Бохановскаго, о чемъ изложено было выше. Послѣ побѣга послѣднихъ, Никита Левченко отправился въ Одессу, гдѣ жилъ въ квартирѣ Соколовской вмѣстѣ съ *Владиміромъ* и *Давыденко*, изъ коихъ Владиміръ, по нѣкоторымъ даннымъ, есть то самое лицо, которое казнено въ Кіевѣ подъ фамиліею Антонова, а Давыденко казненъ по дѣлу Чубарова въ Одессѣ: Соколовская-же также привлекалась къ дѣлу Чубарова, но судебное преслѣдованіе противъ нея было прекращено. Вскорѣ, однако. Никита Левченко вмѣстѣ съ Давыденко переѣхали на другую квартиру въ домъ Серебрянаго. по Княжеской улицѣ, гдѣ Никита. по словамъ Курицына. печаталъ прокламаціи. Послѣ того, когда Давыденко былъ арестованъ, а Левченко приэтомъ только случайно избѣгъ ареста. послѣдній. совмѣстно съ прибывшими тогда въ Одессу Дебагоріемъ-Мокріевичемъ. Марьею Ковалевскою и другими вооруженными лицами. занялся освобожденіемъ оставшагося въ означенной квартирѣ принадлежащаго Левченко и Давыденко имущества, въ числѣ котораго находился въ большомъ количествѣ шрифтъ и другіе сильно компрометирующіе предметы. Однако. освобожденіе имущества обошлось безъ всякихъ препятствій. благодаря тому. что квартира арестованнаго Давыденко оставалась необнаруженною. Послѣ того. на третій день, Никита Левченко уѣхалъ въ Кіевъ въ формѣ гимназиста реальной гимназіи. причемъ сопровождавшая его вооруженная компанія. въ которой находились. между прочимъ. Брандтнеръ и Орловъ. должна была отбить Левченко въ случаѣ его ареста. Вскорѣ онъ опять вернулся въ Одессу. гдѣ видѣлся съ Соколовской. отъ которой узналъ.

что по отношенію къ нему она не давала никакихъ показаній на допросѣ по дѣлу Чубарова, уговорить и дабы своего Алексѣя также не компрометировать его и не признавать, въ случаѣ предъявленія ему Никитки. Засимъ, въ концѣ 1878 г., на полученныя отъ Соколовской 50 руб., Никитка уѣхалъ въ Ростовъ на Дону, а потомъ возвратился въ Кіевъ, гдѣ остановился въ той самой квартирѣ, гдѣ были арестованы Дебагорій-Мокріевичъ и много другихъ революціонеровъ: Левченко-же избѣжалъ ареста только потому, что переѣхалъ съ этой квартиры за три дня до этого случая, а въ самый моментъ арестованія Мокріевича и другихъ, подходя къ квартирѣ, услышалъ выстрѣлы, вслѣдствіе чего, догадавшись въ чемъ дѣло, успѣлъ скрыться и предупредить о случившемся соумышленниковъ своихъ, которые приглашены были на эту самую квартиру для принятія участія въ съѣздѣ соціалистовъ. Съѣздъ этотъ, по заявленію Курицына, былъ назначенъ Дебагоріемъ-Мокріевичемъ для обсужденія выработанной имъ съ Валеріаномъ Осинскимъ «брошюрой» программы революціонной дѣятельности. Ко дню съѣзда, который назначенъ былъ черезъ недѣлю послѣ ареста Дебагорія-Мокріевича и другихъ лицъ, должны были прибыть соціалисты изъ разныхъ мѣстностей Россіи, и притомъ всѣхъ соціально-революціонныхъ фракцій, а потому Никита Левченко и другіе революціонные дѣятели, изъ числа проживавшихъ въ то время въ Кіевѣ, стали дежурить недалеко отъ дома, въ которомъ были арестованы упомянутыя лица, и предупреждать всякаго, кто направлялся въ этотъ домъ. Такъ, Никита Левченко предупредилъ пріѣхавшаго на съѣздъ Василька, который оказался впослѣдствіи Василіемъ *Литвинскимъ* и, будучи арестованъ, содержится нынѣ въ Одесской тюрьмѣ, а потомъ Михаила (по показанію Гольденберга, Михаилъ Фоминъ), явившагося на съѣздъ изъ Петербурга. Такимъ образомъ, дежурившіе успѣли остановить многихъ, которымъ грозилъ въ противномъ случаѣ неминуемый арестъ. Мѣсяцъ спустя, Левченко уѣхалъ изъ Кіева въ Одессу, гдѣ съ нимъ познакомились нѣкоторые украинофилы, въ томъ числѣ *Шульгинъ*, *Малованный* и *Андріевскій*, высланные впослѣдствіи административнымъ порядкомъ въ Восточную Сибирь, которые вели съ нимъ переговоры по поводу устройства типографіи для печатанія книгъ съ украинофильскими тенденціями. По этому предмету еще въ Кіевѣ съ Никитою Левченко велъ, по словамъ Курицына, переговоры указанный выше украинофилъ, учитель гимназіи Житецкій, который, между прочимъ, поставилъ въ условіе, чтобы объ ихъ украинофильскихъ интимныхъ дѣлахъ Левченко никому ничего не говорилъ. Энергичнѣе-же всѣхъ хлопоталъ по поводу устройства типографіи Шульгинъ, у котораго Никита Левченко жилъ безплатно. Эту украинофильскую печатню предполагалось устроить въ деревнѣ подъ Кіевомъ, и для нея, по

словамъ Никитки, переданнымъ въ заявленіи Курицына, уже выписаны были украинофилами изъ заграницы станокъ и другія типографскія принадлежности. Тѣмъ не менѣе предпріятіе это разстроилось, вслѣдствіе чего украинофилы уступили станокъ и типографскія принадлежности *Оксельроду*, относительно котораго Левченко говорилъ Курицыну, что онъ былъ главою еврейской компаніи, которая издавала заграницей революціонную газету «Работникъ», прибылъ въ Россію въ августѣ 1879 г., принадлежалъ къ партіи «террористовъ» и намѣренъ былъ открыть въ Одессѣ подпольную типографію и вообще основать тамъ центръ южныхъ террористовъ, для чего имѣли прибыть къ нему изъ заграницы еще нѣсколько единомышленниковъ. Въ концѣ апрѣля 1879 г. Никита Левченко отправился въ Симферополь, гдѣ онъ вступилъ въ сношеніе съ мѣстными соціалистами, въ числѣ коихъ Левченко назвалъ Курицыну, между прочимъ, *Львова*, носящаго прозваніе «Соломончикъ» (братъ высланнаго изъ Кіева административнымъ порядкомъ Наума Львова), который служилъ рядовымъ въ одномъ изъ расположенныхъ въ Симферополѣ полковъ. Запасшись у Симферопольскихъ соціалистовъ рекомендаціями къ соціалистамъ въ Феодосіи и Севастополѣ, Никита Левченко отправился предварительно въ Керчь, гдѣ живутъ его родная мать и братъ — слесарь, а оттуда чрезъ Таганрогъ и Ростовъ сперва въ Севастополь, а потомъ въ Феодосію. Въ Севастополѣ Левченко поселился у учителя мѣстной гимназіи, къ которому онъ имѣлъ рекомендательное письмо изъ Симферополя. У него Левченко видѣлъ много гимназистовъ и дѣвушекъ изъ аристократическихъ семействъ, принадлежащихъ къ соціальной партіи, приверженцевъ которой немало въ Севастополѣ, даже въ средѣ рабочихъ. Фамиліи означеннаго учителя Левченко Курицыну не назвалъ, но примѣты его характеричны: у него кривыя ноги съ вывороченными во внутрь колѣнями: съ виду онъ еще молодой человѣкъ. Въ Феодосіи Левченко остановился на квартирѣ молодаго священника, фамиліи котораго онъ также не назвалъ. Священникъ этотъ, принадлежащій къ соціальной партіи, у котораго Левченко также встрѣтилъ значительное число соціалистовъ разнаго званія и возрастовъ, состоитъ преподавателемъ въ одномъ изъ Феодосійскихъ учебныхъ заведеній. Изъ Феодосіи Левченко отправился прямо въ Одессу и прибылъ туда за три дня до суда по дѣлу Чубарова. Изъ соціалистовъ-революціонеровъ, съ которыми Левченко встрѣчался въ Одессѣ въ этотъ пріѣздъ свой туда, онъ указывалъ Курицыну на Савелія *Златопольскаго*, извѣстнаго по секретнымъ свѣдѣніямъ за лицо, принадлежащее къ революціонному сообществу, и *Львова* (онъ-же Николайчикъ), арестованнаго въ Одессѣ подъ именемъ Никандра Лѣвева по обвиненію въ революціонной пропагандѣ. О лицахъ этихъ упоминаетъ въ своемъ заявленіи и Гольденбергъ, но не сопровождаетъ это указа-

ніе никакими положительными данными о ихъ революціонной дѣятельности вообще. Въ августѣ 1879 г. Никита Левченко отправился въ Херсонъ съ цѣлью освобожденія, какъ онъ говорилъ Курицыну, изъ тамошней тюрьмы лица, сдѣлавшаго попытку бѣжать изъ Херсонскаго казначейства: но это предпріятіе окончилось арестомъ брата его, Павла Левченко, о чемъ уже упомянуто было выше, причемъ Никита Левченко едва самъ избѣжалъ ареста при попыткѣ передать брату своему, подвергнутому аресту при полиціи, записку чрезъ одного гимназиста. Указывая на Херсонское реальное училище, Никита Левченко говорилъ Курицыну, что онъ, во время пребыванія своего въ Херсонѣ, находился въ сношеніяхъ съ нѣкоторыми учениками этого училища, которыхъ онъ впослѣдствіи передалъ въ вѣдѣніе упомянутаго выше Оксельроде, который навѣщаетъ ихъ въ Херсонѣ и привозитъ съ собою для распространенія между гимназистами запрещенныя книги. Кромѣ сего, со словъ Никитки, Курицынъ указываетъ, что гдѣ-то на Кавказѣ служитъ учителемъ и дѣятельно занимается революціонною пропагандою *Хоржевскій*, который былъ выселенъ изъ Кіева административнымъ порядкомъ за участіе въ студенческихъ безпорядкахъ.

Такимъ образомъ, дѣятельность Никиты Левченко (онъ-же Никитка) представляется одною изъ видныхъ въ средѣ болѣе выдающихся революціонныхъ дѣятелей.

IV.

Все изложенное выше относительно преступнаго сообщества въ Кіевѣ и соприкасающихся съ нимъ революціонныхъ кружковъ въ другихъ городахъ и мѣстностяхъ южной Россіи дополняется еще данными, изложенными въ показаніяхъ задержанныхъ въ Кіевѣ политическихъ преступниковъ: служившаго матросомъ во 2-мъ Черноморскомъ флотскомъ экипажѣ, бѣжавшаго въ концѣ 1878 г. съ мѣста службы Петра *Ключникова* и крестьянина Волынской губерніи, Кременецкаго уѣзда, Вишневецкой волости, деревни Муховецъ, Леонтія *Забрамскаго*.

Ключниковъ начинаетъ свое показаніе съ г. Николаева, гдѣ онъ впервые, еще до побѣга изъ экипажа, познакомился съ лицами, принадлежавшими къ революціонной средѣ, чрезъ товарища своего матроса *Головенко*, повѣшеннаго въ Николаевѣ за принадлежность къ преступному сообществу. Изъ числа этихъ лицъ, Ключниковъ указываетъ на Владиміра *Свириденко*, о которомъ уже упоминалось выше, Александра *Зандера*, Александра *Іуры* и бывшаго студента С.-Петербургскаго университета *Ранкова*, изъ коихъ первый былъ казненъ впослѣдствіи въ Кіевѣ подъ фамиліею Антонова, а остальные осуждены въ Одессѣ по процессу 28-ми. Незадолго передъ знакомствомъ съ означенными

лицами. совершено было въ Николаевѣ злодѣйское убійство съ цѣлью ограбленія содержателя харчевни Головкова. его жены, служанки и мальчика. Имѣя нѣкоторое подозрѣніе, что преступленіе это было дѣломъ рукъ названныхъ лицъ. и желая провѣрить справедливость такого предположенія. Ключниковъ предложилъ имъ ограбленіе командира своего экипажа. обладающаго. будто-бы, значительными денежными средствами. для пріобрѣтенія которыхъ компанія эта придумывала въ послѣднее время различные способы.

Означенное предложеніе было принято и рѣшено привести тогда-же въ исполненіе. Въ покушеніи этомъ. по словамъ Ключникова. принимали участіе. кромѣ Свириденко и Логовенко, еще Иванъ *Коломійцевъ* и *Морозовскій*. которые нынѣ. по указанію Ключникова. арестованы. а также матросъ Иванъ *Тищенко*. скрывшійся и до сего времени еще нерозысканный. который долженъ былъ отвлечь отъ дома командира его служителей и своевременно подать сигналъ для нападенія. Въ назначенное время всѣ отправились къ дому командира. скрылись въ лѣсу. чрезъ дорогу отъ дома. но на этомъ дѣло это и окончилось. благодаря тому. что Ключникову, по его словамъ. удалось передъ тѣмъ уговорить Тищенко дать сигналъ передъ самымъ разсвѣтомъ. а не въ то время. когда всѣ лягутъ спать. Хотя на слѣдующій день названныя лица согласились возобновить попытку на ограбленіе, но Ключниковъ ихъ отговорилъ отъ этого. Приэтомъ во время разговора. ему удалось узнать, что совершенное передъ тѣмъ убійство Головкина и другихъ было дѣломъ названныхъ выше Логовенко. Морозовскаго. Коломійцева и еще четвертаго соучастника. котораго Ключниковъ не знаетъ. Кромѣ сего. Ключникову извѣстно. со словъ его товарища по экипажу *Ворошилова*, что въ Николаевѣ жилъ нѣкоторое время вмѣстѣ со Свириденко. по Севастопольской улицѣ. и распространялъ пропаганду между матросами. Сергѣй *Диковскій*, съ которымъ Ключниковъ послѣ того встрѣчался неоднократно въ Кіевѣ среди революціонеровъ различныхъ партій и который пользовался въ этой средѣ большимъ значеніемъ. По имѣющимся свѣдѣніямъ. означенный Диковскій есть сынъ Симферопольскаго священника, находился въ числѣ студентовъ въ Новороссійскомъ университетѣ и былъ задержанъ 11 января 1880 г. на станціи Казатинъ. Кіево-Брестской желѣзной дороги. Онъ оказался причастнымъ къ дѣлу о преступномъ сообществѣ въ Одессѣ и при допросѣ отказался дать объясненіе объ обстоятельствахъ. касающихся пребыванія его въ Кіевѣ. но Ключниковъ въ этомъ отношеніи даетъ нѣкоторыя указанія. которыя изложены будутъ ниже въ связи съ данными, характеризующими и другихъ лицъ революціоннаго сообщества въ Кіевѣ. Гольденбергъ лишь вскользь упоминаетъ о Диковскомъ. въ своемъ показаніи. По его словамъ, Диковскій несомнѣнно принадлежитъ къ

той социально революціонной партіи, стремленія которой въ послѣднее время выразились въ террористическихъ дѣяніяхъ. Говоря о Диковскомъ, Курицынъ, со словъ Никиты Левченко, между прочимъ указываетъ, что этотъ Диковскій находился послѣднее время въ перепискѣ съ скрывшимся заграницу Оголокою (онъ-же Фоминъ), о которомъ упоминалось выше. Изъ того-же источника усматривается, что лицо, задержанное въ послѣднее время въ Кіевѣ, на Бульварской улицѣ, и содержащееся нынѣ въ Кіевской тюрьмѣ, по обвиненію въ принадлежности къ преступному сообществу, лицо, отказавшееся открыть свою фамилію и происхожденіе, есть товарищъ Диковскаго по университету, находившійся въ близкихъ съ нимъ отношеніяхъ. Эта личность, какъ обнаружено послѣ задержанія его, есть сынъ дьячка Таврической губерніи Павелъ *Говядовъ*, которому Диковскій, содержась уже въ тюрьмѣ, приготовилъ письмо, написанное шифромъ, но успѣлъ передать таковое по назначенію. Этимъ исчерпываются свѣдѣнія, данныя Ключниковымъ относительно всего извѣстнаго ему о преступномъ сообществѣ въ г. Николаевѣ, откуда онъ отправился, вмѣстѣ съ Свириденко и на его средства, въ концѣ 1878 г. въ Кіевъ.

Изъ лицъ, принадлежащихъ къ различнымъ революціоннымъ фракціямъ, съ которыми Ключниковъ приходилъ въ болѣе или менѣе близкое соприкосновеніе во время нахожденія его въ Кіевѣ, въ показаніяхъ его названы слѣдующія:

Гаврило или Григорій, по ремеслу сапожникъ, подъ каковыми именами былъ извѣстенъ Ключникову *Брандтнеръ*, казненный въ Кіевѣ за участіе въ вооруженномъ сопротивленіи 11 февраля 1879 г. Въ квартирѣ его, бывшей на Мало-Ивановской улицѣ, гдѣ первоначально былъ помѣщенъ Ключниковъ, жила также Екатерина *Сарандовичъ*, осужденная за участіе въ томъ-же дѣлѣ: туда-же приходила какая-то молодая женщина, по имени «Галя» (брюнетка, маленькаго роста, полная, смуглая, лѣтъ около 20-ти), личность невыясненная, находившаяся въ короткихъ отношеніяхъ съ Брандтнеромъ.

Засимъ, въ одномъ изъ домовъ по Тарасовской улицѣ, на квартирѣ братьевъ *Иванчичъ*, умершихъ отъ ранъ, полученныхъ при вооруженномъ сопротивленіи 11 февраля 1879 г., Ключниковъ встрѣчалъ молодую женщину подъ именемъ Феклы (низкаго роста, полная, красивая блондинка, около 20-ти лѣтъ), о которой никакихъ свѣдѣній въ разъясненіе ея личности въ виду не имѣется.

Графиня *Панина*, содержавшая квартиру въ одномъ изъ домовъ на углу Житомірской и Владимірской улицъ, а въ ней столярную мастерскую, предназначавшуюся исключительно для лицъ революціонной среды. Работами въ этой мастерской завѣдывалъ Сергѣй Наддачинъ, о которомъ уже упоминалось выше, а иногда за работами присматривало не-

извѣстное лицо, приходившее къ Паниной и носившее прозваніе «учитель», которое оказалось докторомъ Гавриловымъ. По имѣющимся свѣдѣніямъ, графиня Панина была скомпрометирована по многимъ дѣламъ и въ послѣднее время находилась въ Одессѣ.

Маша-*швачка* (швея), проживавшая въ одной квартирѣ съ Сарандовичъ, о которой упомянуто выше, и солдатъ «*Гордый*», проживавшій въ квартирѣ Грибенюка, о дѣятельности котораго уже изложено выше, со словъ Богославскаго. Личность солдата «Гордѣя» не выяснена Ключниковымъ, но изъ показанія его видно, что онъ находился въ близкихъ сношеніяхъ съ упомянутымъ выше революціоннымъ дѣятелемъ Іосифомъ Зелинскимъ, котораго Ключниковъ зналъ подъ прозвищемъ «помѣщикъ». Засимъ, изъ дѣятельности солдата «Гордѣя» Ключникову извѣстно только, что ему далъ Зелинскій 300 руб. для открытія въ деревнѣ, въ 60 верстахъ отъ Кіева, бакалейной торговли съ цѣлью какъ пропаганды, такъ и устройства тамъ надежнаго притона для укрывательства скрывающихся отъ преслѣдованія революціонныхъ дѣятелей. И дѣйствительно, «Гордѣй», по словамъ Ключникова, истратилъ часть денегъ на покупку разныхъ хозяйственныхъ принадлежностей и затѣмъ неоднократно уѣзжалъ неизвѣстно куда и пріѣзжалъ обратно въ Кіевъ. Въ той-же квартирѣ проживало нѣкоторое время хорошо знакомое Гордѣю и Петру Волошенко (осужденному въ каторжныя работы) лицо, носившее прозвище «Медвѣдь», также невыясненное, примѣты котораго, по словамъ Ключникова, слѣдующія: высокій, толстый, лѣтъ около 35-ти, волосы темнорусые, съ небольшою бородою и грубымъ голосомъ.

Зина, по всей вѣроятности Зинаида Воскресенская, проживавшая первоначально въ Афанасьевскомъ яру, въ домѣ Бондаренко, а затѣмъ около Бибиковскаго бульвара, и находившаяся въ близкихъ отношеніяхъ съ упомянутымъ выше революціоннымъ дѣятелемъ Павломъ Орловымъ.

Избицкая. Марья, проживавшая въ угловомъ домѣ на Ивановской улицѣ, скрылась въ 1879 г. изъ Кіева отъ административной высылки, къ которой она предназначена была за участіе въ сношеніяхъ брата ея, содержавшагося въ тюрьмѣ съ его единомышленниками. Она находилась, по словамъ Ключникова, въ близкихъ отношеніяхъ съ упомянутымъ выше Свириденко, казненнымъ въ Кіевѣ подъ именемъ Антонова, и съ Кобылянскимъ (онъ-же Григоренко и Волошка), арестованнымъ въ 1879 г. по дѣлу объ убійствѣ Харьковскаго губернатора князя Кропоткина. По показанію Гольденберга, Избицкая имѣетъ родныхъ въ Острожскомъ уѣздѣ, Волынской губерніи, по убѣжденіямъ принадлежитъ къ соціально-революціонной партіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ сочувственно относится къ террористической системѣ. Кромѣ того, Голь-

сенбергъ указываетъ, что Избицкая, проживая въ Кіевѣ долгое время, преимущественно заботилась о доставленіи матеріальныхъ средствъ для улучшенія жизни политическихъ заключенныхъ въ Кіевской тюрьмѣ. Наконецъ, по словамъ Гольденберга, Избицкая, послѣ побѣга изъ Кіева, сдѣлалась нелегальною, т. е. скрывается подъ чужою фамиліею.

Пѣховская. Софья, дворянка, проживавшая съ упомянутой выше Избицкой на одной квартирѣ, гдѣ, по словамъ Ключникова, жила также высокая женщина, по имени Саша, о которой никакихъ свѣдѣній не имѣется. Пѣховская и Саша также находились въ близкихъ отношеніяхъ съ Свириденко. По словамъ Гольденберга, Пѣховская—польскаго происхожденія, во время проживанія въ Кіевѣ, нѣкоторое время исполняла обязанности хозяйки соціально-революціоннаго клуба. Въ 1879 г. она принимала участіе въ сборѣ денегъ на сооруженіе памятника на могилѣ умершихъ отъ ранъ политическихъ преступниковъ Ивичевичи, а въ текущемъ году задержана въ Кіевѣ и отправлена въ Варшаву, гдѣ она оказалась причастной къ дѣлу о преступной пропагандѣ. **Нынѣ она содержится подъ арестомъ.**

Фани, отличавшаяся угреватымъ лицомъ, жила въ Афанасьевскомъ яру и была въ близкихъ сношеніяхъ съ солдатомъ «Гордѣемъ», чрезъ котораго познакомилась съ упомянутыми выше лицами, посѣщавшими квартиру Избицкой, а именно: съ Сарандовичемъ, Игнатомъ Ивичевичемъ, Болеславомъ Костецкимъ, Серіѣмъ Паддачинымъ и другими. По показанію Курицына, данному со словъ Никиты Левченко, означенная Фани, будто бы, скрылась изъ Кіева и обучается въ настоящее время фельдшерству въ Одесской еврейской больницѣ. Кромѣ сего, Курицынъ въ своемъ показаніи, между прочимъ, указываетъ, что Фани до пріѣзда въ Одессу находилась въ Николаевѣ.

Корнелій, котораго Ключниковъ призналъ по фотографической карточкѣ за Корнелія *Богдановскаго*, осужденнаго въ Кіевѣ по дѣлу о покушеніи на ограбленіе почты, о которомъ уже упоминалось выше.

Леонидъ *Зикъ* или *Зикъ*, занимавшійся, по словамъ Ключникова, пропагандою, для чего Зикъ по временамъ уѣзжалъ изъ Кіева. По предъявленіи Ключникову фотографическихъ карточекъ разныхъ лицъ, задержанныхъ въ послѣднее время по обвиненію въ принадлежности къ революціонному сообществу, онъ призналъ Зикса безусловно въ карточкѣ, снятой съ арестованнаго въ Курскѣ лица, назвавшагося **Добромысловымъ.**

Бѣлый, личность невыясненная, примѣты которой, по словамъ Ключникова, слѣдующія: роста выше средняго, лѣтъ подъ 30, волосы совершенно свѣтлые, съ эспаньолкой, женатъ. Прозвище «Бѣлый» получилъ, по всей вѣроятности, вслѣдствіе бѣлаго цвѣта волосъ. Лицо это часто посѣщало въ концѣ 1878 г. и въ началѣ слѣдующаго года

квартиру упомянутаго выше Свириденко, въ домѣ Костецкаго, гдѣ жилъ также и Ключниковъ. и принимало участіе въ совѣщаніяхъ, происходившихъ на этой квартирѣ въ присутствіи многихъ революціонныхъ дѣятелей, о которыхъ уже упоминалось выше, въ числѣ коихъ были, между прочимъ. Зубковскій, Дебагорій-Мокріевичъ, Гольденбергъ, Игнатъ Ивичевичъ, Валеріанъ Осинскій, Костецкій, графиня Панина и другіе. Приэтомъ Ключниковъ указываетъ на слѣдующій случай, имѣвшій мѣсто въ означенной квартирѣ. Изъ Одессы прибылъ къ Свириденко и остановился у него на жительствѣ студентъ Новороссійскаго университета Сергѣй Диковскій. Съ нимъ былъ большой чемоданъ, въ которомъ, по словамъ Ключникова. находились. между прочимъ, мѣдная форма для отливки пуль, типографскій шрифтъ въ набранномъ видѣ, причемъ Свириденко указывалъ. что наборъ касался исполнительнаго комитета, и другія типографскія принадлежности, въ томъ числѣ валъ, обтянутый зеленымъ сукномъ. ось котораго была желѣзная. Такъ какъ при распаковкѣ означеннаго чемодана присутствовалъ и Бѣлый, притомъ въ числѣ разныхъ вещей находились и его вещи, то изъ этого Ключниковъ заключаетъ. что Бѣлый, который лишь незадолго передъ тѣмъ появился въ Кіевѣ, жилъ раньше въ Одессѣ и находился въ близкихъ отношеніяхъ съ Диковскимъ. Кромѣ сего, Ключниковъ слышалъ отъ другихъ. что Бѣлый имѣлъ гдѣ-то домъ и кожевенный заводъ. но потерялъ все это по какой-то случайности, и что онъ уже судился по политическому дѣлу. Онъ жилъ съ женою и двумя малолѣтними дѣтьми около Васильковской улицы. Впослѣдствіи, именно въ февралѣ 1879 г., Ключниковъ встрѣтилъ Бѣлаго на Крещатикѣ.

Кромѣ сего, Ключниковъ указываетъ еще на неизвѣстныхъ революціонныхъ дѣятелей. которыхъ онъ зналъ въ Кіевѣ подъ именами: «Михаила фельдшера», «Сони», «Николая оратора» и «Николая учителя», изъ коихъ послѣдніе двое играли въ революціонной средѣ довольно видную роль. Относительно этихъ лицъ Ключниковъ. между прочимъ, упоминаетъ, что «Михаилъ фельдшеръ» распространялъ революціонный журналъ «Земля и Воля», который привозилъ изъ С.-Петербурга въ большомъ количествѣ *Вольхенштейнъ*. о которомъ будетъ сказано ниже, при изложеніи дѣятельности Черниговскаго революціоннаго сообщества. Засимъ, «Николайораторъ» (роста выше средняго. худощавый. глаза сѣрые, съ окладистой бородой, волосы темные съ рыжеватымъ оттѣнкомъ), находившійся въ особенно близкихъ отношеніяхъ съ упомянутымъ выше Костецкимъ, написалъ. по словамъ Ключникова статью, въ которой онъ обращался къ соціалистамъ. убѣждая ихъ къ болѣе дѣятельной пропагандѣ въ народѣ. отбросивъ террористическую систему дѣйствій. Что касается личностей. извѣстныхъ

подъ именемъ Сони и Николая учителя, то таковыя оказались: первая — Софьею *Лешерна-фонъ-Герфельдтъ*, принимавшей участіе въ вооруженномъ сопротивленіи 24 января 1879 г., за что приговорена была Кіевскимъ военно-окружнымъ судомъ къ смертной казни, замѣненной ссылкой въ каторжныя работы, а послѣдній — Николаемъ Позеномъ, арестованнымъ при вооруженномъ сопротивленіи 11 февраля 1879 г.

Наконецъ, Ключниковъ указываетъ еще на одно лицо — студента въ очкахъ и съ эспаньолкой, которое оказалось студентомъ Кіевскаго университета Викентіемъ *Янушкевичемъ*. Изъ имѣющихся о Янушкевичѣ свѣдѣній видно, что онъ принималъ довольно видное участіе въ дѣятельности Кіевскаго преступнаго сообщества. Въ виду сего, въ сентябрѣ прошлаго года былъ произведенъ у него обыскъ, причемъ найдены двѣ книги преступнаго содержанія. При производствѣ по этому поводу дознанія, въ порядкѣ Высочайше утвержденныхъ временныхъ правилъ 1 сентября 1878 г., между прочимъ, выразилось преступное направленіе и брата Янушкевича, Петра Янушкевича, который также жилъ въ Кіевѣ и въ прошломъ году уѣхалъ въ Акмолинскую область на должность врача. Въ виду очевидно преступной дѣятельности Янушкевича съ одной стороны, а съ другой — невозможности преслѣдованія его въ судебномъ порядкѣ по недостатку фактическихъ къ тому данныхъ, означенному дознанію о немъ данъ былъ ходъ въ административномъ порядкѣ и Янушкевичъ высланъ на жительство въ Олонецкую губернію.

V.

Въ связи съ нѣкоторыми изложенными выше данными о лицахъ, принадлежащихъ къ соціально-революціонному сообществу въ Кіевѣ, находится производящееся нынѣ въ Кіевскомъ губернскомъ жандармскомъ управленіи, въ порядкѣ закона 19 мая 1871 г., дознаніе объ образовавшемся въ Кіевѣ преступномъ кружкѣ, имѣвшемъ террористическія цѣли.

Дѣло это возникло въ августѣ мѣсяцѣ 1879 г. вслѣдствіе задержанія въ Кіевѣ подозрительнаго лица, назвавшагося Харьковскимъ мѣщаниномъ Иваномъ Ивановымъ *Григоріевымъ*. Поводомъ къ задержанію этого лица представлялось слѣдующее. Еще за два мѣсяца до этого, въ Кіевѣ упорно поддерживался слухъ объ образовавшемся тамъ совершенно правильно организованномъ революціонномъ кружкѣ, готовившемся осуществить на дѣлѣ новые соціалистическіе планы. При этомъ молва указывала на одного изъ главныхъ дѣятелей этого кружка, человѣка отчаяннаго, обладающаго немалою физическою силою, хорошаго стрѣлка и ко всему этому настолько осторожнаго, что лишь

немногіе, близкіе къ нему по революціонной дѣятельности, знали его квартиру. Человѣкъ этотъ былъ извѣстенъ въ революціонной средѣ подъ именемъ «Володьки». Когда свѣдѣнія эти въ нѣкоторой степени стали подтверждаться и въ тоже время сдѣлалось извѣстно о попыткѣ революціонеровъ совершить убійство генералъ-губернатора во время крестнаго хода, бывшаго въ Кіевѣ 15 іюля, со стороны мѣстнаго жандармскаго управленія приняты были самыя рѣшительныя мѣры къ задержанію Володьки, который, по полученнымъ, между тѣмъ, свѣдѣніямъ, велѣлъ за неудавшеюся попыткою 15 іюля, готовился къ совершенію другаго преступленія, съ каковою цѣлью поджидалъ 22 іюля на Малой Владимірской улицѣ отдѣльнаго корпуса жандармовъ капитана Судейкина. Наконецъ, послѣ долгихъ усилій, 21 августа удалось задержать это лицо и обнаружить его квартиру въ домѣ Ждановскаго, на Крещатикѣ, гдѣ, по произведенному обыску, найдены: ружье, заряженный револьверъ, кинжалъ и разные другіе сильно компрометирующіе предметы. Велѣлъ затѣмъ оказалось, что паспортъ, по которому жилъ «Володька» подъ именемъ Харьковскаго мѣщанина Григоренки, былъ фальшивый. Самъ онъ, отказавшись обнаружить свое происхожденіе, въ тоже время не отрицалъ принадлежности своей къ революціонному сообществу. Этимъ краткимъ сознаніемъ ограничились показанія этого лица о своей революціонной дѣятельности и только въ февралѣ мѣсяцѣ текущаго года оно открыло свое званіе, назвавшись дворянином Людвигомъ *Кобылянскимъ*, что и подтвердилось на дѣлѣ, причемъ оказалось, что онъ уроженецъ г. Варшавы, по ремеслу слесарь, имѣетъ мать, живущую въ одной изъ Привислянскихъ губерній и нѣсколько братьевъ, принадлежащихъ, за исключеніемъ одного, къ соціально-революціонной партіи. Говоря о Кобылянскомъ, Гольденбергъ называетъ его умнымъ, способнымъ и энергичнымъ человѣкомъ, которому не достаетъ только теоретическаго развитія. По словамъ Гольденберга, Кобылянскій занимался пропагандой среди рабочихъ еще въ Варшавѣ, откуда скрылся отъ преслѣдованія. О значеніи его въ дѣлѣ объ убійствѣ Харьковскаго губернатора князя Кропоткина будетъ сказано ниже, при изложеніи всего имѣющагося въ виду по этому дѣлу въ связи съ дѣломъ о Черниговскомъ преступномъ сообществѣ. Матросу Ключникову. Кобылянскій былъ извѣстенъ въ Кіевѣ подъ прозвищемъ «полячекъ». По его словамъ, Кобылянскій жилъ въ октябрѣ 1878 г. въ квартирѣ Гребенюка, по Большой Васильковской улицѣ, гдѣ помѣщалась соціально-революціонная столовая, и работалъ первоначально въ украинофильской мастерской, помѣщавшейся на Владимірской, противъ театра, а потомъ въ слесарной мастерской рядомъ съ домомъ Вереденко. Тамъ Кобылянскій разсказывалъ о побѣгѣ своемъ изъ Варшавы, сопровождавшемся многими приключеніями, и тамъ-же онъ получилъ

фальшивый документъ на имя Воронежскаго уроженца, который былъ подѣланъ задержаннымъ въ Кіевѣ Болеславомъ Костецкимъ; печатьже къ нему приложена была арестованнымъ Іосифомъ Зелинскимъ, о которомъ упомянуто будетъ ниже.

Засимъ, начиная съ октября мѣсяца 1879 г., были разновременно задержаны слѣдующія лица, принадлежащія къ одному съ Кобылянскимъ преступному сообществу въ Кіевѣ:

Евпаторійскій мѣщанинъ Никита *Левченко* (онъ же Никитка), о мѣстѣ арестованія и о преступной дѣятельности котораго подробно изложено было выше. По обыску, произведенному въ квартирѣ его, на Бульварно-Кудрявской улицѣ, въ д. № 15, найдены были всѣ принадлежности для составленія подложныхъ паспортовъ, а при самомъ Левченко, по задержаніи его, оказались заряженный револьверъ и ключъ къ шифру. Левченко, какъ причастный также и къ дѣлу о преступномъ сообществѣ въ Одессѣ, отосланъ туда для производства о немъ дознанія.

Костецкій, Болеславъ, бывшій студентъ Кіевскаго университета, о преступной дѣятельности котораго также изложено выше, арестованъ вмѣстѣ съ Левченко въ селѣ Пирогова, близъ Кіева, куда, по сознанію самого Левченко, сѣланному имъ въ Одесской тюрьмѣ Курицыну, онъ, а слѣдовательно и Костецкій, ѣздили по порученію Стефановича, для доставленія въ Кіевъ нѣкоторыхъ скрытыхъ въ означенной деревнѣ типографскихъ принадлежностей бывшей подпольной печатни Стефановича.

Лозяновъ, Павелъ, сынъ дьячка Таврической губерніи, о которомъ, отчасти, упоминалось выше, при изложеніи дѣятельности Сергѣя Диковскаго, съ которымъ онъ былъ вмѣстѣ въ Новороссійскомъ университетѣ. При задержаніи, у Лозянова оказались: заряженный револьверъ, 16 патроновъ, нѣсколько подложныхъ паспортовъ и фальшивыхъ печатей, а также билетъ студента Онушко на право слушанія лекцій въ университетѣ Св Владиміра. Хотя Лозяновъ и отказался открыть свое званіе и таковое было обнаружено позднѣе, тѣмъ не менѣе, вслѣдъ за его задержаніемъ, удалось обнаружить его квартиру, гдѣ по произведенному обыску найдены: кистень, револьверъ, значительное количество зарядовъ, фальшивыя печати, разныя принадлежности для составленія подложныхъ видовъ, въ томъ числѣ изготовленный подложный паспортъ на имя Харьковскаго мѣщанина Ѳедора Петрова, съ фальшивою печатью совершенно одинаковою съ печатью на паспортѣ Григоренки, по которому жилъ Кобылянскій, а также три номера революціоннаго изданія «Народная Воля» и нѣсколько запрещенныхъ книгъ.

Ильяшенко, Севастьянъ Ефремовъ, крестьянинъ Полтавской губерніи, Ирятинскаго уѣзда, хутора Слѣпорота (онъ же Куценко), ѣздившій изъ Кіева въ Нѣжинъ съ подложнымъ паспортомъ на имя Бах-

мутскаго мѣщанина Гаврилюка. Оказалось, что Ильяшенко уже розыскивается по другому дѣлу, возникшему въ Бессарабскомъ жандармскомъ управленіи, а потому онъ препровожденъ для производства предварительнаго дознанія въ Кишиневъ.

Диковскій. Сергѣй Дорофѣевъ, сынъ Симферопольскаго священника, задержанный въ формѣ артиллерійскаго капитана на станціи «Казятинъ», Кіево-Брестской желѣзной дороги, вмѣстѣ съ студентомъ Харьковскаго университета Дмитріемъ *Буцинскимъ*, изъ коихъ первый, назвавшись Зарубинымъ, имѣлъ при себѣ заряженный револьверъ, фальшивую печать Черниговской духовной консисторіи и подложное свидѣтельство Полтавской духовной консисторіи на имя Захарченко, а Буцинскій подложное свидѣтельство Полтавскаго городскаго полицейскаго управленія на имя Рязанцова. О преступной дѣятельности Диковскаго уже упомянуто было выше: о дѣятельности же Буцинскаго въ революціонной средѣ будетъ указано ниже, при изложеніи дѣятельности соціально-революціоннаго сообщества въ Харьковѣ, къ которому онъ принадлежалъ. Засимъ Диковскій оказался причастнымъ и къ дѣлу о преступномъ сообществѣ въ Одессѣ, а потому оба они препровождены для производства предварительныхъ дознаній: Буцинскій—въ Харьковъ, а Диковскій—въ Одессу.

Жуковъ. Владиміръ Ивановъ, дворянинъ, бывшій студентъ Харьковскаго ветеринарнаго института, исключенный въ декабрѣ 1878 г. за участіе въ студенческихъ безпорядкахъ. При немъ оказалось, при задержаніи: заряженный револьверъ, 16 патроновъ, два номера революціоннаго изданія «Народная Воля» и подложный паспортъ на имя Бѣлгородскаго мѣщанина Владиміра Тихонова Лопухова.

Ивановъ. Игнатъ Кирилловъ, студентъ 2-го курса медицинскаго факультета Кіевскаго университета, имѣвшій при себѣ: динамитный снарядъ, заряженный револьверъ и двѣ записки преступнаго содержанія. Кромѣ сего, въ квартирѣ его найденъ отточенный кинжалъ.

Іевлева. Викторія Викторова, жена потомственнаго почетнаго гражданина, проживавшая въ Кіевѣ по подложному паспорту на имя Ворониной, и *Климко*. Михаилъ Филимоновъ, студентъ университета Св. Владиміра.

Диковскій. Моисей Андреевъ, сынъ священника, который, вслѣдствіе требованія Одесскаго временнаго генералъ-губернатора, отправленъ въ Одессу, къ производящемуся тамъ дознанію о преступномъ сообществѣ, къ которому Диковскій оказался также причастнымъ.

Позинъ. Веніаминъ Павловъ, Харьковскій мѣщанинъ, у котораго въ карманѣ пальто найдено: записка загадочнаго содержанія, подобная же записка, заключающая въ себѣ упрекъ за допущеніе ареста ихъ товарища «Степана» (такимъ именемъ называлось упомянутое ниже

лицо, назвавшееся при арестованіи Бойченко), и замѣтка по поводу недостатковъ, проявившихся въ дѣятельности Кіевскихъ революціонеровъ, трактующая также о необходимости русскимъ революціонерамъ ознакомиться съ положеніемъ соціальнаго вопроса на западѣ.

Голубовъ. Лейзеръ, мѣщанинъ г. Рѣчицы, Минской губерніи, бѣжавшій въ 1878 г. изъ г. Шенкурска, Архангельской губерніи, гдѣ онъ находился въ административной ссылкѣ за принадлежность къ революціонной партіи, и розыскивавшійся циркуляромъ 3-го Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, за № 3649. Голубовъ при арестѣ назвался дворяниномъ Владиміромъ Зотовымъ и предъявилъ въ удостовѣреніе своей личности свидѣтельство Феодосійскаго уѣзднаго предводителя дворянства, между тѣмъ по справкѣ оказалось, что помѣщикъ Зотовъ находится въ своемъ имѣніи и никуда оттуда не уѣзжалъ.

Засимъ, неизвѣстныя три лица, изъ коихъ одно проживало по подложному паспорту на имя Черниговскаго мѣщанина Степана Васильева *Бойченко*, другое — имѣло подложный паспортъ на имя сына дьячка Мелитопольскаго уѣзда, Таврической губерніи, Тихона Антонова *Троицкаго* и, какъ оказалось по наведеннымъ справкамъ, бывало въ Харьковѣ, гдѣ принимало участіе въ сходкахъ соціально-революціоннаго кружка и третье, у котораго отобраны были шифрованныя письма, загадочныя записки и стихи возмутительнаго содержанія—назвавшееся сыномъ священника, Михаломъ Родіоновымъ *Поповымъ* и предъявившее свидѣтельство, выданное на имя Попова Екатеринославскою духовною консисторіею, но въ удостовѣреніе своей самоличности никакихъ другихъ данныхъ не представившее: впослѣдствіи-же оказалось, что оно есть дѣйствительно то самое лицо, какимъ себя назвало.

Кромѣ сего, въ числѣ задержанныхъ, званія которыхъ до сихъ поръ остаются невыясненными, находятся еще два лица, изъ коихъ у одного, арестованнаго съ подложнымъ паспортомъ Мелитопольской городской управы на имя потомственнаго почетнаго гражданина Алексѣя Николаева *Погорѣлова*, найдены по обыску, въ числѣ разныхъ бумагъ, статистическія свѣдѣнія о распредѣленіи въ Россіи поземельнаго налога между сословіями и рукопись подъ заглавіемъ «будущій строй», заключающая въ себѣ выержки о государственномъ строѣ изъ сочиненій Овена, Сенъ-Симона, Фурье, Луи-Блана и Лассаля, а въ концѣ замѣтки, подъ заглавіемъ «главнѣйшіе факты современной экономической неурядицы на Западѣ и въ Россіи и политическія учрежденія». Другое-же лицо имѣло подложный паспортъ Мелитопольской городской управы на имя *Дьяченко*, причемъ печать на этомъ документѣ оказалась тождественною съ печатью на паспортѣ Погорѣлова.

Наконецъ, къ этому-же сообществу оказался причастнымъ бывшій студентъ Кіевскаго университета Николай *Подрѣвскій*, высланный въ январѣ сего года изъ Кіева административнымъ порядкомъ въ Восточную Сибирь, вслѣдствіе чего уже сдѣлано распоряженіе о возвращеніи его въ Кіевъ съ мѣста ссылки.

Между тѣмъ. 4 марта сего года студентъ университета Св. Владиміра, Константинъ *Поликарповъ*, покушался въ своей квартирѣ на жизнь крестьянина Леонтія *Забрамскаго*. причемъ нанесъ ему ударъ въ голову кистенемъ и 11 ранъ кинжаломъ, а затѣмъ, когда Забрамскій успѣлъ выбѣжать на дворъ. Поликарповъ выстрѣломъ изъ револьвера лишилъ себя жизни.

Обстоятельство это указало на принадлежность означенныхъ лицъ къ тому-же преступному сообществу, поводомъ-же къ покушенію на убійство Забрамскаго послужило возникшее въ этой преступной средѣ подозрѣніе, что аресты поименованныхъ лицъ находятся въ связи съ измѣною Забрамскаго.

По произведенному въ квартирѣ послѣдняго обыску. въ имуществѣ его оказались: заряженный револьверъ, фальшивыя печати, въ томъ числѣ печать Черниговской мѣщанской управы, приложенная къ подложному паспорту Бойченко, разныя запрещенныя сочиненія, нѣсколько фунтовъ типографскаго шрифта и два жестяныхъ цилиндра съ конусообразными оконечностями. Кромѣ сего, на прежней квартирѣ его найденъ еще динамитный снарядъ, похожій на тотъ, съ которымъ былъ задержанъ студентъ Ивановъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Забрамскій, проживавшій послѣднее время въ Кіевѣ по подложному паспорту на имя дворянина Полозова, далъ чистосердечное показаніе о преступномъ сообществѣ въ Кіевѣ, въ которомъ онъ самъ вращался и къ которому принадлежали всѣ упомянутыя арестованныя съ іюля 1879 г. лица. По словамъ Забрамскаго, сообщество это имѣло правильную организацію, всѣ средства для составленія подложныхъ видовъ на жительство и кассу для оказанія пособія неимущимъ членамъ революціонной партіи.

Изъ показанія Забрамскаго видно, что члены этого революціоннаго кружка собирались первоначально у Клименко и Левенсонъ, проживавшей по подложному паспорту на имя Воронцовой, а потомъ въ квартирѣ дворянина Жукова (онъ же Лопуховъ). который былъ извѣстенъ Забрамскому подъ фамиліею Антонова: главнымъ же распорядителемъ было упомянутое выше лицо, назвавшееся при задержаніи Поповымъ, но носившее въ революціонной средѣ прозвище «генералъ»; а по арестованіи Попова, его замѣнилъ студентъ Ивановъ. Это революціонное сообщество имѣло, по словамъ Забрамскаго, сношеніе съ Петербургомъ, Москвою, Харьковомъ и Одессою. вслѣдствіе чего нѣ-

которымъ членамъ его было извѣстно о готовившемся злодѣйскомъ покушеніи 19 ноября 1879 г. подъ Москвою. Цѣлью этого кружка было: распространеніе какъ книжной, такъ и устной пропаганды, устройство въ этихъ видахъ подпольной типографіи и, наконецъ, убійство Кіевскаго генералъ-губернатора и другихъ высокопоставленныхъ правительственныхъ властей этого края, для каковыхъ цѣлей пріобрѣтены имъ необходимыя орудія и, между прочимъ, динамитные снаряды. Давая болѣе или менѣе подробное показаніе объ извѣстныхъ ему обстоятельствахъ преступной дѣятельности поименованныхъ задержанныхъ лицъ, Забрамскій, между прочимъ, указываетъ, что Веніаминъ Позенъ, имѣвшій прозвище «Веньки» и, назвавшійся Степаномъ Бончено, называвшійся «Алешка», были одними изъ главныхъ руководителей сказаннаго преступнаго сообщества.

Въ тоже время произведенное дознаніе и отчасти разоблаченіе Забрамскаго указали на болѣе выдающееся преступное направленіе нѣкоторыхъ лицъ. Изъ нихъ обратили на себя вниманіе студентъ университета Св. Владиміра. Владиміръ *Козловскій*, и проживающій съ нимъ въ одной квартирѣ губернскій секретарь Иванъ *Пригожій*, бывшіе въ сношеніяхъ съ революціонными дѣятелями: Валеріаномъ Осинскимъ, Софьею Лешернъ фонъ-Герцфельдъ и Владиміромъ Дебагоріемъ-Мокріевичемъ, а также изъ числа привлеченныхъ къ дѣлу о послѣднемъ преступномъ сообществѣ въ Кіевѣ съ Поповымъ, Ивановымъ, Голубовымъ и Жуковымъ. По произведенному обыску, найдено: въ квартирѣ и въ другихъ помѣщеніяхъ Козловскаго и Присецкаго прокламація по поводу взрыва 19 ноября 1879 г. на Московско-Курской желѣзной дорогѣ, пластинки для вырѣзки фальшивыхъ печатей, революціонное воззваніе подъ заглавіемъ «обращеніе реалистовъ къ обществу», книга «наставленіе для типографщиковъ» и записка, указывающая на немаловажное значеніе въ означенномъ преступномъ сообществѣ дѣятельности арестованнаго Попова, который предполагалъ устроить подкопъ для взрыва и съ этою цѣлью ѣздилъ въ Харьковъ за электрической батареей. Въ виду сего Козловскій также арестованъ, за появленіемъ же въ Кіевѣ Присецкаго, который до обыска успѣлъ скрыться, учреждено наблюденіе. Кромѣ того сдѣлано распоряженіе о возвращеніи въ Кіевъ высланнаго административнымъ порядкомъ въ Восточную Сибирь дворянина Константина Теслепко-Приходько, также привлеченнаго въ качествѣ обвиняемаго по сему дѣлу. Наконецъ, обращаетъ на себя вниманіе студентъ С.-Петербургскаго университета Николай *Королевъ*, который, будучи въ февралѣ мѣсяцѣ сего года въ Кіевѣ, вращался въ этой же революціонной средѣ, а потому и въ отношеніи этой личности также сдѣлано соотвѣтственное распоряженіе.

Независимо отъ изложеннаго, Забрамскій, въ своемъ показаніи объ

организаціи означеннаго преступнаго сообщества, указываетъ, что въ дѣятельности его принимали болѣе или менѣе видное участіе еще слѣдующія лица: бывшій студентъ Кіевскаго университета *Каковскій*, который, по словамъ Забрамскаго, перешелъ, будто-бы, въ число студентовъ С.-Петербургскаго университета; слушательница Кіевскихъ женскихъ курсовъ *Михалевичъ*, у которой, повидимому, хранились номера революціонной газеты «Земля и Воля»; *Попка*, онъ же «Идолъ», личность невыясненная, проживавшая, по словамъ Забрамскаго, до декабря 1879 г. въ домѣ № 16, по Кузнечной улицѣ, а послѣ того въ домѣ Людвиговскаго, по Костельной улицѣ: именовавшійся *Вороновымъ*, личность пока также невыясненная. По словамъ Забрамскаго, этотъ Вороновъ прибылъ въ Кіевъ въ концѣ іюля 1879 г. изъ Харькова, гдѣ онъ принималъ, будто-бы, участіе въ освобожденіи политическаго преступника Фомина, жилъ онъ въ разныхъ мѣстностяхъ Кіева, имѣя подложный паспортъ: примѣты его: 30 лѣтъ, средняго роста, блондинъ, съ маленькой бородкой, взглядъ веселый. По тѣмъ-же свѣдѣніямъ, называвшійся Вороновымъ былъ студентомъ въ Харьковѣ, имѣлъ значительныя познанія въ химіи, вслѣдствіе чего въ революціонной средѣ пользовались его знаніемъ для приготовленія сильно-дѣйствующихъ веществъ и химическихъ чернилъ для тайной корреспонденціи. Вообще лицо это пользовалось, повидимому, немаловажнымъ значеніемъ въ революціонномъ сообществѣ, составляющемъ предметъ производящагося нынѣ въ Кіевѣ дознанія, и получало изъ средствъ революціоннаго кружка денежныя пособія; такъ, однажды, по словамъ Забрамскаго, Вороновъ получилъ на экипировку отъ Попова 150 рублей. Кромѣ того, Забрамскій указываетъ, что Вороновъ носилъ съ собою заряженный револьверъ и что онъ, вмѣстѣ съ Поповымъ, замышлялъ убійство военнаго прокурора Стрѣльникова за то, что послѣдній, обвиняя политическихъ преступниковъ, домогается для нихъ смертной казни. Въ настоящее время Вороновъ, по слухамъ, находится въ Полтавѣ на службѣ въ акцизномъ управленіи, откуда онъ присылалъ въ Кіевъ для революціоннаго сообщества бланки Полтавскаго акцизнаго управленія.

Наконецъ, въ показаніяхъ Забрамскаго упоминается и о другихъ лицахъ, несомнѣнно принадлежащихъ или къ тому-же сообществу или же къ другимъ революціоннымъ кружкамъ, но весь этотъ матеріалъ, безъ именъ и фамилій указываемыхъ лицъ, съ неясно и лишь вскользь намѣченными данными, даетъ теперь лишь самое неопредѣленное представленіе о степени участія этихъ неизвѣстныхъ лицъ въ революціонной дѣятельности какъ названнаго сообщества, такъ и другихъ кружковъ, но въ связи съ имѣющимися уже данными, дознаніе, безъ сомнѣнія, раскроетъ впослѣдствіи все недосказанное Забрамскимъ и та-

кимъ образомъ освѣтить надлежащимъ образомъ картину дѣятельности этого преступнаго сообщества.

Въ настоящее-же время можно констатировать лишь тотъ фактъ, что образовавшееся въ Кіевѣ изъ преступныхъ элементовъ крайне опасное революціонное сообщество, имѣвшее цѣлью террористическія стремленія, окончательно парализировано въ своихъ дѣйствіяхъ арестомъ 22 главныхъ дѣятелей его, изъ коихъ нѣкоторые оказались принадлежащими къ революціоннымъ сообществамъ въ другихъ городахъ, напримѣръ въ Одессѣ и Харьковѣ, и уже розыскивались какъ обвиняемые въ государственныхъ преступленіяхъ. Слѣдовательно, этимъ путемъ представится возможность выяснить связь этого преступнаго сообщества въ Кіевѣ съ другими революціонными сообществами и такимъ образомъ опредѣлить происхожденіе перваго.

VI.

Независимо отъ того значенія, которое уже имѣетъ означенное въ послѣднемъ отдѣлѣ дѣло въ смыслѣ раскрытія преступнаго сообщества въ самомъ Кіевѣ, производимое дознаніе дало еще другіе несомнѣнно важные результаты, указавъ на преступную среду въ Курской губерніи и на мѣсто пребыванія скрывавшагося отъ преслѣдованія сына капитана 1-го ранга, бывшаго вольно-слушателя С.-Петербургскаго технологическаго института Ѳедора Николаева *Юрковскаго*, извѣстнаго подъ именемъ инженера Сашки, который былъ однимъ изъ главныхъ участниковъ кражи денегъ изъ Херсонскаго казначейства. Дознаніе по Курской губерніи, для выясненія преступной дѣятельности намѣченныхъ лицъ, производится и дастъ свои результаты: что-же касается Юрковскаго, то онъ уже задержанъ въ той-же губерніи и находится подъ арестомъ въ Одессѣ.

VII.

Для полноты картины, характеризующей дѣятельность различныхъ соціально-революціонныхъ партій и кружковъ, образовавшихся преимущественно въ Кіевской губерніи, необходимо указать на преступную дѣятельность Черниговскаго помѣщика, дворянина Дмитрія *Лизогуба* и его революціоннаго кружка, по тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя изложены въ показаніи политическаго преступника, бывшаго студента Харьковскаго ветеринарнаго института Курицына, который содержался съ Лизогубомъ въ одной камерѣ, вмѣстѣ съ другими политическими преступниками, а потому имѣлъ возможность провѣрить все извѣстное ему тѣмъ,

что онъ слышалъ въ тюрьмѣ при откровенныхъ разговорахъ Лизогуба съ нимъ и другими преступниками, находившимися въ близкихъ отношеніяхъ съ Лизогубомъ, который, по приговору Одесскаго военно-окружнаго суда, былъ казненъ въ августѣ 1879 г.

По словамъ Курицына, Лизогубъ былъ руководителемъ еще не вполнѣ сформировавшагося кружка, имѣвшаго строго опредѣленную организацію, съ характеромъ централизаціи, и большія денежныя средства. Кружокъ этотъ готовился осуществить грандіозные революціонные планы, которые, какъ изъ показанія Курицына можно отчасти заключить, выразились впослѣдствіи въ цѣломъ рядѣ политическихъ убійствъ и покушеній. Лизогубъ былъ большимъ поклонникомъ системы партіи «народниковъ-бунтарей» и, по словамъ Курицына, намѣренъ былъ продолжать дѣло упомянутыхъ выше представителей этой партіи Дейча, Стефановича и Бохановскаго, но въ гораздо большихъ размѣрахъ, съ каковою цѣлью онъ замышлялъ устроить на Дону нѣчто подобное тому, что было устроено названными выше революціонными дѣятелями въ Черниговскомъ уѣздѣ. Вообще, говоря о русскихъ революціонерахъ, Лизогубъ, по словамъ Курицына, постоянно жаловался на отсутствіе единства дѣйствій между различными революціонными кружками, хотя и идущими къ одной цѣли, но къ сожалѣнію разными путями, на отсутствіе необходимой энергіи и однообразной системы, а главное на отсутствіе централизаціи, т. е. такого распорядительнаго органа, который управлялъ бы дѣйствіями всѣхъ революціонныхъ партій. Доказательствомъ тому, какое важное значеніе придавалъ Лизогубъ центральной, такъ сказать, власти въ революціонномъ дѣлѣ, служитъ отчасти его образъ дѣйствія даже во время содержанія его въ тюрьмѣ. Такъ, изъ показанія Курицына видно, что по поводу строгости содержанія въ Одесской тюрьмѣ политическихъ преступниковъ, Лизогубъ сдѣлалъ къ нимъ воззваніе, предлагая выбрать изъ своей среды одно лицо съ правами диктатора, приказанія котораго во всѣхъ случаяхъ были-бы безусловно обязательны для остальныхъ. Эта мысль, повидимому, получила осуществленіе, такъ какъ и въ показаніяхъ другихъ сознавшихся лицъ дѣлается указаніе на существованіе какого-то Кіевскаго тюремнаго исполнительнаго комитета, но гдѣ помѣщается этотъ комитетъ, изъ скольких лицъ онъ состоитъ и какая вообще его организація въ означенныхъ показаніяхъ не упоминается.

Далѣе Курицынъ, со словъ самого Лизогуба, объясняетъ, что кружокъ послѣдняго располагалъ наличными денежными средствами болѣе чѣмъ во 100 тысячъ рублей, составившимися какъ изъ собственнаго капитала его, Лизогуба, такъ равно изъ сборовъ съ лицъ, сочувствующихъ стремленіямъ революціонной партіи. Кромѣ сего, Лизогубъ обладалъ большимъ количествомъ земли и другою недвижимою собствен-

ностью. преимущественно въ Черниговской губерніи. а также вексслями на большую сумму. которые во всякое время могутъ быть обращены въ деньги. Обстоятельство это отчасти подтверждается указаніями дворянина Дрыги, сдѣлавшаго разоблаченіе о преступномъ сообществѣ въ Черниговѣ. о чемъ будетъ изложено ниже. Независимо отъ денегъ. кружокъ этотъ, по словамъ Курицына. располагалъ и другими революціонными средствами. какъ-то: оружіемъ. печатными станками и проч. Такъ самъ Лизогубъ разсказывалъ въ тюрьмѣ. что его стараніями вывезено изъ заграницы нѣсколько печатныхъ станковъ самого новѣйшаго усовершенствованія. которые, при печатаніи, не издаютъ никакого стука, а при своей легкости и незначительномъ объемѣ весьма удобны для перевозки въ обыкновенномъ чемоданѣ.

Выше уже было указано. что Лизогубъ намѣренъ былъ продолжать дѣло Стефановича, Дейча и Бохановскаго. поэтому бунтовская программа. выработанная этими представителями революціонной партіи «народниковъ-бунтарей». легла и въ основаніе программы, выработанной Лизогубомъ для своего революціоннаго кружка. Программу эту Курицынъ, со словъ Лизогуба и другихъ. содержавшихся съ нимъ политическихъ преступниковъ, формулируетъ слѣдующимъ образомъ: всякій. принадлежащій къ этому кружку. обязанъ пользоваться каждымъ возникшимъ гдѣ-либо бунтомъ, а если такого нѣтъ. всѣми возможными средствами стараться вызывать бунты. Средствами къ этому должны служить, главнымъ образомъ. возбужденіе въ народѣ разныхъ неудовольствій и страстей посредствомъ распусканія ложныхъ слуховъ, равно другими способами, не стѣсняясь въ выборѣ средствъ. Съ этою цѣлью необходимо селиться въ народѣ и самымъ подробнѣйшимъ образомъ изучать мѣстныя условія, а засимъ. сообразно этимъ условіямъ, пользоваться всякимъ возникшимъ недоразумѣніемъ, поселяя неудовольствіе противъ властей, мѣстныхъ помѣщиковъ, фабрикантовъ, заводчиковъ и т. д., и возбуждая народъ къ активному протесту посредствомъ распусканія такихъ, напримѣръ, ложныхъ слуховъ, что въ такой-то мѣстности крестьяне уже бунтуютъ или уже взбунтовались и, отобравъ у помѣщиковъ землю. раздѣлили ее поровну. Засимъ, если гдѣ-либо существуетъ между крестьянами. какъ, напримѣръ. въ Кіевской губерніи обыкновеніе посылать въ Петербургъ ходоковъ съ жалобами. то стараться поддерживать и сильнѣе развивать подобное желаніе, а гдѣ таковаго обыкновенія вовсе не существуетъ и самъ народъ недодумался до этого, то внушать ему цѣлесообразность этой мѣры, пріучая къ мысли о необходимости сего, такъ какъ въ случаѣ очевидной неосновательности жалобъ, ходоки будутъ подвергаться аресту, а это обстоятельство можетъ послужить поводомъ къ бунту. тѣмъ болѣе, что ходоки обыкновенно избираются крестьянскими обществами изъ лицъ,

пользующихся особеннымъ уваженіемъ и вліяніемъ. Далѣе: распускать отъ имени Государя всевозможные подложные манифесты и вообще стараться дѣйствовать отъ имени Царя, призывая народъ, именемъ Государя Императора, къ помощи противъ дворянъ и чиновниковъ, причемъ на всякій случай имѣть на готовѣ подложные документы. Наконецъ, программа Лизогуба указывала на необходимость террора, направленнаго противъ властей, наиболѣе ненавидимыхъ народомъ, распуская по поводу каждаго убійства прокламаціи и слухи.

Засимъ относительно средствъ, которыми должны пользоваться революціонеры, Лизогубъ, по словамъ Курицына, указывалъ между прочимъ, на лѣстничества. Удобство лѣсничествъ для цѣлей пропаганды заключается, по разсказамъ Лизогуба, въ томъ, что они большею частію изолированы отъ всякаго жилья и обыкновенно находятся посреди лѣса, гдѣ безопасно можно устроить тайную типографію, складъ оружія, взрывчатыхъ веществъ и вообще всего необходимаго для бунта, а также убѣжище для скрывающихся. Притомъ Курицынъ указываетъ, что Лизогубъ имѣлъ довольно подробныя свѣдѣнія о лѣсничествахъ въ Кіевской губерніи, гдѣ ихъ очень много и, между прочимъ, въ имѣніяхъ одного графа Бобринскаго болѣе 17, а содержавшійся вмѣстѣ съ Лизогубомъ, осужденный впослѣдствіи въ каторжныя работы по одному съ нимъ дѣлу и уже сосланный политическій преступникъ *Кравцовъ* даже имѣлъ въ числѣ хорошихъ знакомыхъ своихъ одного старшаго лѣсничаго, къ которому онъ далъ, по просьбѣ Лизогуба, для одного революціоннаго дѣятеля изъ кружка послѣдняго, рекомендательное письмо съ ходатайствомъ дать подателю мѣсто лѣсника. Кромѣ сего, указывая на необходимость пироксилина для исполненія преступныхъ замысловъ, Лизогубъ, по словамъ Курицына, говоритъ, что вещество это можно добывать на каменоломняхъ, въ 20 верстахъ отъ Вознесенска, вверхъ по рѣкѣ Бугу, въ слободѣ Александровкѣ, Херсонской губерніи, гдѣ оно употребляется для взрыва скалъ.

Изъ лицъ, участвовавшихъ въ кружкѣ Лизогуба, Курицынъ не указываетъ ни на одного, ссылаясь на то, что Лизогубъ никого не называлъ ни по фамиліямъ, ни по именамъ и даже клички употреблялъ въ весьма рѣдкихъ случаяхъ.

Вообще, хотя Курицынъ, въ показаніи своемъ о Лизогубѣ и его кружкѣ, не даетъ никакихъ опредѣленныхъ данныхъ относительно ихъ дѣятельности и не указываетъ на членовъ этого кружка, тѣмъ не менѣе изъ означенной въ заявленіи Курицына характеристики этой дѣятельности, въ общихъ чертахъ, можно вывести заключеніе, что революціонная партія Лизогуба, имѣвшая, какъ это указано было выше, программой для своихъ дѣйствій бунтовскую и террористическую системы, послужила основаніемъ къ образованію той террористической

партіи, съ которою знакомитъ въ своемъ показаніи Гольденбергъ и о которой изложено будетъ ниже. Въ пользу такого предположенія служатъ слѣдующія имѣющіяся подъ рукою данныя: во-первыхъ до Лизогуба и образованнаго имъ революціоннаго кружка, революціонная партія не проявляла своей дѣятельности въ формѣ политическихъ убійствъ: во-вторыхъ—появленіе террористической партіи, образовавшейся, по показанію Гольденберга, въ началѣ 1878 г., совпадаетъ съ временемъ образованія революціоннаго кружка Лизогуба: въ третьихъ по показанію Курицына, кружокъ Лизогуба не прекратилъ своего существованія вслѣдствіе ареста самого Лизогуба, но продолжалъ дѣйствовать въ духѣ его предначертаній до послѣдняго времени; въ четвертыхъ упомянутая выше программа дѣятельности революціоннаго кружка Лизогуба представляется совершенно тождественною съ тѣмъ направленіемъ, которымъ ознаменовала себя террористическая партія; въ пятыхъ—Лизогубъ, по мѣрѣ совершенія террористическою партіею политическихъ убійствъ и покушеній, постоянно высказывалъ, по словамъ Курицына, близкое знакомство съ подробностями задуманныхъ злодѣяній, изъ чего представлялось несомнѣннымъ, что онъ стоялъ близко къ злоумышленникамъ; наконецъ, въ шестыхъ—Лизогубъ находился, по словамъ Курицына, въ самыхъ тѣсныхъ отношеніяхъ съ такими политическими преступниками, какъ, напримѣръ, Валеріанъ Осинскій, Кравцовъ, Малинка, Ковальскій и другіе представители партіи террора.

Точно также, въ виду сдѣланныхъ Курицынымъ указаній, что Лизогубъ проектировалъ нѣчто подобное Чигиринскому дѣлу на Дону, представляется вѣроятнымъ, что члены образованнаго имъ революціоннаго кружка принимали болѣе или менѣе близкое участіе въ вооруженномъ возстаніи, бывшемъ 2 апрѣля 1879 г. въ городѣ Ростовѣ на Дону и сопровождавшемся насиліемъ и безпорядками, каковое дѣло разсмотрѣно нынѣ временнымъ военнымъ судомъ.

Кромѣ сего, Курицынъ указываетъ на нѣкоторыхъ лицъ, которыя, непринадлежа непосредственно къ кружку Лизогуба, тѣмъ не менѣе находились съ нимъ въ близкихъ отношеніяхъ. Къ числу такихъ лицъ Курицынъ относитъ нѣкую *Козину*, аристократическаго происхожденія, сотрудничавшую въ журналѣ «Отечественныя записки» подъ неполнымъ псевдонимомъ А ва. Эта личность, по словамъ Курицына, была отлично знакома, кромѣ Лизогуба, съ такими революціонными дѣятелями какъ Валеріанъ Осинскій, Кравцовъ и Баламезъ (осужденный по дѣлу Чубарова въ каторжныя работы), между которыми она извѣстна была подъ прозвищемъ «Таранта», засимъ, по словамъ Курицына, Козина пользуется большими связями въ Петербургѣ и въ другихъ мѣстахъ; живетъ то въ той, то въ другой мѣстности Россіи, то заграницей, причемъ находится въ постоянныхъ разъѣздахъ. Она замужемъ и имѣетъ двухъ

дочерей 11 и 13 лѣтъ, которыя уже вполнѣ усвоили себѣ соціальныя ученія и даже находились одно время подъ руководствомъ такого репетитора, какъ извѣстный революціонеръ Петръ *Волошенко*, имѣвшій въ революціонной средѣ прозвище «Волкъ», который впослѣдствіи, за участіе въ вооруженномъ сопротивленіи въ Кіевѣ, былъ сосланъ, по приговору военно-окружнаго суда, въ каторжныя работы.

Наконецъ, показаніе Курицына касается отчасти нѣкоторыхъ лицъ, которыя, по отзывамъ содержавшихся вмѣстѣ съ нимъ въ Одесской тюрьмѣ политическихъ преступниковъ, принимали участіе въ революціонной дѣятельности. Изъ числа этихъ лицъ Курицынъ указываетъ на слѣдующихъ:

Пащенко, онъ-же по прозвищу «князь», личность невыясненная, но, по словамъ Курицына, весьма видная въ преступной средѣ. Онъ принадлежалъ къ той партіи, въ которой вращался извѣстный революціонный дѣятель, бывшій студентъ Новороссійскаго университета Ковальскій, и участвовалъ въ одномъ съ нимъ дѣлѣ, но не былъ арестованъ вмѣстѣ съ другими, благодаря случайности, по которой Пащенко не явился въ ихъ компанію для печатанія прокламацій. Далѣе изъ показанія Курицына видно, что Пащенко служилъ въ русскомъ обществѣ пароходства и торговли и былъ близко знакомъ съ бывшимъ секретаремъ Одесской думы *Гернетъ*, который, по имѣющимся свѣдѣніямъ, высланъ за политическую неблагонадежность административнымъ порядкомъ на жительство въ Восточную Сибирь. Этотъ-же Пащенко, по словамъ Курицына, ввелъ въ революціонную среду проживавшаго съ нимъ на одной квартирѣ *Виноградскаго*, который занялъ затѣмъ мѣсто Пащенки въ обществѣ пароходства и торговли, а впослѣдствіи былъ высланъ на жительство въ Восточную Сибирь. Наконецъ, Курицынъ указываетъ, что Пащенко, при содѣйствіи упомянутой выше аристократки Козиной, нашелъ невѣсту съ значительнымъ приданымъ, которое предназначается на революціонное дѣло: но свадьба почему-то отложена, а Пащенко съ невѣстой отправились заграницу. Въ видахъ разъясненія личности Пащенко, нелишне будетъ въ данномъ случаѣ упомянуть, что Богославскій, въ своемъ показаніи, указываетъ на лицо, которое носило въ революціонной средѣ кличку «князь» и называлось Фоминымъ — делегатомъ отъ Петербургскаго общества революціонеровъ. Лицо это, по словамъ Богославскаго, принимало участіе въ покушеніи на жизнь товарища прокурора Котляревскаго. Засимъ Веледницкій, въ своемъ показаніи, называетъ княземъ (онъ-же Фоминъ) лицо, носившее въ революціонной средѣ имя «Алешки»: изъ показанія-же крестьянина Забрамскаго видно, что лицо, содержащееся въ настоящее время подъ арестомъ подъ фамиліею Бойченко въ Кіевѣ и привлеченное къ дѣлу о преступномъ сообществѣ, имѣвшемъ терро-

ристическіе замыслы. также было извѣстно между революціонерами подъ именемъ «Аленки». Слѣдовательно, изъ всѣхъ этихъ указаній можно вывести болѣе или менѣе вѣроятное предположеніе, что задержанный Бойченко быть можетъ и есть та самая личность, на которую указываетъ Курицынъ.

Миролюбовъ, одинъ изъ очень важныхъ агитаторовъ на югѣ Россіи, примыкалъ къ революціонному кружку казненнаго въ Одессѣ Ковальскаго. По словамъ Курицына, Миролюбовъ участвовалъ въ освобожденіи изъ Херсонской тюрьмы *Свитича*, осужденнаго въ каторжныя работы по дѣлу Ковальскаго, и онъ-же способствовалъ побѣгу высланнаго впослѣдствіи административнымъ порядкомъ *Пилиева*, котораго онъ посылалъ съ революціонною цѣлью въ Херсонъ. Агитаціонная дѣятельность Миролюбова проявлялась преимущественно въ Херсонѣ, Николаевѣ, Одессѣ и въ Подольской губерніи, гдѣ онъ собирался затѣять нѣчто подобное дѣлу Стефановича, Денча и Боховскаго въ Чигиринскомъ уѣздѣ, причемъ разсчитывалъ собрать остатки шаекъ извѣстнаго атамана разбойниковъ Лозинскаго. Кромѣ того, Миролюбовъ, по словамъ Курицына, принялъ на себя устройство демонстраціи во время суда надъ Ковальскимъ и другими, съ употребленіемъ для сего взрывчатыхъ снарядовъ; но почему-то не успѣлъ въ этомъ. Наконецъ ему-же, Миролюбову, приписывается Курицынымъ участіе въ дѣлѣ о кражѣ денегъ изъ Херсонскаго казначейства, такъ какъ онъ находился въ дружескихъ отношеніяхъ съ главнымъ руководителемъ этого дѣла, задержаннымъ нынѣ Юрковскимъ, и притомъ, вліяніе Миролюбова въ революціонныхъ кружкахъ Николаева и Херсона было настолько велико, что безъ его участія ничего преступнаго не предпринималось. Тотъ-же Миролюбовъ, по словамъ Курицына, поступилъ въ университетъ по подложному документу, писанному рукою осужденнаго въ каторжныя работы Кравцова. По имѣющимся свѣдѣніямъ, Миролюбовъ уже высланъ административнымъ порядкомъ въ Восточную Сибирь.

Ліонъ стоялъ во главѣ неизвѣстной партіи рабочихъ въ Одессѣ и не только былъ знакомъ почти со всѣми наиболѣе видными революціонными дѣятелями, но и принималъ, по словамъ Курицына, близкое участіе во многихъ революціонныхъ дѣлахъ. Ліонъ также высланъ административнымъ порядкомъ въ Восточную Сибирь.

Кулишъ, офицеръ морской службы, принадлежалъ несомнѣнно къ революціонной партіи, такъ какъ Курицынъ встрѣчалъ его у лицъ, принадлежащихъ къ кружку казненнаго Ковальскаго, съ которымъ онъ также находился въ близкихъ отношеніяхъ и даже писалъ ему два раза во время содержанія послѣдняго въ тюрьмѣ. По словамъ Курицына, у Кулиша есть въ Николаевѣ свой революціонный кружокъ,

состоящій изъ морскихъ офицеровъ. Изъ имѣющихся свѣдѣній видно, что Кулишъ находится въ дальнемъ плаваніи, а такъ какъ онъ былъ извѣстенъ и раньше за неблагонадежное въ политическомъ отношеніи лицо, то со стороны военнаго губернатора г. Николаева сдѣлано распоряженіе о наблюденіи за Кулишемъ, по возвращеніи его изъ дальняго плаванія.

VIII.

Въ іюлѣ 1879 г., состоящій подъ надзоромъ полиціи въ г. Черниговѣ, дворянинъ Владиміръ *Дрыга* сдѣлалъ заявленіе, указавшее на существованіе преступнаго сообщества въ Черниговской губерніи. Разоблаченія этого лица оказались такъ близко связанными въ нѣкоторыхъ частяхъ съ дѣломъ объ убійствѣ Харьковскаго губернатора князя Кропоткина, равно съ дѣятельностью указанной впослѣдствіи Дрыгою объединенной революціонной общины въ Тамбовской, Воронежской и Самарской губерніяхъ, что представляется необходимымъ всѣ имѣющіяся по означеннымъ тремъ предметамъ свѣдѣнія изложить вмѣстѣ.

Судя по заявленію дворянина Дрыги и другимъ имѣющимся подъ рукою указаніямъ, Черниговское преступное сообщество вызвано къ жизни и поддерживалось средствами упомянутаго въ предыдущемъ отдѣлѣ дворянина Дмитрія Лизогуба, который обладалъ значительнымъ количествомъ земли въ Черниговской губерніи и вообще, какъ богатый помѣщикъ и капиталистъ, пользовался тамъ большимъ вліяніемъ. Кромѣ Лизогуба, значительная доля участія въ образованіи этого преступнаго сообщества принадлежала энергіи и стараніямъ Валеріана Осинскаго, раздѣлявшаго, повидимому, всѣ заботы по исполненію предначертаній Лизогуба въ сферѣ революціонной дѣятельности послѣдняго. Самъ Дрыга принадлежалъ также къ революціонному кружку Лизогуба, и личное участіе его, по словамъ Дрыги, ограничивалось преимущественно тѣмъ, что, состоя повѣреннымъ и тайнымъ корреспондентомъ Лизогуба, онъ, Дрыга, расходовалъ изъ находившагося въ его распоряженіи наличнаго капитала Лизогуба болѣе или менѣе значительныя суммы на приготовленіе къ преступленіямъ.

Первоначальное указаніе Дрыги коснулось лица, которое было извѣстно ему подъ псевдонимомъ *Безмѣнова*, пріѣхавшаго въ Черниговъ въ томъ-же іюлѣ мѣсяцѣ 1879 г., передъ самымъ заявленіемъ Дрыги, съ цѣлью получить деньги для осуществленія новаго политическаго преступленія. Хотя въ тоже время и приняты были мѣры къ задержанію этой личности, но самъ Безмѣновъ, заподозрѣвшій измѣну со стороны Дрыги, умѣлъ скрыться, въ оставленныхъ-же имъ на квартирѣ вещахъ найдены: вексельный бланкъ, химическія чернила,

какіе-то печатки, склянки съ различными составами и машинка для штемпелей. По собраннымъ свѣдѣніямъ оказалось, что лицо, называвшееся Безмѣновымъ (средняго роста, носитъ рыжую бородку, зайкается), пріѣзжало 9 мая 1879 г. изъ Курска въ Кіевъ и останавливалось въ гостиницѣ «Заря», по Безаковой улицѣ, въ домѣ Фидлера, а черезъ пять дней обратно выѣхало въ Курскъ, что оно проживало также подъ именемъ Михаила Дмитріевича Михайловскаго, что 13 іюня оно было проѣздомъ, вмѣстѣ съ дворяниномъ Василіемъ Андреевымъ *Чернышовымъ*, въ г. Липецкъ, Тамбовской губерніи, гдѣ они останавливались на постояломъ дворѣ Голикова, и наконецъ, что съ нимъ, Безмѣновымъ, былъ, по показанію купца Марголина, знакомъ Остерскій уѣздный предводитель дворянства Черниговской губерніи, дворянинъ *Александровичъ*. Тѣмъ не менѣе, всѣ эти свѣдѣнія до сего времени не привели къ обнаруженію званія Безмѣнова, между тѣмъ личность эта представляется немаловажною: на нее указывалось какъ на товарища извѣстнаго революціоннаго дѣятеля Фомина и убійцу жандарма въ Херсонѣ, при покушеніи на освобожденіе политическаго преступника Войнаральскаго.

Засимъ дворянинъ Арыга указалъ, что незадолго до пріѣзда въ Черниговъ лица, называвшагося Безмѣновымъ, онъ видѣлся съ неизвѣстнымъ ему молодымъ человѣкомъ, съ которымъ ѣздилъ въ Кіевъ, гдѣ молодой человѣкъ купилъ въ американскомъ магазинѣ винтовку, изъ которой впослѣдствіи упражнялся въ стрѣльбѣ въ Городнянскомъ уѣздѣ, Черниговской губерніи, причемъ Арыга выразилъ предположеніе, что этотъ молодой человѣкъ участвовалъ въ убійствѣ Харьковскаго губернатора князя Кропоткина. Вмѣстѣ съ тѣмъ Арыга заявилъ, что означеннаго молодаго человѣка звали Зубковскимъ.

Между тѣмъ, еще гораздо раньше заявленія Арыги, именно въ маѣ 1879 г., было задержано въ Ромненскомъ уѣздѣ, Полтавской губерніи, подозрительное лицо, которое представлялось несомнѣнно принадлежащимъ къ революціонной средѣ и потому обратило на себя особенное вниманіе. Лицо это первоначально, при задержаніи, называлось дворяниномъ Александромъ Соковичемъ; затѣмъ бывшимъ студентомъ Кіевскаго университета дворяниномъ Иваномъ Карповымъ Панькѣевымъ и наконецъ, когда эти показанія были опровергнуты, бывшимъ студентомъ Кіевскаго университета Аѳанасіемъ Андреевымъ *Зубковскимъ*. По наведеннымъ справкамъ, послѣднее показаніе подтвердилось, причемъ оказалось, что Зубковскій есть уроженецъ г. Миргорода, Полтавской губерніи, сынъ священника, воспитывавшійся первоначально въ Полтавской семинаріи и привлекавшійся въ 1876 и 1877 годахъ къ двумъ дѣламъ: о принадлежности его къ преступному сообществу въ Полтавѣ и объ участіи его въ образовавшемся въ г. Житомірѣ.

Волынской губерніи, кружкѣ, имѣвшемъ цѣлью противоправительственную пропаганду. По поводу этихъ дѣлъ у Зубковскаго въ началѣ 1877 г. былъ произведенъ въ Кіевѣ обыскъ, по которому найдены разныя сочиненія революціоннаго содержанія, послѣ чего онъ скрылся и, будучи уволенъ изъ университета, скрывался подъ чужими именами. Но открывъ свое происхожденіе, Зубковскій въ то-же время отказался дать какія либо свѣдѣнія о мѣстѣ своего пребыванія послѣ побѣга изъ Кіева, подъ предлогомъ нежеланія скомпрометировать лицъ, у которыхъ онъ проживалъ въ это время.

Въ виду сего, когда заявитель Дрыга указалъ на молодаго человѣка, котораго онъ подозрѣвалъ въ соучастіи по дѣлу объ убійствѣ князя Кропоткина, назвавъ его Зубковскимъ, ему, Дрыгѣ, была предъявлена фотографическая карточка задержаннаго въ Роменскомъ уѣздѣ лица, въ то время уже открывшаго свое званіе, и онъ призналъ въ этомъ лицѣ того самого молодаго человѣка, о которомъ упомянуто выше. Поэтому тогда-же Зубковскій былъ переведенъ для производства дознанія, по указаннымъ Дрыгою обстоятельствамъ, сперва въ Харьковъ, а затѣмъ въ Черниговъ.

Во время производства означеннаго дознанія, Дрыга сдѣлалъ дополнительное заявленіе, опредѣливъ съ одной стороны ту роль, которая принадлежала Зубковскому въ приготовленіяхъ къ означенному преступленію, и указавъ съ другой стороны на предполагаемаго имъ убійцу князя Кропоткина и на лицъ, которыя его укрывали послѣ совершенія преступленія. По показанію Дрыги, убійца былъ Варшавскій житель, по ремеслу слесарь, пріисканный въ Варшавѣ для совершенія преступленія; участіе-же Зубковскаго заключалось въ руководительствѣ этимъ лицомъ и пріисканіи для него безопаснаго помѣщенія послѣ убійства. Засимъ, по указанію Дрыги, убійца, по совершеніи преступленія, прибылъ въ Черниговъ, гдѣ ночевалъ по запискѣ Зубковскаго въ квартирѣ отставнаго чиновника *Тринитатскаго*, служащаго въ Черниговской земской управѣ, а такъ какъ неизвѣстный человѣкъ разсказалъ ему про убійство, то Тринитатскій поспѣшно отправилъ его въ село Плехово, Черниговскаго уѣзда, къ земскому врачу Александру *Буличу*, который отвезъ его затѣмъ къ помѣщику Комаровскому.

Это послѣднее показаніе Дрыги относительно укрывательства лица, которое, по показанію его было убійцею князя Кропоткина, подтвердилось показаніями помѣщика Комаровскаго и Булича, причемъ они объяснили, что привезенный къ нимъ незнакомый человѣкъ былъ, замѣтно, польскаго происхожденія и имѣлъ грубыя отъ работъ руки. Въ этомъ отношеніи показаніе Комаровскаго заслуживаетъ тѣмъ большаго вѣроятія, что онъ представляется человѣкомъ непроникнутымъ

соціально-революціонными заблужденіями и лишь случайно укрывавшимъ у себя, по неотступной просьбѣ Булича, лицо, на которомъ тяготѣло столь злодѣйское преступленіе. Что касается чиновника Тринитатскаго, то всѣ показанія его отличались крайнею неопредѣленностью: причемъ, сознаваясь во всемъ въ частномъ съ нимъ разговорѣ, при формальномъ опросѣ Тринитатскій давалъ совершенно противоположное показаніе, доходя даже до совершеннаго отрицанія знакомства своего съ Зубковскимъ, по запискѣ котораго неизвѣстный ночевалъ, тогда какъ, напротивъ, показанія жены Тринитатскаго представлялись согласными съ показаніями Дрыги и Булича.

Между тѣмъ, независимо отъ сознанія Булича, было произведено дознаніе въ упомянутомъ выше селѣ Плеховѣ, гдѣ Буличъ служилъ земскимъ врачемъ, причемъ укрывательство у него неизвѣстнаго человѣка, бывшаго, по словамъ Дрыги, убійцею князя Кропоткина, подтверждалось свидѣтельскими показаніями, изъ коихъ показаніе бывшаго при Буличѣ фельдшера Николая *Тупало* имѣетъ особое значеніе, такъ какъ онъ былъ свидѣтелемъ того, что неизвѣстный былъ привезенъ къ Буличу чиновникомъ Тринитатскимъ и что этотъ неизвѣстный, въ разговорѣ своемъ съ Буличемъ назывался убійцей князя Кропоткина. Кромѣ того выяснилось, что неизвѣстный, во время пребыванія своего у Булича въ селѣ Плеховѣ, упражнялся въ стрѣльбѣ изъ револьвера, причемъ найденныя на мѣстѣ стрѣльбы пули оказались одинаковаго размѣра съ тою, которою былъ раненъ князь Кропоткинъ.

Наконецъ, при производствѣ дознанія относительно означеннаго предполагаемаго убійцы Харьковскаго губернатора сдѣлалось извѣстно, что этотъ неизвѣстный, укрывавшійся у Тринитатскаго, Булича и Комаровскаго, ночевалъ, по просьбѣ Тринитатскаго, также и въ квартирѣ проживающей въ Черниговѣ акушерки *Франштейнъ*, которая подтвердила это обстоятельство, а служащая у нея крестьянка Матрена Гарусова даже видѣла у ночевавшаго подъ подушкою револьверъ, о чемъ она сообщила на слѣдующій день акушеркѣ Франштейнъ.

Во время производства въ Черниговѣ изложенныхъ выше дознаній, имѣвшихъ цѣлью выясненіе во всей подробности обстоятельствъ, связанныхъ съ укрывательствомъ тамъ лица, на котораго заявлено Дрыгою подозрѣніе въ совершеніи убійства въ Харьковѣ, было задержано въ Кіевѣ лицо, которое было извѣстно въ революціонной средѣ подъ именемъ «Володьки», а по задержаніи назвалось мѣщаниномъ Григоренко, впослѣдствіи-же оказалось дворяниномъ Людвигомъ Кобылянскимъ. Обстоятельства, сопровождавшія арестъ этого лица въ Кіевѣ и характеристика его подробно изложены выше (въ отдѣлѣ настоящаго обзора), при изложеніи дѣятельности преступнаго сообщества, имѣвшаго террористическіе замыслы, дознаніе о которомъ составляетъ пред-

метъ производящагося нынѣ въ Кіевѣ обширнаго дознанія. Такъ какъ съ одной стороны задержаніе въ Кіевѣ Кобылянскаго (онъ же Володька и Григоренко) совпало по времени съ производствомъ дознанія въ Черниговѣ. по разоблаченіямъ Дрыги. а съ другой стороны имѣлись въ виду тождественныя физическія особенности. отличавшія какъ задержаннаго Кобылянскаго. такъ равно и того человѣка. котораго. непосредственно послѣ убійства князя Кропоткина. укрывали въ Черниговской губерніи Тринитатскій. акушерка Франштейнъ. Куличъ и наконецъ Комаровскій.—то явилось предположеніе. не есть ли Кобылянскій и помянутый человѣкъ одно и тоже лицо. Когда послѣ того предположеніе это нашло себѣ подтвержденіе и въ другихъ данныхъ, Кобылянскій былъ доставленъ изъ Кіева въ Черниговъ, гдѣ изъ числа 15 свидѣтелей—12 признали его за означеннаго молодаго человѣка, а остальные нашли большое съ нимъ сходство.

Рядомъ съ производствомъ изложеннаго дознанія, имѣвшаго результатомъ своимъ окончательное выясненіе личности, представлявшейся виновникомъ убійства князя Крапоткина, шло по Чернигову изысканіе имѣвшее цѣлью выясненіе другой подозрительной личности, равно преступной дѣятельности земскаго врача *Каминера*. въ имѣніи котораго. деревнѣ Паперни, недалеко отъ Чернигова, укрывалась эта новая личность. Хотя укрывательство это, по словамъ Дрыги. и относилось къ лѣту 1877 года, тѣмъ не менѣе указанная личность по тѣмъ свѣдѣніямъ. которыя даны были Дрыгѣ помѣщицею *Линдфорсъ*, сосѣдкою по имѣнію Каминера. представлялась весьма важною потому, что личность эта. по завѣренію Линдфорсъ. принимала впослѣдствіи ближайшее участіе въ политическомъ преступленіи. Прежде всего обнаружено было преступное направленіе какъ самого врача Каминера. такъ равно и всего семейства его. изъ коихъ три дочери. Августина, Анна и Надежда. отданы были въ 1874 г. подъ надзоръ полиціи. но успѣли скрыться и долгое время неизвѣстно гдѣ проживали. Семейство Каминера, какъ оказалось по дознанію. постоянно посѣщалось разными лицами. которыя укрывались лѣтомъ въ имѣніи Паперни часто очень продолжительное время. ведя подозрительный образъ жизни. Что касается указанной Дрыгою личности. послужившей поводомъ къ дознанію въ имѣніи Каминера. то въ отношеніи ея было обнаружено, что дѣйствительно лѣтомъ 1877 г. жилъ въ имѣніи Паперни, подъ видомъ учителя. неизвѣстный человѣкъ, называвшійся «Гришкой», который сблизился съ мѣстными крестьянами. училъ молодыхъ разнымъ пѣснямъ. а стариковъ и прибѣгавшихъ къ нему больныхъ — врачевалъ. и вообще пользовался между ними большою популярностью и уваженіемъ.

Первоначально, по нѣкоторымъ даннымъ. явилось предположеніе. не есть-ли Гришка одно и тоже лицо съ задержаннымъ въ Кіевѣ «Во-

лодькою, оказавшимся впослѣдствіи Кобылянскимъ, но затѣмъ, когда въ Елисаветградѣ задержанъ былъ, 14 ноября 1879 г., съ большимъ количествомъ нитроглицерина, купеческій сынъ Григорій *Гольденбергъ*, и когда снятая съ послѣдняго фотографическая карточка была предъявлена свидѣтелямъ, удостовѣрившимъ проживаніе Гришки въ имѣніи Каминера, свидѣтели эти положительно признали въ Гольденбергѣ то лицо, которое имъ было извѣстно подъ именемъ Гришки.

Впослѣдствіи и самъ Гольденбергъ подтвердилъ это обстоятельство, въ показаніи своемъ о революціонной дѣятельности вообще и объ участіи въ ней его самого въ частности.

Изъ показанія Гольденберга видно, что убійство князя Кропоткина принадлежитъ по замыслу и исполненію всецѣло ему одному, слѣдовательно, если только это показаніе Гольденберга подтвердится, представится очевиднымъ, что помѣщица Лидфоресъ—сообщившая Дрыгѣ свѣдѣнія о Гришкѣ и указавшая приэтомъ на причастность его къ политическому дѣлу—отчасти знала подробности названнаго убійства.

По словамъ Гольденберга, преступная мысль созрѣла въ немъ подъ вліяніемъ убѣжденія въ томъ, что князь Кропоткинъ былъ главнымъ виновникомъ тяжелой участи политическихъ преступниковъ, заключенныхъ въ центральныхъ тюрьмахъ Харьковской губерніи. Но предварительно исполненія задуманнаго плана, онъ, Гольденбергъ, считалъ необходимымъ узнать какое впечатлѣніе произведетъ этотъ замыселъ на единомышленниковъ его. Съ этою цѣлью, будучи въ Кіевѣ и въ Харьковѣ, онъ высказывалъ мысль о необходимости принятія крайней мѣры противъ князя Кропоткина разнымъ лицамъ, въ томъ числѣ въ Кіевѣ упомянутымъ выше въ различныхъ отдѣлахъ настоящаго обзора: Афанасію Зубковскому, Людвигу Кобылянскому, Валеріану Осинскому, Павлу Орлову, Игнату Ивичевичу, Людмилѣ Самарской, Надеждѣ Силумицкой, Вѣрѣ Ремизовской, равно студенту Кіевскаго университета, находящемуся подъ секретнымъ надзоромъ Кіевской полиціи *Боцкому* и студенту Харьковскаго университета Дмитрію *Бурмистрову*, привлеченному и содержащемуся нынѣ въ Харьковѣ по обвиненію въ принадлежности къ тамошнему преступному сообществу, о которомъ изложено будетъ ниже, а также въ Харьковѣ студенту Харьковскаго университета Ивану Іонову *Глушкову*, дворянину Харьковской губерніи, Купянскаго уѣзда, высланному за принадлежность къ революціонной партіи на жительство въ Олонецкую губернію, Эмануилу *Воронцу*, бывшему студенту Харьковскаго университета Евгенію Иванову *Козлову* и бывшему студенту того-же университета Алексѣю Иванову *Преображенскому*, изъ коихъ Глушковъ и Козловъ розыскиваются нынѣ для привлеченія къ дѣлу о Харьковскомъ революціонномъ сообществѣ.

а Преображенскій, причастный къ тому-же дѣлу, уже содержится подъ арестомъ.

Всѣ означенныя лица, по словамъ Гольденберга, сочувственно отнеслись къ его преступному замыслу; причемъ онъ, Гольденбергъ, Самарская и Ивичевичъ высказались за открытое убійство, а остальные въ пользу совершенія такового изъ за угла. Когда, такимъ образомъ, замыселъ былъ въ принципѣ рѣшенъ, осуществленіе его представилось необходимымъ на нѣкоторое время отложить, такъ какъ въ началѣ января мѣсяца въ центральныхъ тюрьмахъ допускалось свиданіе заключенныхъ съ родными, а потому явилось опасеніе, что совершеніе преступленія до этого могло вызвать распоряженіе о недопущеніи этихъ свиданій. Проживая въ то время въ Кіевѣ, преимущественно въ квартирѣ, которую содержала на Ивановской улицѣ Софья *Ивановская*, гдѣ тогда помѣщался соціально-революціонный клубъ, о которомъ уже упоминалось выше, Гольденбергъ въ концѣ января отправился, наконецъ, въ Харьковъ, куда одновременно съ нимъ прибыли также Кобылянскій, Зубковскій и Людмила *Волькенштейнъ*, о мужѣ которой, земскомъ врачѣ г. Кобелякъ, Полтавской губерніи, будетъ сказано ниже въ слѣдующемъ отдѣлѣ. Изъ этихъ лицъ Волькенштейнъ приняла на себя роль хозяйки конспиративной квартиры, нанятой съ двоякою цѣлью: служить мѣстомъ сходокъ и затѣмъ укрыть участниковъ преступленія послѣ его совершенія. Въ это время прибыла въ Харьковъ, проѣздомъ въ Петербургъ, дочь чиновника Зинаида *Воскресенская*, высланная въ 1879 г. за прикосновенность къ дѣлу объ изданіи въ Петербургѣ и распространеніи возмутительныхъ брошюръ, подъ строгій надзоръ полиціи въ Олонецкую губернію, и предупредила Зубковскаго о сдѣланныхъ въ то время Веледницкимъ разоблаченіяхъ, а такъ какъ Зубковскій получилъ отъ Веледницкаго, чрезъ Валеріана Осинскаго, фальшивый паспортъ, то ему, Зубковскому, могла грозить опасность. Въ виду сего изъ предосторожности, конспиративная квартира была переведена въ другой домъ, а упомянутыя выше лица размѣстились на разныхъ квартирахъ. Засимъ, кромѣ поименованныхъ единомышленниковъ, Гольденбергъ указываетъ еще на дворянина Леонида *Дичкуло*, проживавшаго въ Одессѣ подъ фамиліею Виноградова и розыскиваемаго по прикосновенности къ дѣлу о вооруженномъ сопротивленіи въ Кіевѣ, и названнаго выше Козлова, съ которыми Гольденбергъ, будучи въ Харьковѣ, находился въ сношеніяхъ; причемъ Козловъ былъ ему особенно полезенъ, такъ какъ онъ зналъ и передалъ Гольденбергу многое, относящееся до князя Кропоткина. Наконецъ, 9 февраля 1879 г., Гольденбергъ окончательно рѣшился привести задуманное преступленіе. Съ этимъ намѣреніемъ, пользуясь выѣздомъ князя Кропоткина вечеромъ, 9 февраля,

онъ вмѣстѣ съ Кобыляпскимъ стали ожидать возвращенія губернатора, вблизи дома послѣдняго. Когда, около полуночи, карета князя Кропоткина стала приближаться къ дому, Гольденбергъ подбѣжалъ къ ней и, схватившись за ручку дверецъ съ лѣвой стороны, произвелъ выстрѣлъ во внутрь кареты. Въ туже ночь Гольденбергъ, по его показанію, отправился въ Кіевъ, гдѣ сообщилъ объ убійствѣ Самарской, Орлову, Дическулло и Игнатію Ивичевичу. Все дѣло по убійству князя Кропоткина обошлось имъ, по словамъ Гольденберга, въ 520 рублей, **которые даны были Зубковскимъ.**

Такимъ образомъ сознаніемъ Гольденберга, принимающаго активную дѣятельность въ этомъ преступленіи на одного себя, не измѣнится постановка произведеннаго по Чернигову дознанія, вызваннаго заявленіемъ Дрыги, такъ какъ близкое участіе въ этомъ преступленіи Кобыляпскаго и Зубковскаго этимъ не только не умаляется, но напротивъ подкрѣпляется съ значительнымъ расширеніемъ круга, болѣе или менѣе причастныхъ къ сему дѣлу лицъ. Кромѣ сего, какъ Богославскій, такъ впослѣдствіи и Забрамскій указываютъ на Кобыляпскаго **какъ на убійцу Харьковскаго губернатора.**

Но независимо отъ упомянутыхъ двухъ лицъ, оказавшихся Кобыляпскимъ и Зубковскимъ, о близкомъ участіи которыхъ въ убійствѣ князя Кропоткина сдѣлалось первоначально извѣстно со словъ дворянина Дрыги, послѣдній указалъ еще на одно лицо, которое, по его предположенію, должно было весьма близко стоять къ тому-же преступленію. Лицо это Дрыга назвалъ Никандромъ *Мощенковымъ*, а вслѣдствіе принятыхъ въ тоже время мѣръ, выяснилось, что этотъ Мощенковъ есть, по всей вѣроятности, никто иной, какъ тотъ самый Никандръ Платоновъ Мощенковъ, сынъ священника г. Валокъ, Харьковской губерніи, который воспитывался въ Харьковской семинаріи, находился затѣмъ въ числѣ студентовъ Харьковскаго ветеринарнаго института и привлекался въ 1874 и 1875 годахъ въ Харьковѣ, а въ 1877 году въ Самарѣ и Саратовѣ къ дознаніямъ по дѣламъ политическаго свойства.

По произведенному розыску, Мощенковъ 29 августа 1879 г. былъ задержанъ въ Тамбовской губерніи, гдѣ онъ занималъ съ преступною цѣлью мѣсто волостнаго писаря, и доставленъ въ Харьковъ для производства дознанія съ цѣлью выясненія участія его въ дѣлѣ по убій**ству князя Кропоткина.**

Дознаніе въ Харьковѣ, произведенное первоначально путемъ секретныхъ изысканій, дало такіе результаты, по которымъ представлялось почти несомнѣннымъ участіе въ этомъ убійствѣ не только названнаго Мощенкова, но и друга его, бывшаго студента Харьковскаго ветеринарнаго института, сына священника Николая *Быковскаго*. Основаніемъ къ такому предположенію послужили слѣдующія обстоятель-

ства. Никандръ Мощенковъ, за которымъ былъ учрежденъ въ февралѣ 1878 г. полицейскій надзоръ, находился безотлучно въ Харьковѣ, проживая съ любовницею своею, фельдшерицею Елизаветою Абрамовою Хотинскою, на разныхъ квартирахъ. Послѣдняя квартира, въ которой жилъ Мощенковъ съ Хотинскою, была въ домѣ священника Николаевскаго, по Клочковской улицѣ, куда одновременно переѣхали названный выше Быковцевъ съ своею любовницею, акушеркою *Лукіною-Бутенковою*, на которой онъ впослѣдствіи женился. Квартира эта принадлежала ссыльному поляку Милешкѣ, человѣку во всѣхъ отношеніяхъ неблагонадежному. За недѣлю до убійства князя Кропоткина, внезапно совершилось въ одинъ и тотъ-же день, именно 2-го февраля, крещеніе Хотинской и бракосочетаніе ея съ Мощенковымъ, а на слѣдующій день Мощенковъ уже подалъ въ Харьковское полицейское управленіе прошеніе о выдачѣ его женѣ отдѣльнаго вида на жительство, который и былъ полученъ имъ 4 февраля. Засимъ, Мощенковъ и Быковцевъ, при опросѣ ихъ, уже послѣ задержанія перваго въ Тамбовской губерніи, дали совершенно согласное между собою объясненіе, что Мощенковъ и его жена уѣхали 5 или 6 февраля изъ Харькова по направленію въ Курскъ, откуда жена отправилась въ Черниговъ, а онъ поѣхалъ далѣе въ Тамбовъ: между тѣмъ, при секретномъ изысканіи, нѣсколько свидѣтелей положительно удостовѣрили, что Мощенковы уѣхали рано утромъ 10 февраля, слѣдовательно вслѣдъ за убійствомъ князя Кропоткина.

Впослѣдствіи, когда свидѣтелямъ сдѣланъ былъ формальный опросъ, они не подтвердили данныхъ раньше показаній, вслѣдствіе чего обвиненіе ихъ въ участіи по означенному преступленію оказалось не имѣющимъ подъ собою основанія и остается недоказаннымъ до настоящаго времени. Но таково положеніе возбужденнаго противъ Мощенкова и Быковцева преслѣдованія лишь съ юридической стороны, на дѣлѣ-же значеніе ихъ въ этомъ дѣлѣ остается неопровергнутымъ.

Въ пользу устойчивости имѣющихся противъ Мощенкова и Быковцева данныхъ представляется слѣдующее: во-первыхъ, внезапный отъѣздъ Мощенкова изъ Харькова во время, совпадающее съ временемъ совершенія убійства князя Кропоткина, притомъ безъ вѣдома полиціи, подъ надзоромъ которой Мощенковъ находился; во-вторыхъ, поспѣшное совершеніе передъ тѣмъ обрядовъ крещенія Хотинской и вѣнчанія съ нею Мощенкова, равно исходатайствованіе для нея отдѣльнаго вида на жительство; въ-третьихъ, упорное нежеланіе Мощенкова доказать свое alibi съ 6 по 10 февраля, подъ предлогомъ рѣшимости не навлекать преслѣдованія противъ лицъ, у которыхъ онъ жилъ въ это время; въ-четвертыхъ, безслѣдное исчезновеніе книги для записки жильцовъ въ домѣ священника Николаевскаго, въ которой, будто-бы, сдѣлана была отмѣтка о времени выбытія Мощенкова съ женою изъ Харь-

кова: въ-пятыхъ, уклончивыя въ этомъ отношеніи показанія означеннаго священника Николаевскаго, который, по имѣющимся свѣдѣніямъ, вышелъ изъ той-же семинаріи, въ которой находились Мощенковъ и Быковцевъ. Въ виду изложеннаго представляется болѣе или менѣе вѣроятнымъ, что если Мощенковъ и Быковцевъ не принимали прямаго участія въ дѣлѣ по убійству князя Кропоткина, то по меньшей мѣрѣ имъ было извѣстно о преступномъ замыслѣ и приготовленіяхъ къ исполненію такового. Во всякомъ случаѣ, лица эти принимали видное участіе въ революціонной дѣятельности, какъ это будетъ указано ниже, при изложеніи объединенной революціонной общины.

IX.

Кромѣ упомянутыхъ въ предыдущемъ отдѣлѣ лицъ, входящихъ отчасти въ составъ дознанія по убійству Харьковскаго губернатора князя Кропоткина, обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія лица, преступная дѣятельность которыхъ по Черниговской губерніи представляется несомнѣнною:

Варзеръ, мировой судья, состоящій съ 1876 г. подъ особымъ негласнымъ надзоромъ полиціи. Онъ представляется стоящимъ очень близко къ революціонной средѣ и отчасти зналъ о приготовленіяхъ, дѣлаемыхъ Зубковскимъ къ убійству князя Кропоткина: жена-же Варзера играетъ, повидимому, еще болѣе видную роль въ революціонной дѣятельности, нежели онъ самъ. Изъ имѣющихся свѣдѣній видно, что она была въ Цюрихѣ и Парижѣ на медицинскихъ курсахъ, ведетъ дѣятельную переписку съ разными лицами и намѣрена снова въ непродолжительномъ времени отправиться заграницу. Изъ сестеръ ея одна была замужемъ за русскимъ эмигрантомъ и умерла въ Швейцаріи, а другая — находится въ Черниговѣ, замужемъ за бывшимъ учителемъ *Константиновичемъ*, нынѣ служащимъ въ должности товарища директора Черниговскаго городскаго банка, наконецъ братъ г-жи Варзеръ, Иванъ Григорьевичъ *Рашевскій*, служилъ мировымъ судьею въ Черниговскомъ уѣздѣ. Жены Константиновича и Рашевскаго также принадлежатъ къ сторонникамъ революціонной партіи, а чрезъ нихъ заражены соціализмомъ и ихъ мужья. По произведенному у мироваго судьи Варзера, 29 августа 1879 г., обыску найдены были запрещенныя книги, а также разные стихи и собственноручные наброски, рельефно обрисовывающіе его личное направленіе и образъ мыслей.

Карпинскій, директоръ Черниговскаго городскаго банка, представляющійся однимъ изъ вліятельнѣйшихъ членовъ антиправительственной партіи. Дѣятельность этого лица тѣмъ болѣе опасна, что Карпин-

скій, какъ директоръ банка, исполняющій обязанности агента С.-Петербургскаго общества поземельнаго кредита и исправляющій другія почетныя въ Черниговѣ должности, пользуется громаднымъ значеніемъ въ Черниговской губерніи. По заявленію Дрыги, Карпинскій находился въ близкихъ отношеніяхъ съ упомянутымъ выше революціоннымъ дѣятелемъ Лизогубомъ (казненъ), вслѣдствіе чего векселя послѣдняго на значительную сумму хранились частнымъ образомъ, вопреки правиламъ устава, въ кассѣ Черниговскаго городскаго банка.

Волкенштейнъ, Александръ, земскій врачъ г. Кобелякъ, Полтавской губерніи, бывшій студентъ Кіевскаго университета, привлекался къ процессу 193-хъ, но былъ оправданъ. Революціонная дѣятельность его относится собственно къ Кіеву, гдѣ, по словамъ Ключникова, Волкенштейнъ вращался въ томъ революціонномъ кружкѣ, къ которому принадлежалъ между прочимъ и Валеріанъ Осинскій (казненный), Дебагорій-Мокріевичъ, Сергѣй Диковскій и другія лица, упомянутыя выше, при изложеніи дѣятельности революціоннаго сообщества. По словамъ Ключникова, Волкенштейнъ снабжалъ означенный революціонный кружокъ запрещенными изданіями и, между прочимъ, привозилъ изъ Петербурга въ большомъ количествѣ экземпляровъ соціально-революціонный листокъ «Земля и Воля», который раздавался между членами кружка для дальнѣйшаго распространенія. По словамъ Лизогуба, переданнымъ содержавшимся съ нимъ въ одной камерѣ Курицынымъ, Волкенштейнъ считался въ революціонной средѣ устарѣвшимъ соціалистомъ, но какъ денежный человѣкъ имѣлъ въ ней рѣшающее значеніе. Въ послѣднее время участіе его, по словамъ Дрыги, проявилось въ Черниговѣ, гдѣ онъ былъ знакомъ съ многими революціонными членами тамошняго сообщества.

Кромѣ сего, учитель Кіевскаго училища *Ставровскій*, жена чиновника особыхъ порученій при Черниговскомъ губернаторѣ *Ефименки*, шуринъ послѣдней Петръ Петровичъ *Червинскій* и, наконецъ, еще одно лицо, которое было извѣстно ему подъ псевдонимомъ Вайнера, онъ-же Мойша, Илья Абрамовъ и Аркадій. Это послѣднее лицо представлялось, по словамъ Дрыги, весьма важнымъ въ революціонной средѣ и принимало участіе въ изданіи соціально-революціоннаго журнала «Земля и Воля», считаясь его корреспондентомъ. Всѣ принятыя своевременно мѣры къ обнаруженію званія и къ розысканію этого лица оставались долгое время безъ успѣха. Послѣ же сознанія Гольденберга, вслѣдствіе указанія его на то, что арестованный въ Петербургѣ, принадлежащій къ террористической партіи, *Зунделевичъ* носилъ въ революціонной средѣ имена Мойши и Аркадія, фотографическая карточка его была предъявлена Дрыгѣ и онъ призналъ Зунделевича за того самого человѣка, котораго онъ зналъ за Вайнера. Означенный

Зунделевичъ привлеченъ въ С.-Петербургѣ къ дознаніямъ по дѣламъ о подпольныхъ типографіяхъ «Народная Воля» и «Черный Передѣлъ», а также къ дѣлу о взрывѣ въ Зимнемъ Дворцѣ 5 февраля сего года. Засимъ объ участіи его въ дѣлѣ покушенія 2 апрѣля 1879 г. будетъ указано ниже, при изложеніи той части показанія Гольденберга, въ которой сдѣланы имъ разоблаченія виновниковъ этого преступленія.

Лихачевъ, Осодоръ, отставной штабсъ-капитанъ, проживающій уже около 20 лѣтъ въ селѣ Плеховѣ, имѣніи его жены, гдѣ скрывался у земскаго врача Булича неизвѣстный молодой человѣкъ, оказавшійся впослѣдствіи Кобылянскимъ, участникомъ въ убійствѣ князя Кропоткина. На Лихачева указывается какъ на вліятельнаго революціонера, имѣющаго большое вліяніе на простой народъ и интеллигентную молодежь, но дѣятельность его въ этомъ направленіи отличается крайнею осторожностью, вслѣдствіе чего онъ до сего времени ни разу не навлекъ на себя даже подозрѣнія въ этомъ отношеніи. По произведенному у Лихачева обыску, послѣ сдѣланнаго дворяниномъ Дрыгою заявленія, хотя въ книгахъ его и не найдено ничего запрещеннаго, но притомъ на поляхъ нѣкоторыхъ сочиненій обнаружены собственноручныя замѣтки Лихачева, въ достаточной мѣрѣ ясно характеризующія его преступное направленіе. Кромѣ сего указывалось, что Лихачеву содѣйствуетъ въ его революціонной дѣятельности мѣстный священникъ Александръ *Волковичъ*, но при обслѣдованіи этого обстоятельства не обнаружено данныхъ, которыя бы уполномочивали политическую неблагонадежность Волковича, а оказалось, что Волковичъ ведетъ крайне невоздержанную во всѣхъ отношеніяхъ жизнь, несовмѣстную съ его духовнымъ саномъ.

Булашевичъ, мелкій чиновникъ Черниговской казенной палаты, который, по словамъ Дрыги, находясь въ близкихъ отношеніяхъ съ агитаторами, состоящими подъ надзоромъ полиціи, пересылалъ по принадлежности и получалъ на ихъ имя корреспонденцію.

Билокопскій, Иванъ, бывшій студентъ Кіевскаго университета. О своеобразѣ преступной дѣятельности его по Кіеву уже указано было выше, при изложеніи преступной дѣятельности различныхъ революціонныхъ фракцій въ Кіевской губерніи. Что-же касается участія его въ дѣятельности революціоннаго сообщества въ Черниговской губерніи, то хотя произведеннымъ дознаніемъ и не обнаружено данныхъ, на основаніи которыхъ представилось-бы возможнымъ формулировать принадлежность его къ этому сообществу, тѣмъ не менѣе онъ былъ задержанъ. Въ то-же время выяснилась близость отношеній его съ сыномъ коммерціи совѣтника Львомъ *Сигриева*, бывшимъ студентомъ Кіевскаго университета, извѣстнымъ по своей преданности революціонному дѣлу, которое онъ поддерживалъ матеріальными средствами. Такъ какъ до

задержанія Бѣлоконскаго, послѣдній находился на сахарномъ заводѣ Яхненки-Семиренко, въ Городищенскомъ уѣздѣ, Кіевской губерніи, въ качествѣ народнаго учителя, распространяя между заводскимъ населеніемъ и мѣстнымъ крестьянствомъ преступную пропаганду, то независимо отъ обыска, произведеннаго у Бѣлоконскаго, сдѣланъ былъ также обыскъ и въ имуществѣ Яхненки-Семиренко, причемъ найдены какъ запрещенныя книги и компрометирующая переписка, принадлежавшія Бѣлоконскому, такъ и записные листки самого Семиренко, указывавшіе на преступность образа мыслей и направленія послѣдняго.

Изъ показанія политическаго преступника Курицына видно, что Левъ Семиренко былъ извѣстенъ въ революціонной средѣ за дѣятельнаго соціалиста и находился въ близкихъ отношеніяхъ съ казненными Лизогубомъ и Осинскимъ, Стефановичемъ, Дебагоріемъ-Мокріевичемъ и вообще со всѣми выдающимися революціонерами. Онъ занимался съ другомъ своимъ, Бѣлоконскимъ, распространеніемъ книгъ революціоннаго содержанія какъ между заводскою интеллигенціей, такъ равно между рабочими и крестьянами. Что касается Бѣлоконскаго, то, по словамъ Курицына, онъ слылъ въ революціонной средѣ за стараго и преданнаго соціалиста, часто ѣздившаго въ Петербургъ, откуда онъ привозилъ для распространенія на югѣ цѣлые тюки революціонной газеты «Земля и Воля». Въ виду столь преступнаго направленія, Семиренко высланъ въ текущемъ году административнымъ порядкомъ въ Восточную Сибирь, каковую мѣру предположено принять и въ отношеніи Бѣлоконскаго.

Кромѣ сего, Курицынъ указываетъ, что въ прошломъ году Бѣлоконскій ѣздилъ заграницу по порученію, между прочимъ, богатой помѣщицы Таврической губерніи *Нестроевой*, жены уѣзднаго предводителя дворянства, которая находится подъ надзоромъ полиціи по особому Высочайшему повелѣнію. Притомъ, Курицынъ сообщаетъ, что названная Нестроева извѣстна въ преступной средѣ за весьма сочувствующую революціонному дѣлу и дѣятельно помогаетъ его представителямъ какъ деньгами, такъ и другими находящимися въ ея распоряженіи средствами. Она завѣдомо дастъ пропагандистамъ пристанище въ своемъ имѣніи, выдавая ихъ за учителей, приказчиковъ, конторщиковъ, рабочихъ и работницъ. Такъ у нея жили, по словамъ Курицына, *Дробязгинъ*, привлеченный къ дѣлу Барановича; *Добровольскій*, высланный административнымъ порядкомъ въ Восточную Сибирь; Варвара *Виттенъ*, осужденная въ Одессѣ по дѣлу Ковальскаго; *Ивановская* привлекавшаяся по тому-же дѣлу; Елена *Виттенъ*, по мужу *Россикова*, главная участница кражи денегъ изъ Херсонскаго казначейства и многіе другіе революціонеры. Кромѣ сего, по словамъ Курицына, названная Нестроева привозила изъ заграницы запрещенныя

сочиненія и снабдила одного пропагандиста деньгами, на которыя тотъ открылъ, будто-бы, въ Кіевской губерніи кожевенное мастерство, будучи самъ знатокомъ кожевеннаго ремесла. Что касается ея мужа, проживающаго въ г. Алешкахъ, то за несочувствіе соціализму, революціонеры относятся къ нему крайне враждебно.

X.

Дѣлая свои разоблаченія относительно Черниговскаго преступнаго сообщества и дѣла по убійству Харьковскаго губернатора князя Кропоткина, дворянинъ Дрыга въ тоже время указалъ на существованіе въ Тамбовской, Воронежской и Самарской губерніяхъ, объединенной революціонной общины, причемъ назвалъ только трехъ извѣстныхъ ему участниковъ этой общины: упомянутыхъ въ предыдущихъ двухъ отдѣлахъ: Илью Абрамова Вайнера, онъ-же Мойша, который оказался содержащимся въ С.-Петербургѣ подъ арестомъ, по обвиненію въ весьма важныхъ государственныхъ преступленіяхъ, *Зундиловичѣ*, Семена Игнатьева *Безчинова* (псевдонимъ), личности до сего времени невыясненной, и бывшаго студента Харьковскаго ветеринарнаго института Никандра *Мощенкова*.

Помимо общихъ распоряженій сдѣланныхъ въ тоже время III-мъ Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи по губерніямъ Тамбовской, Воронежской и Самарской съ цѣлью выясненія дѣятельности означенной объединенной революціонной общины и надлежащаго наблюденія за лицами, которыя будутъ навлекать на себя подозрѣніе въ преступномъ направленіи,- сдѣлано было также распоряженіе о розыскѣ указанныхъ Дрыгою участниковъ этой общины.

Результатомъ этихъ распоряженій было задержаніе 28 августа 1879 г. Мощенкова, который, какъ уже упомянуто было выше, оказался въ должности волостнаго писаря въ Княже-Богородицкой волости, Тамбовской губерніи.

Произведеннымъ по этому поводу дознаніемъ обнаружено, что съ октября мѣсяца 1878 г. стали появляться въ Тамбовѣ, повидимому, никому тамъ неизвѣстные молодые люди, искавшіе занятій. Такъ въ октябрѣ явился Кіевскій мѣщанинъ Иванъ Даниловъ *Федоровъ* и, обратившись къ проживавшему въ Тамбовѣ кандидату сельскаго хозяйства Михаилу Владиміровичу *Деведю*, былъ принятъ послѣднимъ къ себѣ домашнимъ секретаремъ, а около 1 декабря, по рекомендаціи Деведя, поступилъ сперва на мѣсто помощника волостнаго писаря, а затѣмъ, чрезъ самое короткое время, на мѣсто волостнаго писаря въ Пичерскую волость, Тамбовскаго уѣзда.

Послѣ того, прибыли въ январѣ 1879 г. дворянинъ Эдуардъ Карловъ *Пекарскій*, назвавшійся Иваномъ Кирилловымъ Пекарскимъ, и сынъ Шенкурскаго уѣзднаго казначея Николай Петровъ *Любовь*, которые получили, по рекомендаціи того-же Девеля, мѣста: первый—сперва волостнаго писаря, а потомъ—письмоводителя къ непремѣнному члену Тамбовскаго уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія Сатину, а Любовь—волостнаго писаря Ивановской, а впослѣдствіи Александровской волости.

Затѣмъ, въ апрѣлѣ явился Владиміръ Дмитріевъ *Троицкій* и, по рекомендаціи Девеля, принятъ на должность волостнаго писаря въ Ивановскую волость. Наконецъ, въ іюнѣ прибыли: сперва Моценковъ, получившій мѣсто волостнаго писаря чрезъ Пекарскаго, а потомъ слушательница женскихъ медицинскихъ курсовъ въ С.-Петербургѣ, Екатерина Алексѣева *Скуратова*, которая явилась, какъ уже знакомая Девеля, и по его ходатайству была допущена фельдшерицей въ Самнурской больницѣ, близъ села Ивановки.

Вслѣдъ затѣмъ, именно 14 Іюля, Владиміръ Троицкій, служившій въ Ивановской волости волостнымъ писаремъ, внезапно скрылся, причемъ было обнаружено, что онъ прикрывался чужимъ именемъ, имѣя фальшивый документъ, а послѣ преступнаго покушенія 19 ноября 1879 г. подъ Москвою, оказалось, что называвшійся Троицкимъ былъ никто иной какъ Архангельскій мѣщанинъ Левъ *Гартманъ*—главный виновникъ названнаго покушенія. Кромѣ того выяснено, что до пріѣзда въ Тамбовъ, Гартманъ проживалъ подъ именемъ Лихачева въ Саратовской губерніи.

28 августа 1879 г., какъ сказано выше, былъ арестованъ Моценковъ, а вслѣдъ затѣмъ бѣжалъ Пекарскій съ пріѣхавшею за нимъ женщиною, которая оказалась Елизаветою Николаевою *Моценковою*, женою Никандра Моценкова, играющаго весьма видную роль въ революціонной дѣятельности объединенной общины, но, за всѣми принятыми мѣрами, до сего времени еще неразысканною. Изъ дальнѣйшихъ свѣдѣній о Пекарскомъ видно, что, послѣ побѣга своего, онъ скрывался до конца сентября въ Тамбовѣ подъ фамиліею Боголюбова, затѣмъ уѣхалъ въ Москву съ паспортомъ проживавшаго въ Тамбовѣ мѣщанина Николая Иванова *Полушина*, принимавшаго участіе въ безпорядкахъ студентовъ Харьковскаго ветеринарнаго института, и наконецъ задержанъ въ Москвѣ и привлеченъ въ качествѣ обвиняемаго по дѣлу о взрывѣ 19 ноября.

Нѣкоторое время спустя скрылся волостной писарь Пичерской волости Федоровъ, жившій съ молодою женщиною, которую онъ выдавалъ за свою жену, причемъ представилъ документъ о бракосочетаніи ихъ, въ коемъ послѣдняя значилась дочерью Серпуховскаго купца

Елизаветою Александровою Романовою. Хотя Федоровъ проживалъ подъ своею фамиліею и съ надлежащимъ паспортомъ, но по справкѣ относительно его жены, которая уѣхала раньше побѣга Федорова, выяснилось, что въ Серпуховѣ купца Романова вовсе не существуетъ и предъявленнаго Федоровымъ метрическаго свидѣтельства о бракосочетаніи выдаваемо не было. Слѣдовательно документъ этотъ представляется, очевидно, подложнымъ.

Произведеннымъ дознаніемъ выяснилось, что всѣ означенныя лица, въ томъ числѣ упомянутые выше Любовъ, у котораго по обыску найдены запрещенныя книги, и Екатерина Скуратова, находились въ близкихъ между собою отношеніяхъ и прибыли въ Тамбовъ съ заранѣе опредѣленнымъ планомъ распространенія преступной пропаганды. Что касается Девеля, который, какъ по собраннымъ свѣдѣніямъ оказалось, былъ студентомъ С.-Петербургскаго земледѣльческаго института, содержался подъ стражею и наконецъ выключенъ изъ института за участіе въ бывшихъ тамъ безпорядкахъ, то по произведенному дознанію выяснилась несомнѣнная принадлежность его къ революціонной партіи и положительная, доказанная свидѣтельскими показаніями, связь съ названными выше лицами, дѣйствовавшими въ опредѣленномъ направленіи.

Независимо отъ сего, дознаніе выяснило близкое знакомство означенныхъ личностей съ проживающими въ Тамбовѣ лицами, въ числѣ коихъ были: 1) сынъ архитектора Федоръ Михайловъ *Ситниковъ*, уволенный въ 1878 г. изъ Харьковскаго ветеринарнаго института за участіе въ студенческихъ безпорядкахъ и содержавшійся впослѣдствіи двѣ недѣли подъ арестомъ въ арестантскихъ ротахъ за участіе въ студенческихъ безпорядкахъ, бывшихъ въ Харьковѣ 14 декабря 1879 года; 2) жена чиновника Варвара Александровна *Лосицкая*, живущая отдѣльно отъ мужа, въ квартирѣ которой скрывался Некарскій послѣ побѣга изъ волости; 3) Тамбовскій мѣщанинъ Николай Степановъ *Никифоровъ*, привлекавшійся въ 1874 и 1875 годахъ въ качествѣ обвиняемаго къ дѣлу о преступной пропагандѣ и отданный подъ надзоръ полиціи; впослѣдствіи-же вновь привлекавшійся къ дознанію о государственномъ преступленіи, по которому Никифоровъ выдержанъ былъ два мѣсяца подъ арестомъ при полиціи; 4) жена послѣдняго, Олимпіада Александрова *Никифорова*, урожденная Мацнева, дочь весьма зажиточнаго помѣщика, бывшая слушательница женскихъ медицинскихъ курсовъ въ Петербургѣ, а впослѣдствіи фельдшерица въ селѣ Песчаномъ, куда она совершенно тайно выбыла изъ Тамбова въ то время, когда тамъ уже производилось дознаніе по настоящему дѣлу; 5) мѣщанинъ Николай Ивановъ *Полушинъ*, бывшій студентъ Харьковскаго ветеринарнаго института, исключенный въ 1878 г. за участіе въ быв-

шихъ тамъ безпорядкахъ. Онъ передалъ свой паспортъ скрывшемуся Некарскому, съ которымъ послѣдній задержанъ въ Москвѣ: 6) сынъ дворянина Николай Ивановъ *Воскресенскій*: 7) сынъ чиновника Аполлонъ *Прозоровскій*, находившійся въ числѣ привлеченныхъ къ дѣлу о преступной пропагандѣ, въ 1874 и 1875 годахъ, и состоящій по этому дѣлу подъ надзоромъ полиціи: 8) дворянинъ Сергѣй Александровъ *Петровъ*: 9) коллежскій секретарь Николаи Николаевъ *Ивановъ*; 10) губернскій секретарь Владиміръ Марковичъ *Бурцевъ*, привлекавшійся къ дѣлу о преступной пропагандѣ въ 1874 и 1875 годахъ и содержавшійся по этому дѣлу подъ стражею при полиціи 4 мѣсяца: 11) бывшій учитель приходскаго училища мѣщанинъ Николай Дмитріевъ *Болдинъ*, скомпрометированный по тому-же дѣлу.

Всѣ перечисленныя лица изобличаются въ большемъ или меньшемъ участіи въ преступной дѣятельности, причемъ обнаружено, что въ квартирѣ Федора Снигирева бывали въ 1878 году сходки, на которыхъ присутствовали изъ числа названныхъ лицъ: Девель, Прозоровскій, Петровъ, Ивановъ, Полунинъ, Болдинъ, Никифоровъ и Бурцевъ. На этихъ сходкахъ происходили пренія, преимущественно о передѣлѣ земли между крестьянами съ отобраніемъ земельной собственности отъ крупныхъ землевладѣльцевъ.

Въ настоящее время, дознаніе по сему предмету, производившееся въ порядкѣ закона 19 мая 1871 г., уже окончено и направлено къ прокурору Саратовской судебной палаты, причемъ всѣ поименованныя лица, за исключеніемъ Екатерины Скуратовой, привлечены къ этому дознанію къ качествѣ обвиняемыхъ, съ принятіемъ въ отношеніи находящихся въ Тамбовѣ Девеля и Полунина мѣры содержанія подъ арестомъ.

Хотя, такимъ образомъ, Екатерина Скуратова и выдѣлилась изъ числа обвиняемыхъ по сему дѣлу, вслѣдствіе недостатка главнымъ образомъ данныхъ по обвиненію ея въ прямыхъ сношеніяхъ съ Гартманомъ, тѣмъ не менѣе личность эта, какъ несомнѣнно преданная революціонному дѣлу, обращаетъ на себя особенное вниманіе.

Засимъ, по Самарской губерніи дознаніе коснулось проживавшаго въ Саратовѣ, служившаго вольноопредѣляющимъ въ расположенномъ тамъ 91 резервномъ баталіонѣ, Георгіѣ Николаевѣ *Преображенскомъ*, который, по собраннымъ свѣдѣніямъ, во время проживанія въ Самарской губерніи казненнаго государственнаго преступника Соловьева, служившаго нѣкоторое время подъ чужою фамиліею въ должности волостнаго писаря, находился съ нимъ въ близкихъ сношеніяхъ и вообще принадлежалъ къ революціонной партіи. Кромѣ того, Преображенскій одно время занимался у Саратовскаго нотаріуса *Протопопова*, который также навлекъ на себя сильное подозрѣніе въ сношеніяхъ съ

пропагандистами и въ особенности съ означеннымъ Соловьевымъ. Въ іюлѣ 1879 г. Преображенскій, подъ предлогомъ свиданія съ матерью, выбылъ изъ Петербурга по проходному свидѣтельству Саратовскаго полицеймейстера: билетъ-же его былъ препровожденъ въ канцелярію С.-Петербургскаго градоначальника, куда, какъ оказалось по справкѣ, Преображенскій за билетомъ не явился. Послѣ того, не смотря на принятыя мѣры къ розыску, мѣсто пребыванія его обнаружено не было: въ послѣднее-же время онъ задержанъ подъ чужою фамиліею въ Москвѣ.

XI.

Относительно объединенной революціонной общины въ Тамбовской, Воронежской и Самарской губерніяхъ, политическій преступникъ Курицынъ даетъ нѣкоторыя указанія со словъ содержавшагося съ нимъ въ Одесской тюрьмѣ Гольденберга. Хотя указанія эти очень неполны и непослѣдовательны, тѣмъ не менѣе они представляютъ нѣкоторый интересъ въ общемъ измѣненіи революціоннаго движенія въ Россіи.

По словамъ Курицына, точное опредѣленіе времени, съ котораго организовалась объединенная революціонная община въ томъ видѣ, въ какомъ она проявилась въ губерніяхъ Тамбовской, Воронежской и Самарской, невозможно. Точно также невозможно разсматривать дѣятельность этой общины въ отдѣльности, ибо таковая, по способу распространенія пропаганды въ народѣ, находится въ тѣсной связи съ дѣятельностью той соціально-революціонной партіи въ Россіи, которая признавала способъ преимущественно устной пропаганды или такъ называемое «хожденіе въ народъ» за наилучшій для достиженія соціально-революціонныхъ цѣлей. Связь эта, по словамъ Курицына, проявлялась въ Харьковѣ и другимъ мѣстахъ, гдѣ революціонные дѣятели обучались ремесламъ, знакомились съ сельскими работами, безъ знанія которыхъ немыслимо было-бы ходить въ народъ. Такъ для этой цѣли устроена была сапожная мастерская въ Харьковѣ, въ домѣ Подольской, гдѣ былъ арестованъ въ 1877 г. Малинка, казненный 7 декабря 1879 г., по приговору Одесскаго военно-окружнаго суда. Тамъ-же, въ Харьковѣ, помѣщалась, въ квартирѣ казненнаго въ Кіевѣ государственнаго преступника Брандтнера, столярная мастерская, въ которой обученіемъ руководилъ Иванъ Глушковъ, бѣжавшій въ половинѣ октября 1879 г. заграницу, который причастенъ къ производящемуся нынѣ въ Харьковѣ дѣлу о преступномъ сообществѣ. Засимъ, кузнечному ремеслу революціонные дѣятели обучались, между прочимъ, въ кузницѣ Харьковскаго ветеринарнаго института, гдѣ этому ремеслу, въ силу программы, долженъ былъ учиться каждый студентъ-ветеринаръ. Въ Саратовѣ была слесарная мастерская, устроенная еще Ковальскимъ и Войнаральскимъ,

осужденными по процессу 193-хъ. Сельскимъ полевымъ работамъ революціонеры обучались, по словамъ Курицына, въ Маріупольскомъ уѣздѣ, Екатеринославской губерніи, въ имѣніи, принадлежащемъ родственнику Елисаветы Хотинской, по мужу Моценковой, розыскиваемой по Черниговскому дѣлу, каковое имѣніе владѣльцемъ его, принадлежащимъ также къ соціально-революціонной партіи, предоставлено въ полное распоряженіе революціонеровъ. Кромѣ сего, полевымъ работамъ, въ особенности косьбѣ соціалъ-революціонеры обучались въ чьихъ-то имѣніяхъ, находящихся въ Миргородскомъ уѣздѣ, Полтавской губерніи, и въ Валуйскомъ или Бирюченскомъ уѣздѣ, Воронежской губерніи.

Относительно Полтавской губерніи дѣлаетъ, между прочимъ, указаніе и Гольденбергъ, называя имѣніе «Калиновъ мостъ», въ Пирятинскомъ уѣздѣ, которое было арендовано въ 1878 г., упомянутымъ въ отдѣлѣ соціально-революціонной партіи украинофиловъ, Федоромъ Зинченко съ единственною цѣлью ознакомленія революціонныхъ дѣятелей съ сельскимъ хозяйствомъ и полевыми работами, дабы сдѣлать ихъ способными для успѣшной пропаганды въ народѣ. Въ тоже время Гольденбергъ указываетъ и на владѣлицу имѣнія «Калиновъ мостъ», Софью Александрову Лесневичъ, которая принимала дѣятельное участіе въ революціонномъ дѣлѣ по Кіеву.

Подобная-же подготовительная, такъ сказать, школа для пропагандистовъ существуетъ, по имѣющимся свѣдѣніямъ, въ имѣніи помѣщика Александра *Энгельгардта* — селѣ Батищевѣ, Дорогобужскаго уѣзда, Смоленской губерніи. Самъ Энгельгардтъ, бывшій профессоръ С.-Петербургскаго земледѣльческаго института, за которымъ учрежденъ по Высочайшему повелѣнію надзоръ полиціи за участіе въ безпорядкахъ и противозаконныхъ сходкахъ въ названномъ институтѣ, извѣстенъ за человѣка энергическаго и крайне опаснаго по своимъ политическимъ тенденціямъ. Живя безвыходно въ своемъ имѣніи и занимаясь сельскимъ хозяйствомъ, которое ведется у него съ замѣчательнымъ успѣхомъ, Энгельгардтъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, служитъ дѣлу соціалъ-революціонеровъ, подготовляя къ нему молодыхъ людей, преимущественно студентовъ С.-Петербургской медико-хирургической академіи, университетовъ и другихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеній путемъ сближенія ихъ съ условіями крестьянскаго быта. Въ означенномъ имѣніи, преимущественно во время полевыхъ работъ, проживаютъ болѣе или менѣе продолжительное время молодые люди, работающіе наравнѣ съ простыми рабочими. Энгельгардтъ ведетъ дѣло свое весьма осторожно, вслѣдствіе чего, не смотря на бдительный надзоръ за нимъ, серьезныхъ данныхъ къ изобличенію его во вредномъ направленіи не имѣется.

Засимъ въ Торопецкомъ уѣздѣ, Псковской губерніи, была обна-

ружена и закрыта соціально-революціонная кузница, существовавшая въ 1876 и 1877 годахъ въ имѣніи помѣщика Богдановича. Точно также существовала кузница, носившая названіе «гвардейской», въ Самарской губерніи.

Обучившись ремесламъ и въ особенности полевымъ работамъ, революціонные дѣятели направлялись, по словамъ Гольденберга, въ народъ для распространенія среди крестьянъ соціально-революціонныхъ идей, изображая изъ себя чаще всего странствующихъ по селамъ сапожниковъ, которыхъ особенно много на югѣ — въ Донской области, или просто бродячихъ столяровъ, плотниковъ и вообще рабочихъ. Такіе бродячіе пропагандисты обязательно каждую весну отправлялись на Донъ — на косовицу, куда, какъ извѣстно, стекается масса крестьянъ-косарей изъ сѣверныхъ и другихъ губерній Россіи,— нанимались тамъ къ какому либо помѣщику въ косари и, сближаясь такимъ образомъ съ простымъ народомъ, пропагандировали соціально-революціонныя идеи. Послѣ окончанія полевыхъ работъ на Дону, многіе изъ пропагандистовъ уходили на Волгу и нанимались тамъ въ рабочіе преимущественно на пристаняхъ, равно на рыбныхъ промыслахъ въ Астраханской губерніи и на берегу Каспійскаго моря, гдѣ также стекалось большое число рабочихъ, особенно сектантовъ и бѣглецовъ изъ Сибири. Кромѣ сего, пропагандисты поступали также рабочими въ Донскія каменно-угольныя копи и на извѣстный заводъ Юза.

Въ Воронежской губерніи, революціонеры сосредоточивали, по словамъ Курицына, свою дѣятельность, преимущественно въ Валуйскомъ и Бирючскомъ уѣздахъ, гдѣ крестьяне, вслѣдствіе столкновенія въ 1874 и 1875 годахъ съ помѣщиками изъ-за лѣса, были недовольны властями и потому легко воспринимали революціонную пропаганду. Въ Тамбовской губерніи они главнымъ образомъ старались, по тѣмъ-же свѣдѣніямъ, сблизиться съ раскольниками. Съ этою цѣлію многіе революціонеры изучали наизусть евангеліе и библію, и, перетолковывая на свой ладъ тексты священнаго писанія, развивали среди раскольниковъ соціальныя идеи.

Такимъ образомъ, дѣятельность объединенной революціонной общины въ Тамбовской, Воронежской и Самарской губерніяхъ, на которую указалъ дворянинъ Дрыга, находится въ прямой связи съ дѣятельностью одной обширной революціонной партіи, стремившейся къ ниспроверженію существующаго порядка въ государствѣ путемъ предварительной подготовки къ сему народныхъ массъ. Притонами и центрами сходокъ революціонныхъ дѣятелей этой партіи были: Харьковъ, Ростовъ на Дону, Саратовъ и, главныхъ образомъ, Петербургъ, гдѣ больше всего, по словамъ Курицына, добывалось денежныхъ средствъ.

До 1873 года пропаганда этой партіи была исключительно устная,

но въ этомъ году въ Харьковъ пріѣхалъ, по словамъ Курицына, Нижегородскій семинаристъ *Ливановъ*, бывшій членомъ этой партіи и осужденный по процессу 193-хъ, и впервые привезъ съ собою запрещенныя брошюры, до тѣхъ поръ еще невиданныя въ Харьковѣ. Брошюры эти Ливановъ сталъ распространять преимущественно между студентами Харьковскаго ветеринарнаго института, гдѣ онѣ, въ особенности брошюра «Отщепенцы», производили сильное впечатлѣніе.

Въ то время, когда Ливановъ пріѣхалъ въ Харьковъ, упомянутые выше Мощенковъ и Быковцевъ, привлеченные нынѣ къ дѣлу объ убійствѣ Харьковскаго губернатора, уже были извѣстны какъ революціонные дѣятели. Кромѣ ихъ, въ Харьковѣ дѣятельно занимался пропагандой бывшій студентъ Ветеринарнаго института *Емельяновъ*, осужденный въ Петербургѣ подъ фамиліею Боголюбова за участіе въ манифестаціи на Казанской площади. При помощи этихъ лицъ, Ливановъ успѣлъ сформировать кружокъ народниковъ-пропагандистовъ, преимущественно изъ студентовъ—донскихъ казаковъ. Съ этого времени образовался въ Харьковѣ кружокъ Донскихъ пропагандистовъ, который находился въ тѣсной связи съ пропагандистами на Волгѣ, въ Воронежской и Тамбовской губерніяхъ, а также съ Кіевскими пропагандистами, такъ что члены этого кружка, скомпрометировавши себя на Дону, уходили въ одну изъ указанныхъ выше губерній по Волгѣ.

Въ концѣ 1877 г., подъ вліяніемъ казненнаго Валеріана Осинскаго, Донскіе пропагандисты отчасти приняли программу народниковъ-бунтарей, представителями которыхъ въ Кіевѣ были Стефановичъ, Дейчъ и Бохановскій. Что касается Мощенкова и Быковцева, то они оставались преданными программѣ прежней партіи, сторонники которой, подъ руководствомъ ихъ, продолжали революціонную дѣятельность въ прежнемъ направленіи, сосредоточивъ ее главнымъ образомъ въ Донской области. Въ этомъ отношеніи Быковцевъ, по словамъ Курицына, представляется для Харькова и Дона тѣмъ-же, чѣмъ былъ для Кіевской губерніи Стефановичъ. Онъ изучалъ всѣ характеристическія особенности нравовъ и обычаевъ этой области самымъ подробнѣйшимъ образомъ и кромѣ Дона и Харькова не былъ ни въ какой другой мѣстности, тогда какъ Мощенковъ, не менѣе, впрочемъ, Быковцева, преданный дѣлу пропаганды, напротивъ, постоянно находился въ разъѣздахъ по разнымъ городамъ и революціоннымъ пунктамъ. Этимъ объясняется и послѣдняя дѣятельность Мощенкова по пропагандѣ въ Тамбовской губерніи, гдѣ онъ успѣлъ, какъ уже упомянуто выше, получить мѣсто волостнаго писаря. Вообще, въ революціонной средѣ Быковцевъ и Мощенковъ пользовались большимъ вліяніемъ. Они

еще съ дѣтства были связаны самыми тѣсными узами и оба носили одну и ту-же кличку «харьковскій хохолъ». кромѣ того, были извѣстны между революціонерами подъ именами: Быковцевъ Николая, а Мощенковъ—Никандра.

Съ 1874 года въ дѣлахъ этого кружка принимали самое живое участіе фельдшерицы Елизавета *Хотинская* и Роза *Файнзильберг*. изъ коихъ первая вышла замужъ за Мощенкова и розыскивается до настоящаго времени для привлеченія къ дѣлу о Черниговскомъ преступномъ сообществѣ, къ которому причастна и Файнзильбергъ.

Засимъ Курицынъ указываетъ, что въ числѣ участниковъ кружка Мощенкова и Быковцева находилось много лицъ, изъ числа коихъ привлеченныхъ къ дѣлу о Харьковскомъ революціонномъ сообществѣ, о дѣятельности котораго изложено будетъ въ слѣдующемъ отдѣлѣ.

XII.

Въ концѣ ноября 1879 г., въ Харьковѣ, случайно найдено было, въ недостроенномъ домѣ доцента Харьковскаго университета Іосифа *Сыпянко*, небольшое количество оружія, нѣсколько гильзъ, начиненныхъ взрывчатымъ веществомъ и разныя запрещенныя сочиненія. Чрезъ нѣсколько дней хозяинъ дома, доцентъ Сыпянко заявилъ, что въ жиломъ его домѣ, въ чуланѣ, имъ усмотрѣны спираль Румкорфа, гальваническая батарея и проволока.

Дознаніемъ по этому дѣлу обнаружено слѣдующее. Въ исходѣ 1878 и началѣ 1879 г. революціонные дѣятели, сосредоточившіеся въ Петербургѣ, пришли къ заключенію о необходимости расширенія ихъ дѣятельности въ провинціи. По составленному плану однимъ изъ главныхъ центровъ намѣченъ былъ Харьковъ, какъ городъ, расположенный на желѣзной дорогѣ, удобный по своему центральному положенію для юга Россіи и привлекающій къ себѣ значительное число революціонеровъ и учащейся молодежи. Съ этою цѣлью въ мартѣ 1879 г. командирована была изъ Петербурга въ Харьковъ Ковальская - жена учителя. Прибывъ въ Харьковъ, подъ предлогомъ поступленія въ фельдшерскую школу, она имѣла намѣреніе завести знакомство съ молодыми людьми, собирать ихъ у себя для чтенія разныхъ сочиненій по политической экономіи и при ближайшемъ съ ними знакомствѣ намѣтить тѣхъ, которые по характеру и наклонностямъ своимъ окажутся наиболѣе пригодными для преступной дѣятельности.

Ковальская пробыла въ Харьковѣ около шести недѣль. Въ теченіи этого времени въ квартирѣ ея и, по ея почину, въ квартирахъ другихъ лицъ, устроивались сходки, въ которыхъ принимали участіе гимназисты, гимназистки и студенты первыхъ курсовъ университета

и ветеринарнаго института. На этихъ сходкахъ, кромѣ чтенія разныхъ сочиненій по политической экономіи, читались также и раздавались для распространенія газеты «Земля и Воля» и другія запрещенныя изданія. Главное участіе въ этой преступной дѣятельности принимали студенты Харьковскаго университета Дмитрій *Буцинскій*, происходящій изъ духовнаго званія и Алексѣй *Преображенскій*, сынъ священника Курской губерніи.

16 апрѣля свѣдѣнія объ этихъ сходкахъ дошли до жандармскаго управленія и въ квартирѣ Буцинскаго, гдѣ проживала и Ковальская, былъ произведенъ обыскъ, при которомъ найдено нѣсколько запрещенныхъ сочиненій. Сами же Буцинскій, Ковальская и Преображенскій, до этого обыска, успѣли скрыться изъ Харькова.

Впослѣдствіи по разслѣдованіи оказалось, что въ сходкахъ у Ковальской принимали участіе и играли болѣе видную роль бывшіе студенты Харьковскаго университета Яковъ *Кузнецовъ* (изъ духовнаго званія) и Митрофанъ *Блиновъ*, а также ученики Харьковскаго реальнаго училища Александръ *Сыцянко* (сынъ доцента) и Иванъ *Гейеръ*, изъ дворянъ.

Въ началѣ лѣта 1879 г. въ Харьковъ прибылъ Петръ *Теллаловъ*. Севастопольскій мѣщанинъ, бывшій воспитанникъ горнаго института, извѣстный въ кружкѣ подъ названіемъ «старосты». Онъ прежде всѣхъ сошелся тамъ съ находившимся подъ надзоромъ полиціи, бывшимъ студентомъ С.-Петербургскаго земледѣльческаго института, судившимся по процессу 193-хъ, Иваномъ *Глушковымъ*, который въ половинѣ сентября скрылся изъ Харькова и, по имѣющимся положительнымъ даннымъ, уѣхалъ заграницу, а затѣмъ, чрезъ Глушкова, познакомился съ упомянутыми выше Кузнецовымъ, Блиновымъ и Александромъ Сыцянко. Съ этого времени преступная дѣятельность въ Харьковѣ приняла болѣе широкіе размѣры. Въ квартирѣ Кузнецова и Блинова, жившихъ вмѣстѣ, а иногда и въ другихъ мѣстахъ, устраивались сходки, въ которыхъ принимали участіе не только студенты, но и лица, не принадлежащія къ учащейся молодежи, какъ, напримѣръ, рабочіе и даже нижніе чины. Главная дѣятельность въ этомъ кружкѣ принадлежала Теллалову, а за нимъ Глушкову и Блинову. Подъ ихъ руководствомъ кружокъ этотъ состоялъ въ постоянныхъ сношеніяхъ съ революціонерами другихъ городовъ, причемъ въ перепискѣ пользовался особымъ шифромъ. Кромѣ чтенія лекцій о цѣляхъ и средствахъ преступной пропаганды въ Россіи, кружокъ этотъ получалъ запрещенныя книги и занимался ихъ распространеніемъ. Въ кружкѣ существовала также касса, составлявшаяся изъ денежныхъ взносовъ лицъ, принадлежавшихъ къ кружку, а также имѣлись печати и разные бланки для составленія паспортовъ. Кассою завѣдывалъ Теллаловъ: составленіемъ-

же и выдачею паспортовъ занимался студентъ Харьковскаго университета, сынъ чиновника, Константинъ *Филатовъ*. Складъ запрещенныхъ сочиненій находился въ квартирѣ Александра Сыцянко, гдѣ устраивался также печатный станокъ, не бывшій, однако, въ употребленіи.

Въ образовавшійся такимъ образомъ въ Харьковѣ революціонный кружокъ пріѣзжали разныя лица изъ другихъ городовъ. Изъ ихъ числа особенно выдается нѣкто, называвшійся Биконсфильдомъ, Гришкою, Федоромъ и другими прозвищами. Бывая въ Харьковѣ и принимая участіе въ сходкахъ, преимущественно въ сентябрѣ и октябрѣ мѣсяцахъ 1879 г., лицо это, очевидно, имѣло задачею дать Харьковскому кружку болѣе опредѣленную организацію. Въ кружкѣ онъ читалъ лекцію о раздѣленіи русскихъ революціонеровъ на двѣ партіи народниковъ и террористовъ, и, принадлежа самъ къ послѣдней, приглашалъ своихъ слушателей примкнуть къ этой партіи, направившей, по его словамъ, свою дѣятельность главнымъ образомъ на цареубійство. Вмѣстѣ съ нимъ пріѣзжалъ въ Харьковъ нѣкто, называвшійся Борисовымъ, человѣкъ съ большимъ образованіемъ и замѣчательнымъ ораторскимъ талантомъ, читавшій лекцію на ту-же преступную тему. Чтеніе Борисова производило на слушателей глубокое впечатлѣніе и вызвало во многихъ сочувствіе къ его идеямъ.

Во второй половинѣ октября, называвшійся Биконсфильдомъ, привезъ въ Харьковъ съ юга два пуда динамита и первоначально хранилъ его въ квартирѣ Кузнецова, а вскорѣ, затѣмъ, отдалъ на храненіе Александру Сыцянко. Дней чрезъ пять послѣ проѣзда чрезъ Харьковъ Императорскаго поѣзда, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, неизвѣстно кѣмъ доставлены были къ Теллалову спирали Румкорфа, гальваническая батарея, проволока—изолированная гуттаперчею—взрывчатые снаряды и оружіе, найденные впослѣдствіи въ домѣ Сыцянко. Аппараты эти оказались совершенно сходными съ тѣми, которые были употреблены при производствѣ 19 ноября, подъ Москвою, взрыва полотна желѣзной дороги и, по словамъ нѣкоторыхъ обвиняемыхъ, предназначались также для производства взрыва гдѣ-то на югѣ.

Впослѣдствіи обнаружено, что лицо, называвшееся Биконсфильдомъ и разными другими прозвищами, былъ никто иной, какъ Гольденбергъ, задержанный 14 ноября съ большимъ запасомъ нитроглицерина, вслѣдствіе сдѣланнаго III Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи секретнаго распоряженія, по которому жандармскимъ желѣзнодорожнымъ чинамъ было предписано обращать вниманіе на багажъ пассажировъ, проѣзжающихъ по желѣзнымъ дорогамъ.

Послѣднія, изложенныя выше, указанія относительно пребыванія

Гольденберга въ Харьковѣ подтверждаетъ и самъ Гольденбергъ въ разоблаченіяхъ своихъ о революціонной организаціи. причемъ представляется. повидимому. совершенно чистосердечнымъ. въ этой части своего заявленія. хотя и въ прочихъ частяхъ его не представляется до сихъ поръ повода къ какимъ-либо сомнѣніямъ.

По словамъ Гольденберга, онъ прибылъ въ Харьковъ въ первой половинѣ сентября, гдѣ. чрезъ посредство привлеченнаго къ этому-же дѣлу дворянина Николая *Богуславскаго*, познакомился съ упомянутыми выше Глушковымъ. Блиновымъ. Кузнецовымъ и Теллаловымъ. По словамъ Гольденберга. цѣлью прибытія его въ Харьковъ было познакомить тамошнихъ революціонныхъ дѣятелей съ послѣдними дѣйствіями партіи «террористовъ» послѣ съѣзда послѣднихъ въ г. Липецкѣ. о чемъ будетъ изложено ниже. Поэтому онъ устроилъ въ Харьковѣ. при содѣйствіи Кузнецова и Блинова. нѣсколько сходокъ. На первой изъ нихъ. происходившей въ квартирѣ учителя народной школы въ Харьковѣ. Дмитрія *Маныча* (сынъ матроса). содержащагося нынѣ въ Харьковской тюрьмѣ, собрались. между прочимъ. кромѣ Маныча и его жены. повивальная бабка Татьяна Иванова *Тебедева*; дочь купца Авдотья *Краснокутская*, арестованная по дѣлу о преступномъ сообществѣ въ Бессарабіи; дворянинъ Кіевской губерніи Николай Николаевъ *Колодкевичъ*. о которомъ уже упоминалось выше, розыскиваемый по дѣлу о преступномъ сообществѣ въ Кіевѣ; Иванъ *Каменцовъ*, изъ дворянъ Купянскаго уѣзда. Харьковской губерніи, студентъ Харьковскаго университета; аптекарскій ученикъ Викторъ *Даниловъ*. изъ дворянъ; упомянутые выше Теллаловъ. Богуславскій. Филиповъ и неизвѣстный. называвшійся *Аѳанасіемъ*. Развивая на этой сходкѣ теоретическіе взгляды свои на террористическое движеніе и не касаясь практическихъ вопросовъ. Гольденбергъ, по его словамъ, пришелъ къ убѣжденію. что понятія эти совершенно новы для большинства присутствовавшихъ. но въ тоже время подмѣтилъ въ молодежи желаніе ближе ознакомиться съ тѣми вопросами. На второй сходкѣ, бывшей. по словамъ Гольденберга, у студента *Осипова*, на которой собралось около 40 человѣкъ. говорилъ. кромѣ Гольденберга, Андрей Ивановъ *Жилябовъ*. о которомъ будетъ изложено ниже. причемъ развивая тѣ же положенія, которыхъ касался и Гольденбергъ. Жилябовъ распространялся въ смыслѣ возможности достигнуть путемъ террора вліянія на общество и даже на внѣшнія дѣла государства. Изъ дальнѣйшаго показанія Гольденберга видно. что онъ пробылъ въ Харьковѣ до половины октября. послѣ чего. узнавъ о готовящемся въ Москвѣ покушеніи, отправился туда для принятія участія въ этомъ преступленіи. Кромѣ сего изъ показанія его видно. что въ 20 числахъ сентября изъ Петербурга пріѣхали въ Харьковъ Николай *Колодкевичъ* и Андрей

Прѣсняковъ, о которыхъ будетъ сказано ниже, и привезли съ собою около 3 пудовъ динамита и проволоки. Динамитъ этотъ первоначально хранился въ гостиницѣ, въ которой лица эти остановились, а затѣмъ у студента *Печаева*, о которомъ свѣдѣній не имѣется; впослѣдствіи-же былъ перевезенъ въ домъ акушерки, жены офицера Екатерины Григорьевой *Сикорской*, также привлеченной къ Харьковскому дѣлу, гдѣ Гольденбергъ нанялъ для себя квартиру.

Засимъ, что касается упомянутой выше личности, называвшейся Борисовымъ, которая на второй сходкѣ революціонеровъ, устроенной Гольденбергомъ въ квартирѣ студента Осипова, развивала террористическія идеи, то, судя по имѣющимся въ показаніи Гольденберга указаніямъ, личность эта есть, по всей вѣроятности, названный выше Андрей Ивановъ Жилябовъ. Предположеніе это подтверждается тѣмъ, что какъ по свѣдѣніямъ, добытымъ путемъ дознанія, такъ и по показанію Гольденберга, изъ числа присутствовавшихъ на этой сходкѣ, говорило о преимуществахъ террористической системы только одно, кромѣ его, Гольденберга, лицо, которое по дознанію называлось Борисовымъ, а по показанію Гольденберга Андреемъ Ивановымъ Жилябовымъ. Засимъ, по обстоятельствамъ дознанія, лицо это было съ большимъ образованіемъ и обладало значительнымъ ораторскимъ талантомъ, такъ что произвело на слушателей глубокое впечатлѣніе; тоже самое говоритъ Гольденбергъ о Жилябовѣ, представляя его человѣкомъ съ громадными способностями, знаніемъ, развитіемъ, умомъ и ораторскимъ талантомъ, благодаря которымъ онъ способенъ вліять на людей. Наконецъ, путемъ дознанія выяснилось, что называвшійся Борисовымъ былъ гдѣ-то учителемъ въ Кіевѣ и Гольденбергъ, упоминая о Жилябовѣ, также указываетъ, что послѣдній былъ гдѣ-то учителемъ. Такъ какъ личность Борисова до сего времени еще не выяснена, то приведенныя указанія представляются не безъ значенія, тѣмъ болѣе, что Борисовъ, если только онъ и Жилябовъ одно и то-же лицо, окажется причастнымъ еще и къ другимъ болѣе важнымъ преступленіямъ, о которыхъ будетъ изложено ниже.

Кромѣ сего, по даннымъ, обнаруженнымъ до настоящаго времени, въ Харьковскомъ революціонномъ кружкѣ участвовали, кромѣ упомятыхъ выше, еще слѣдующія лица: учительница Харьковской земской школы Полина *Чернышева*; сынъ отставнаго штабсъ-ротмистра Владиміръ *Жебуневъ*, уже привлекавшійся къ дѣлу о государственныхъ преступленіяхъ и судившійся по процессу 193-хъ, отецъ котораго имѣетъ въ Екатеринославскомъ и Павлоградскомъ уѣздахъ до 7.000 десятинъ земли; дворянинъ Купянскаго уѣзда Викторъ *Тихоцкій*; бывшій студентъ Харьковскаго университета Дмитрій *Буцинскій* (изъ духовнаго званія); бывшій студентъ того же университета, Евгеній *Ни-*

китаецъ (изъ мѣщанъ): купеческій сынъ. почетный гражданинъ. Евграфъ *Легкій*; студенты Харьковскаго университета: Владиміръ *Усаковскій* и Иванъ *Торчинскій* (оба изъ духовнаго званія): ученикъ Харьковскаго реальнаго училища Густавъ *Крушель*: мѣщанинъ Никифоръ *Пивоваровъ*—лакей доктора Сыцянко: жена служащаго въ Москвѣ чиновника. родная сестра доцента Сыцянко, Викторія *Гольцгофъ*: ея сыновья: ученики реальнаго училища: Александръ, Василій и Викторъ *Гольцгофъ*: дочери доцента Сыцянко - Анна и Марія *Сыцянко*; фельдшерица Анна *Шандоръ*: бывшій студентъ Харьковскаго университета Неофитъ *Долгополовъ*: бывшій студентъ Харьковскаго университета, сынъ священника Курской губерніи. Алексѣй *Преображенскій*: бывшій студентъ того же университета, изъ духовнаго званія, Евгеній *Козловъ*: бывшій ученикъ Харьковскаго реальнаго училища Александръ *Гранатъ*: мѣщанка Софья *Филатова*; врачъ Николай Степановъ *Ивановъ*, окончившій недавно курсъ въ Харьковскомъ университетѣ и Татьяна Иванова *Иванова*, въ которой предполагается жена врача Иванова, Татьяна Абрамова. Изъ нихъ задержаны: Манычъ. Чернышева, Тихоцкій. Долиновъ. Кузнецовъ. Блиновъ. Александръ Сыцянко, Гейеръ. Легкій. Богославскій. Никитинъ и Буцинскій, которые содержатся въ Харьковскомъ тюремномъ замкѣ. Засимъ Усаковскій. Гейеръ, Крушель. Пивоваровъ, Торчинскій. Гюльцгофъ съ дѣтьми. дочери Сыцянко. Шандоръ и Сикорская отданы подъ надзоръ полиціи: Долгополовъ находится въ административной ссылкѣ въ Восточной Сибири. вслѣдствіе чего сдѣлано распоряженіе о возвращеніи его въ Харьковъ; остальные же скрылись и къ розыску ихъ приняты мѣры.

Кромѣ того привлеченъ къ дѣлу и содержится подъ стражею доцентъ Іосифъ Сыцянко. который хотя и не принималъ. повидимому. прямаго участія въ преступной дѣятельности, но несомнѣнно зналъ о принадлежности своего сына къ преступному сообществу и помогалъ ему скрывать слѣды преступленія. Такъ. по его совѣту и указаніямъ была совершена сыномъ его перевозка склада запрещенныхъ изданій и шрифта изъ городскаго дома своего на дачу. а также уничтоженъ печатный станокъ, о которомъ упомянуто выше.

Въ настоящемъ дѣлѣ представляется тотъ замѣчательный фактъ. что большая часть задержанныхъ лицъ не только не обнаруживаетъ дерзкаго запирательства. составлявшаго до сихъ поръ отличительное свойство всѣхъ. такъ-называемыхъ. соціалистовъ-революціонеровъ. а напротивъ даетъ подробныя. чистосердечныя показанія. причемъ нѣкоторые высказываютъ даже несомнѣнное раскаяніе. Такъ. напримѣръ. студентъ Кузнецовъ. считавшійся однимъ изъ непримиримыхъ агитаторовъ и бывшій главнымъ дѣятелемъ по распространенію въ средѣ учащейся молодежи подпольныхъ изданій. въ настоящее время не

только раскрывать всѣ подробности своей дѣятельности, но открыто уличать своихъ прежнихъ товарищей. Не меньшею откровенностью отличается и Богославскій, еще недавно пользовавшійся безграничнымъ довѣріемъ такихъ крупныхъ дѣятелей, какъ Гольденбергъ, Теллаловъ и Глушковъ. Студентъ Блиновъ, занимавшій одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ кружкѣ Харьковскихъ соціалистовъ, посвященный во всѣ ихъ тайны, показаніями своими значительно способствовалъ разъясненію дѣла и, между прочимъ, открылъ значеніе шифра, извѣстнаго весьма немногимъ изъ соціалистовъ и употреблявшагося въ самой серьезной перепискѣ между ними.

XIII.

Одновременно съ возникновеніемъ, изложеннаго въ предыдущемъ отдѣлѣ, дѣла о революціонномъ сообществѣ въ Харьковѣ былъ задержанъ въ Елисаветградѣ, при указанныхъ выше обстоятельствахъ, Кіевскій купеческій сынъ Григорій *Гольденбергъ*, высланный административнымъ порядкомъ въ апрѣлѣ 1878 г., изъ Кіева въ Холмогоры за участіе въ преступной пропагандѣ и бѣжавшій оттуда въ іюнѣ того же года.

Послѣдовавшее нѣсколько дней спустя преступное покушеніе подъ Москвою, выразившееся во взрывѣ полотна на Курской желѣзной дорогѣ, придавало задержанію Гольденберга особое значеніе по причинѣ оказавшагося при немъ нитроглицерина.

Въ послѣднее время Гольденбергъ сталъ обнаруживать проблески раскаянія, но первоначально сдѣланныя имъ показанія были крайне отрывочны и неопредѣленны, выражая нерѣшительность его и борьбу съ самимъ собою на пути къ полному сознанію.

Наконецъ, Гольденбергъ сдѣлалъ, повидимому, вполнѣ достовѣрное заявленіе, указывающее на обширность свѣдѣній его о соціально-революціонномъ движеніи въ Россіи.

Показаніе его выясняетъ преимущественно революціонную дѣятельность партіи «террористовъ»: что касается организаціи и дѣятельности другихъ революціонныхъ партій, то Гольденбергъ даетъ лишь самое слабое о нихъ понятіе, обѣщая впослѣдствіи сообщить самыя подробныя и обстоятельныя по сему предмету свѣдѣнія.

Партія «террористовъ», которая для достиженія противоправительственныхъ цѣлей избрала средствомъ политическія убійства, появилась, по словамъ Гольденберга, въ 1878 г. До іюля 1879 г., партія эта не имѣла опредѣленной организаціи, вслѣдствіе чего дѣятельность ея, проявлявшаяся въ цѣломъ рядѣ преступленій, не имѣла общей

связи. а злоумышленники дѣйствовали совершенно случайно и внѣ всякаго руководительства и ясно опредѣленной цѣли.

Относительно убійства Харьковскаго губернатора князя Кропоткина уже подробно изложено было въ особомъ отдѣлѣ. Преступленіе это, по словамъ Гольденберга, составляетъ его личное дѣло: имъ оно задумано и имъ-же приведено въ исполненіе: остальные-же, участвовавшіе въ этомъ дѣлѣ или въ качествѣ пособниковъ. или-же сочувствовавшихъ преступленію, отводятся Гольденбергомъ на задній планъ.

Засимъ. относительно другихъ политическихъ убійствъ и покушеній. совершенныхъ со времени появленія террористической фракціи по іюль 1879 г., Гольденбергъ даетъ слѣдующія свѣдѣнія:

Первое политическое преступленіе, выразившееся въ покушеніи на жизнь бывшаго С.-Петербургскаго градоначальника генералъ-адъютанта Трепова, не составляло, по словамъ Гольденберга, такого дѣйствія. которое-бы имѣло характеръ порученія со стороны какого-либо преступнаго органа, а было дѣломъ побужденія одной преступной личности. именно дочери капитана Вѣры *Засуличъ*, дѣйствовавшей совершенно самостоятельно.

Политическій преступникъ Курицынъ. въ своей запискѣ о революціонной дѣятельности Лизогуба (казненъ) и его кружка, между прочимъ указываетъ, со словъ самого Лизогуба, что убійство генералъ-адъютанта Трепова замышлялось независимо отъ Вѣры Засуличъ. съ каковою цѣлью злоумышленники, не бывшіе вовсе солидарны съ Засуличъ и даже вовсе ее не знавшіе, подробно изучали образъ жизни Петербургскаго градоначальника и его привычки, приготовили для исполненія преступленія двѣ верховыя лошади, такъ какъ совершеніе убійства замышлялось на улицѣ: но когда уже все было готово и даже назначенъ былъ день убійства — Засуличъ. неожиданно для всѣхъ, предупредила ихъ. чѣмъ навлекла на себя даже неудовольствіе и порицаніе со стороны революціонеровъ. видѣвшихъ въ самопожертвованіи Засуличъ необдуманный поступокъ. Далѣе Курицынъ сообщаетъ, что послѣ оправдательнаго приговора суда, Засуличъ скрывалась около мѣсяца у сотрудника журнала «Отечественныя Записки» Жемчужникова. гдѣ она познакомилась со многими революціонными дѣятелями. до этого ее совершенно не знавшими.

Засимъ, Арсеній Богославскій даетъ нѣкоторое указаніе объ этомъ преступленіи. говоря. что покушеніе на жизнь генералъ-адъютанта Трепова замышлялось по иниціативѣ Валеріана Осинскаго и приведено въ исполненіе Вѣрою Засуличъ по рѣшенію исполнительнаго революціоннаго комитета.

Такимъ образомъ. въ показаніяхъ названныхъ трехъ политическихъ преступниковъ о покушеніи на приведенное преступленіе является

противорѣчіе, которое можетъ быть объяснено тѣмъ, что никто изъ нихъ не зналъ этого дѣла изъ прямаго, такъ сказать, источника, а каждый сообщалъ только то, что самъ слышалъ отъ другихъ.

Вторымъ, по времени, преступленіемъ было покушеніе на жизнь товарища прокурора Котляревскаго въ Кіевѣ, совершенное въ началѣ 1878 г. Необходимость этого преступленія, о которомъ, по словамъ Гольденберга, было сообщено ему незадолго до покушенія Валеріаномъ Осинскимъ, мотивировалась тѣмъ, что товарищъ прокурора Котляревскій принималъ, будто-бы, слишкомъ строгія мѣры противъ арестованныхъ по политическимъ дѣламъ. Участія въ настоящемъ покушеніи онъ, Гольденбергъ, никакого не принималъ и только впослѣдствіи узналъ, что оно было совершено *Ѳоминымъ*, настоящая фамилія котораго *Медведевъ*, осужденнымъ по дѣлу Войнаральскаго въ каторжныя работы безъ срока, затѣмъ Алексѣемъ *Ѳедоровымъ*, о которомъ никакихъ свѣдѣній въ виду не имѣется, и Иваномъ Ивичевичемъ (умершимъ отъ ранъ).

Политическій преступникъ Курицынъ, въ своемъ показаніи объ этомъ преступленіи, данномъ со словъ Никиты Левченко, указываетъ, что покушеніе на жизнь товарища прокурора Котляревскаго совершено Валеріаномъ Осинскимъ, Ѳоминымъ и Ивичевичемъ, а Богославскій, въ своемъ показаніи, называетъ виновниками этого преступленія только послѣднихъ двухъ. Слѣдовательно, не будетъ-ли Осипскій тѣмъ самымъ Ѳедоровымъ, о которомъ говоритъ Гольденбергъ, тѣмъ болѣе, что послѣдній знаетъ объ участникахъ настоящаго покушенія отъ Осинскаго.

Засимъ, слѣдовало убійство въ Кіевѣ жандармскаго офицера Гейкинга, совершенное бывшимъ студентомъ медико-хирургической академіи, носившимъ прозвище «*Голотушко*». Въ разъясненіе этой личности, Гольденбергъ сообщаетъ слѣдующее: онъ 22 лѣтъ, роста средняго, шатенъ, безъ бороды, съ маленькими усами, слабаго сложенія, блѣдный, по происхожденію русскій: приходилъ въ августѣ 1879 г. ночевать въ домъ какого-то судебнаго слѣдователя, на Шулявской улицѣ, гдѣ жили онъ, Гольденбергъ, и Сергѣй Диковскій.

По поводу этого убійства Курицынъ, со словъ Никиты Левченко, говоритъ, что убійцею былъ соціалистъ, пріѣхавшій съ сѣвера, великоросъ, высокаго роста, стройный, красивый, съ русыми волосами.

О послѣдовавшемъ вслѣдъ затѣмъ убійствѣ генералъ-адъютанта Мезенцова, лично, Гольденбергъ ничего положительнаго не знаетъ, такъ какъ онъ не только не участвовалъ ни въ совѣщаніяхъ по этому преступленію, ни въ приготовленіяхъ къ оному: но, получивъ незадолго до этого свѣдѣнія о готовившемся убійствѣ отъ сына чиновника Павла *Орлова*, сосланнаго въ каторжныя работы за вооруженное сопротивленіе въ Кіевѣ, даже счелъ необходимымъ, по совѣту того-же

Орлова. своевременно уѣхать изъ Петербурга. Затѣмъ, находясь въ Кіевѣ. онъ, Гольденбергъ. узналъ 4 августа о совершеніи преступленія отъ знакомой названнаго Орлова. жены дворянина Екатерины *Тумановой*, по мужу Гамкрелидзе. содержавшейся въ 1877 году въ смирительномъ домѣ по обвиненію въ пропагандѣ въ нѣсколькихъ губерніяхъ, по каковому дѣлу судившійся вмѣстѣ съ нею мужъ ея сосланъ въ Сибирь. Наконецъ. только впослѣдствіи ему, Гольденбергу, сдѣлалось извѣстно, что участниками этого преступленія были: Сергѣй *Кравчинскій*, Ипполитъ Алексѣевъ *Кошурниковъ* и Адріанъ *Михайловъ*, изъ коихъ первый былъ фактическимъ убійцею, а остальные его ближайшими пособниками.

Изъ числа этихъ лицъ Михайловъ. сынъ губернскаго секретаря, былъ задержанъ гораздо ранѣе заявленія Гольденберга и нынѣ приговоренъ С.-Петербургскимъ военно-окружнымъ судомъ къ повѣшенію. но приговоръ этотъ Всемилостивѣйше замѣненъ ссылкою въ каторжныя работы на 20 лѣтъ. О Кошурниковѣ Гольденбергъ упоминаетъ только. что лицо это называлось также Воронинымъ и что примѣты его слѣдующія: 23 лѣтъ, высокаго роста. брюнетъ. носитъ бороду и усы. Что касается Кравчинскаго, то объ немъ извѣстно. что онъ отставной подпоручикъ артиллеріи, воспитывался въ Артиллерійскомъ училищѣ: по выходѣ въ отставку былъ слушателемъ С.-Петербургскаго лѣснаго института. но не кончивъ курса. присталъ къ революціонной партіи и занялся преступной пропагандой. Въ 1873 г. Кравчинскій былъ задержанъ въ Твери, но на пути въ становую квартиру бѣжалъ и находится нынѣ заграницею.

Объ убійствѣ генералъ-адъютанта Мезенцова. государственный преступникъ Богославскій говоритъ. что оно стоило революціонерамъ до 2,000 рублей. Объ этомъ онъ зналъ отъ революціонныхъ дѣятелей Каца. Зубковскаго. Якова Шульгина. Колодкевича и нѣкоего Сухманева, который нынѣ розыскивается. Объ этомъ Сухманевѣ Гольденбергъ сообщаетъ. что онъ находится въ одномъ изъ селъ въ Каневскомъ уѣздѣ. Кіевской губерніи. а его родной братъ, служащій военнымъ писаремъ въ Кіевѣ и тоже принадлежащій къ революціонному сообществу въ Кіевѣ, живетъ по Жилянской улицѣ. въ зданіи. гдѣ помѣщается управленіе воинскаго начальника.

Засимъ. о покушеніи на жизнь генералъ-адъютанта Дрентельна Гольденбергъ никакихъ свѣдѣній не имѣетъ. хотя онъ и встрѣчался. незадолго до совершенія этого преступленія. съ осужденнымъ по сему дѣлу въ каторжныя работы. бывшимъ студентомъ медико-хирургической академіи *Мирскимъ*.

Что касается покушенія 2 апрѣля. то изъ показанія Гольденберга

вицо, что онъ принималъ въ этомъ дѣлѣ самое дѣятельное участіе и что ему принадлежитъ самая мысль о Цареубійствѣ.

По словамъ Гольденберга, мысль эта родилась въ немъ вскорѣ послѣ убійства князя Краснокина. Прибывъ, подъ ея вліяніемъ, въ Петербургъ, Гольденбергъ обсуждалъ этотъ вопросъ съ *Зундилевичемъ*, о которомъ упоминалось выше, и дворяниномъ Александромъ Семеновымъ *Михайловымъ*, родители котораго живутъ въ Курской губерніи, а прежде жили въ Кіевѣ. Этотъ Михайловъ, по словамъ Гольденберга, былъ студентомъ технологическаго института, но въ 1875 году, за участіе въ безпорядкахъ, бывшихъ въ этомъ институтѣ, подвергся высылкѣ изъ С.-Петербурга въ Кіевъ.

Встрѣтивъ въ этихъ лицахъ, противъ ожиданія, полное единомысліе, Гольденбергъ сталъ готовиться къ осуществленію самого преступленія. Первоначально въ дѣло это былъ посвященъ коллежскій секретарь *Соловьевъ* (казненный по этому дѣлу), а затѣмъ Людвигъ *Кобылянскій*, участвовавшій вмѣстѣ съ Гольденбергомъ въ убійствѣ князя Краснокина, и, наконецъ, лицо, извѣстное Гольденбергу подъ именемъ Александра, которое онъ называетъ также Преображенскимъ. По предъявленіи нынѣ Гольденбергу фотографической карточки содержащагося въ С.-Петербургской крѣпости Александра *Квятковскаго*, онъ призналъ въ изображенной личности того самого Александра, который принималъ участіе въ покушеніи.

Между названными шестью лицами происходило, по словамъ Гольденберга, нѣсколько собраній въ разныхъ трактирныхъ заведеніяхъ и затѣмъ, когда въ принципѣ состоялось полное между ними соглашеніе, рѣшено было какъ можно скорѣе приступить къ приведенію преступнаго замысла въ исполненіе. По словамъ Гольденберга, онъ первый вызвался совершить это преступленіе, а за нимъ—Кобылянскій, но ихъ предложенія не были приняты на томъ основаніи, что Гольденбергъ—еврей, а Кобылянскій—полякъ, тогда какъ признавалось безусловно необходимымъ, чтобы злоумышленникъ былъ непремѣнно русскій. Поэтому, когда послѣ того предложилъ свои услуги Соловьевъ, его признали совершенно пригоднымъ для задуманнаго дѣла.

Послѣ того были пріобрѣтены револьверъ и патроны. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ виду того, что осуществленіе преступнаго замысла должно было вызвать обыски и аресты со стороны полиціи, всѣ нелегальные, т. е. тѣ изъ числа революціонеровъ, которые скрывались подъ чужими фамиліями, были предупреждены о необходимости немедленнаго выѣзда изъ Петербурга. Поэтому и Гольденбергъ, какъ тоже нелегальный, 31 марта отправился въ Харьковъ, гдѣ и узналъ отъ студента тамошняго университета *Подгаевскаго*, о неудавшемся покушеніи 2 апрѣля. Въ квартирѣ этого Подгаевскаго были оставлены, по сло-

вамъ Гольденберга. привезенныя имъ изъ Петербурга. въ большомъ количествѣ. предназначавшіяся для распространенія: подпольное изданіе «Земля и Воля» и прокламаціи по поводу убійства князя Кропоткина и покушенія на жизнь генералъ-адъютанта Дрентельна.

Во время пребыванія своего въ Петербургѣ, до отъѣзда 31 марта въ Харьковъ, Гольденбергъ жилъ въ квартирѣ служащаго въ типографіи. дворянина Адама *Бржезовскаго*, къ которому рекомендовала его слушательница женскихъ курсовъ при медико-хирургической академіи Марфа *Ласкоронская*, урожденная *Соколовская*. Изъ этихъ лицъ, Бржезовскій. по имѣющимся свѣдѣніямъ, привлекался къ дѣлу о преступной пропагандѣ въ Закавказскомъ краѣ въ числѣ 38 лицъ, но преслѣдованіе противъ него было прекращено въ іюлѣ 1878 г. По Гольденбергъ ни о немъ. ни о Ласкоронской не сообщаетъ такихъ свѣдѣній. которыя-бы указывали на принадлежность этихъ лицъ къ революціонной партіи.

XIV.

Въ іюлѣ 1879 г. Гольденбергъ получилъ свѣдѣніе. что въ г. Липецкѣ, Тамбовской губерніи, назначенъ съѣздъ соціально-революціонныхъ дѣятелей изъ партіи террористовъ. Свѣдѣніе это сообщилъ ему, скрывающійся подъ чужимъ именемъ, дворянинъ Николай Николаевъ *Колодкевичъ*, носящій прозваніе «котъ мурлыка», который привлекался въ Кіевѣ къ политическому дознанію, а нынѣ розыскивается по дѣлу о преступномъ сообществѣ въ Кіевѣ. Впрочемъ, по словамъ Гольденберга, мысль о подобномъ съѣздѣ сильно занимала и его самого въ послѣднее время, по поводу чего онъ возбуждалъ этотъ вопросъ еще въ апрѣлѣ мѣсяцѣ въ Кіевѣ, причемъ упомянутые выше Зубковскій и Зунделевичъ приняли на себя войти по сему предмету въ сношеніе съ наиболѣе вліятельными дѣятелями революціонной партіи, узнать ихъ мнѣніе и. если послѣдуетъ соглашеніе, опредѣлить время и мѣсто съѣзда.

Изъ дальнѣйшаго показанія Гольденберга видно, что съѣздъ въ Липецкѣ дѣйствительно состоялся и имѣлъ весьма важное значеніе въ дѣлѣ революціоннаго движенія. На немъ присутствовали, кромѣ Гольденберга. между прочимъ, слѣдующія лица: упомянутыя выше—Александръ Михайловъ. Николай Колодкевичъ. Андрей Жилябовъ и Александръ (онъ-же Преображенскій), признанный Квятковскимъ: затѣмъ Степанъ Ивановъ *Ширяевъ* (онъ-же Смирницкій), сынъ священника Смоленской губерніи. содержащійся въ С.-Петербургской крѣпости по дѣлу означеннаго Квятковскаго (онъ-же Чернышевъ), Левъ Александровъ *Тихомировъ* (онъ же Гитрячъ). бывшій студентъ С.-Петербургскаго уни-

верситета, который судился по процессу 193-хъ и, будучи отданъ подъ надзоръ полиціи, скрылся; наконецъ магистръ русской словесности Петръ Осиповъ *Морозовъ*. Михаилъ *Фомичъ*, извѣстный въ революціонной средѣ подъ именемъ Михаилы, о которомъ упоминалось раньше, и неизвѣстная женщина, которую Гольденбергъ называетъ *Маріей Николаевной*.

Эта послѣдняя, по словамъ Гольденберга, называлась иначе Якобсонихой, такъ какъ она принадлежала раньше къ фракціи «якобинцевъ». Представителемъ этой фракціи является, по показанію Гольденберга, русскій эмигрантъ *Ткачевъ*, а выразителемъ принциповъ и взглядовъ этой фракціи представляется органъ «Набатъ». По словамъ того-же Гольденберга, фракція «якобинцевъ» въ количественномъ отношеніи самая незначительная изъ всѣхъ соціально-революціонныхъ партій, притомъ ничтожна по значенію и вліянію въ революціонной дѣятельности вообще. Означенная Марья Николаевна, по словамъ Гольденберга, занималась въ Петербургѣ агитаціей среди либераловъ и конституціоналистовъ. Примѣты ея: 28 лѣтъ, высокаго роста, шатенка.

Засѣданія съѣзда въ Липецкѣ происходили въ лѣсу и въ другихъ пригородныхъ мѣстностяхъ. Результатомъ ихъ было, по словамъ Гольденберга, общее соглашеніе о необходимости совершенія новаго преступленія противъ жизни Государя Императора, но уже не тѣмъ способомъ какъ 2 апрѣля, а посредствомъ взрыва поѣзда на желѣзной дорогѣ.

По словамъ Гольденберга, на этомъ съѣздѣ впервые заговорили о примѣненіи къ дѣлу динамита. Притомъ рѣшено было по возможности скорѣе выполнить замыселъ указаннымъ способомъ, а также высказывалась необходимость одновременно съ этимъ направить убійство на Одесскаго, Кіевскаго и С.-Петербургскаго генералъ-губернаторовъ. Кромѣ того, установлено было прибѣгать также къ агитаціи среди молодежи, войска и въ общественныхъ сферахъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, на этомъ же съѣздѣ цана была, по словамъ Гольденберга, правильная организація террористической фракціи, при чемъ для управленія дѣлами образованы были распорядительная коммиссія и исполнительный комитетъ. Коммиссія, по кругу возложенныхъ на нее обязанностей, являлась какъ бы высшимъ органомъ, а исполнительный комитетъ низшимъ. Распорядительная коммиссія обязана была знать все совершающееся не только въ террористическомъ движеніи, но и во всей революціонной средѣ; на нее-же возложено было изысканіе средствъ къ выполненію преступныхъ замысловъ. Напротивъ, члены исполнительнаго комитета являлись исключительно активными дѣятелями, непосредственными участниками задуманныхъ преступленій. Коммиссія, по словамъ Гольденберга, должна была находиться

въ Петербургѣ. а члены исполнительнаго комитета въ разныхъ мѣстахъ, гдѣ надобность укажетъ.

Засимъ. на томъ же съѣздѣ были избраны въ члены распорядительной коммиссіи, упомянутые выше: Михаилъ Фоменко (онъ же Михайло). Александръ Михайловъ и Левъ Тихомировъ. который сильно протестовалъ противъ этого избранія. такъ какъ онъ желалъ быть активнымъ дѣятелемъ, а въ члены исполнительнаго комитета назначены всѣ остальныя присутствовавшія на съѣздѣ лица. Впослѣдствіи, по словамъ Гольденберга. къ комитету примкнули: дочь маіора, Софья *Иванова*, арестованная подъ именемъ жены Лысенко по дѣлу о тайной типографіи въ Саперномъ переулкѣ, неизвѣстная *Сергѣева* и *Акимова* (она-же Баска). о которой уже упоминалось выше. затѣмъ Вѣра Николаева *Филипова*. урожденная *Фигнеръ*. агитировавшая. по словамъ Гольденберга. въ концѣ 1879 г. въ Одессѣ. среди конституціоналистовъ и подлежавшая задержанію во время пребыванія ея послѣ того въ Петербургѣ. но успѣвшая скрыться. и крестьянинъ Андрей *Пресняковъ*. обвиняемый въ убійствѣ тайнаго агента Шарашкина и розыскиваемый для привлеченія къ этому дѣлу. По имѣющимся свѣдѣніямъ. Пресняковъ принадлежалъ къ преступному обществу «друзья». Кромѣ того. на съѣздѣ были избраны редакторами предполагавшагося подпольнаго органа печати Левъ Тихомировъ и Николай *Морозовъ*. привлекавшійся къ процессу 193-хъ и стоявшій. по словамъ Гольденберга, весьма близко къ редакціи подпольнаго органа «Народная Воля». Что касается устройства самого органа печати. то вопросъ этотъ было рѣшено обсудить въ Воронежѣ, гдѣ въ то-же время назначенъ былъ съѣздъ членовъ партіи «народниковъ», во главѣ которой стояли Стефановичъ и Дейчъ.

Послѣ того Гольденбергъ отправился въ Петербургъ. гдѣ Ширяевъ уже приступилъ къ заготовленію динамита для замышляемаго преступленія. а изъ Петербурга. чрезъ Одессу и Кіевъ, въ Харьковъ. О дѣятельности Гольденберга въ этомъ послѣднемъ городѣ уже изложено было выше. въ отдѣлѣ о Харьковскомъ революціонномъ сообществѣ. Въ Харьковѣ же. по словамъ Гольденберга. происходили въ концѣ сентября между нимъ и прибывшими туда Конюрниковымъ. Пресняковымъ. Колодкевичемъ и Желябовымъ совѣщанія относительно приведенія въ исполненіе состоявшагося въ Липецкѣ рѣшенія о взрывѣ на желѣзной дорогѣ. Съ этою цѣлью Конюрниковъ. который еще до пріѣзда въ Харьковъ производилъ изысканія на Николаевской желѣзной дорогѣ. отправился для производства тѣхъ-же изысканій въ Крымъ. но поѣздка эта осталась безъ результата. Затѣмъ послѣдовало соглашеніе объ устройствѣ мины подъ Лозово-Севастопольской дорогой и мѣстомъ взрыва былъ избранъ г. Александровскъ. Екатеринославской

губерніи. Для исполненія этого плана отправился въ Александровскъ Жилябовъ и, назвавшись купцомъ Черемисовымъ, заявилъ въ тамошней думѣ желаніе открыть въ этомъ городѣ кожевенный заводъ. Предложеніе это было принято весьма сочувственно и Жилябовъ, нанявъ домъ вблизи полотна желѣзной дороги, далъ зататоръ. Въ домѣ этомъ должны были, по предположенному плану, поселиться Жилябовъ, Акимова (она же Баска), выдававшая себя за жену послѣдняго, и въ качествѣ рабочихъ *Тихоновъ* и *Иванъ*. Относительно послѣднихъ двухъ Гольденбергъ указываетъ слѣдующее: Тихоновъ — выше средняго роста, брюнетъ, отъ роду около 24-хъ лѣтъ, безъ бороды, въ 1877 г. бѣжалъ изъ Архангельской губерніи, гдѣ онъ находился въ административной ссылкѣ, затѣмъ былъ арестованъ въ Москвѣ, но оттуда снова бѣжалъ: нѣкоторое время жилъ въ Ростовѣ на Дону, а потомъ пріѣхалъ въ Харьковъ, гдѣ Гольденбергъ и познакомился съ нимъ, осенью 1879 г. Что касается рабочаго Ивана, то онъ по происхожденію русскій, средняго роста, лѣтъ около 19, плотенъ, принадлежитъ, какъ и Тихоновъ, къ партіи террористовъ. По заранѣе задуманному плану, предположено было пробуравить въ ночное время полотно желѣзной дороги и, вставивъ туда мѣдную трубку, начиненную динамитомъ, произвести взрывъ въ моментъ прохожденія въ этомъ мѣстѣ Императорскаго поѣзда. Необходимые для сего инструменты и приспособленія были, по словамъ Гольденберга, изготовлены подъ его наблюденіемъ въ Харьковѣ.

Въ то-же время предположено было устроить мину и на Одесской желѣзной дорогѣ, вслѣдствіе чего Гольденбергъ, какъ изъ показанія его видно, отдѣливъ нѣкоторую часть отъ привезеннаго Пресняковымъ въ Харьковъ динамита, о которомъ упоминалось выше, послалъ таковую въ Одессу съ повивальной бабкой Татьяной Ивановой *Лебедевой*, которая, по имѣющимся свѣдѣніямъ, судилась по процессу 193-хъ и, будучи также привлечена впослѣдствіи къ дѣлу объ убійствѣ въ Москвѣ тайнаго агента Рейнштейна, отдана была по этому послѣднему дѣлу подъ надзоръ полиціи. Устройство мины близъ Одессы приняли на себя Колодкевичъ и Фоменко (онъ-же Михайло), который долженъ былъ пристроиться сторожемъ на желѣзной дорогѣ и противъ своей будки заложить мину подъ рельсы. По словамъ Гольденберга, Фоменко дѣйствительно пристроился на 14 верстѣ отъ Одессы сторожемъ при камняхъ, а затѣмъ получилъ мѣсто будочника и жилъ вмѣстѣ съ Лебедевой, которая выдавала себя за его жену.

Во время всѣхъ этихъ приготовленій, Гольденбергъ получилъ свѣдѣніе о приготовленіяхъ, дѣлавшихся по тому-же замыслу. Поэтому онъ 18 октября отправился туда и принялъ участіе въ работахъ въ домѣ Сухорукова, каковою фамиліею назывался Левъ *Гартманъ*, скрывшійся послѣ взрыва 19 ноября заграницу. По показанію Гольденберга,

участниками этого покушенія были, кромѣ Гартмана и его, Гольденберга, дочь дѣйствительнаго статскаго совѣтника Софья *Перовская*, привлекавшаяся къ нѣсколькимъ дѣламъ по политическимъ преступленіямъ и бѣжавшая отъ конвоя во время сопровожденія ея въ Олонецкую губернію, куда она предназначалась для водворенія на жительство, съ учрежденіемъ за нею полицейскаго надзора; затѣмъ студентъ 5-го курса медико-хирургической академіи *Гришка* (выше средняго роста, около 24 лѣтъ отъ роду, шатенъ), принадлежавшій, по словамъ Гольденберга, къ организованному въ Петербургѣ кружку «свобода или смерть»; наконецъ, Галина *Чарнявская*, которая привлекалась къ дѣлу Чубарова въ Одессѣ, но, будучи отдана по этому дѣлу на поручительство съ денежнымъ залогомъ, скрылась изъ Одессы и розыскивается до настоящаго времени, и упомянутые выше: Ширяевъ, Кошурниковъ, Александръ Михайловъ, Николай Морозовъ и Арончикъ. Изъ числа этихъ лицъ Гартманъ, Перовская и студентъ Гришка жили въ домѣ, изъ котораго устраивался подкопъ, а остальные въ разныхъ домахъ, причемъ устроена была также конспиративная квартира для укрывательства на случай опасности. Работы по устройству этого подкопа, сопряженныя съ большими трудностями, производились сравнительно быстро, въ особенности съ того времени, когда сдѣлалось извѣстно, что 19 ноября Государь Императоръ будетъ въ Москвѣ. Независимо отъ трудности работъ, производство ихъ сопровождалось постепенными тревогами и опасеніями за возможность быть застигнутымъ врасплохъ. Въ этихъ видахъ, въ самомъ домѣ Сухорукова заложены были мины на случай необходимости взорвать домъ при явной опасности. Самый домъ былъ Гартманомъ заложенъ одной купчихѣ за 1000 руб., такъ какъ наличныхъ средствъ, бывшихъ въ распоряженіи его по сему дѣлу, оказалось недостаточно. Между тѣмъ и наличнаго динамита также оказалось недостаточно, а потому Гольденбергъ отправился въ Одессу, чтобы привезти въ Москву ту часть динамита, которая предназначена была для заложенія мины на Одесской желѣзной дорогѣ, гдѣ таковая уже представлялась пока излишнею. На пути въ Одессу, Гольденбергъ встрѣтился въ Елисаветградѣ съ бывшимъ студентомъ медико-хирургической академіи *Кибальчичемъ*, который проживалъ въ Одессѣ подъ фамиліею Иваницкаго и состоялъ подъ надзоромъ полиціи по дѣлу о государственномъ преступленіи, но успѣлъ скрыться. Кибальчичъ, по словамъ Гольденберга, везъ съ собою проволоку для мины въ г. Александровскъ, которую устраивалъ Жилябовъ. По прибытіи въ Одессу, Гольденбергъ познакомился чрезъ Колодкевича съ студентомъ Новороссійскаго университета Герасимомъ *Романенко*, арестованнымъ впослѣдствіи Австрійскими властями въ Лембергѣ.

Засимъ, 13 ноября, съ динамитомъ этимъ и съ запасомъ денегъ,

добытыхъ для Московскаго дѣла упомянавшимся въ настоящемъ обзорѣ Саввою Златопольскимъ. Гольденбергъ отправился изъ Одессы въ Москву, но въ Елисаветградѣ былъ задержанъ.

XV.

Въ показаніи своемъ Гольденбергъ указываетъ еще на нѣсколько лицъ, съ которыми онъ приходилъ въ болѣе или менѣе близкое соприкосновеніе во время своей революціонной дѣятельности. Изъ лицъ этихъ обращаютъ на себя особенное вниманіе:

Плехановъ. Георгій Валентиновъ, дворянинъ Тамбовской губерніи, Липецкаго уѣзда, бывшій юнкеръ Константиновскаго военнаго училища, а впослѣдствіи студентъ горнаго института. Первую извѣстность въ революціонной дѣятельности Плехановъ получилъ по манифестаціи на Казанской площади, но тогда задержанъ не былъ и розыскивается съ того времени. По имѣющимся свѣдѣніямъ онъ находится въ Парижѣ. По словамъ Гольденберга, Плеханова звали въ средѣ молодежи Жоржемъ; онъ былъ по убѣжденіямъ «народникъ» и противникъ террористической системы.

Болотниковъ. Иванъ Никитинъ, окончившій курсъ въ технологическомъ институтѣ и состоявшій лѣтомъ 1879 г. учителемъ въ ремесленномъ училищѣ, по 1 ротѣ Измайловскаго полка. Онъ, по словамъ Гольденберга, принадлежитъ къ крайнимъ либераламъ и сочувствуетъ революціонному движенію. Гольденбергъ, котораго Болотниковъ зналъ подъ прозвищемъ «Виконефильтъ», жилъ у него на квартирѣ, въ д. № 4, по Свѣчному переулку, въ іюлѣ 1878 г.

Головинъ. Ипполитъ, дворянинъ, привлекался по дѣлу о покушеніи на жизнь генералъ-адъютанта Дрентельна за укрывательство преступника Мирскаго, но былъ оправданъ. Нынѣ находится въ Черниговской губерніи, гдѣ за нимъ учрежденъ полицейскій надзоръ. По словамъ Гольденберга, Головинъ воспитывался въ технологическомъ институтѣ, и по убѣжденіямъ не болѣе какъ либералъ.

Назаровъ. Алексѣй, бывшій студентъ Кіевскаго университета. За принадлежность къ противоправительственной партіи былъ высланъ на жительство въ Холмогоры, Архангельской губерніи, откуда бѣжалъ вмѣстѣ съ Гольденбергомъ; послѣ того былъ задержанъ въ Петербургѣ и уже высланъ въ Восточную Сибирь. Назаровъ, по словамъ Гольденберга, имѣетъ дядю Кіевскаго профессора Хржанцевскаго, который поддерживалъ его матеріально.

Лисовская. Анна, польскаго происхожденія, проживала въ 1878 и 1879 г. въ Кіевѣ, гдѣ она слушала фельдшерскіе курсы. По убѣжденіямъ пропагандистка, но сочувственно относится къ фракціи терро-

ристовъ. Участвовала вмѣстѣ съ Избицкою, о которой упомянуто выше, въ дѣлѣ предоставленія средствъ политическимъ заключеннымъ.

Ивановъ, Николай Степановъ, студентъ 5 курса медицинскаго факультета Харьковскаго университета, принадлежитъ, по словамъ Гольденберга, къ людямъ, раздѣляющимъ взгляды и стремленія соціально-революціонной партіи и притомъ признающимъ терроръ какъ неизбѣжное зло.

Морозовъ, Петръ Осиповъ, магистръ русской словесности, участвовавшій, по словамъ Гольденберга, въ съѣздѣ террористовъ въ Липецкѣ, о чемъ уже упомянуто выше, принадлежитъ къ числу весьма опасныхъ революціонныхъ дѣятелей, вслѣдствіе особенности характера его дѣятельности, недающей возможности уличить его во вредномъ направленіи.

Глекъ, Марья Григорьева, урожденная Ярошенко, сестра жены Морозова, имѣетъ имѣніе въ селѣ Засулы, Роменскаго уѣзда, Полтавской губерніи, гдѣ скрывался Гольденбергъ и гдѣ былъ задержанъ также Зубковскій.

Гамалей, Александръ Павловичъ, и жена его, Александра Андреевна, помѣщики Лохвицкаго уѣзда, Полтавской губерніи, — представляются Гольденбергомъ сочувствующими соціально-революціонному движенію. Одинъ изъ сыновей ихъ, Владиміръ, привлеченъ къ дѣлу о Кіевскомъ преступномъ сообществѣ, а остальные два сына, Яковъ и Викторъ, а также и дочери, Ольга и Софья, равно какъ и жена Виктора Гамалея, Жозефина, урожденная *Недзьльская*, также извѣстны по принадлежности къ революціонной партіи. По словамъ Гольденберга, Жозефина Гамалей даже знала о томъ, что онъ, Гольденбергъ, былъ убійцею князя Кропоткина, а Софья и Ольга Гамалей дали ему три вексельныхъ бланка на 300 рублей на освобожденіе изъ ссылки Самарской.

АЛФАВИТЪ

ЛИЦЪ, УПОМИНАЕМЫХЪ ВЪ ЗАПИСКѢ.

А

„А—ва," неполный псевдонимъ Козиной, она-же „Таранта" 70.
Адольфъ, рабочій 20.
Акимова, она-же Баска 107, 108.
Акимовъ, онъ-же Николайчикъ и Никандръ Асѣевъ 51.
Александровичъ, дворянинъ, Остерскій предводитель дворянства 74.
Александръ, онъ-же Преображенскій и Квятковскій 104, 105.
Алексѣй, лакей 50.
Алешка, онъ-же Кастюринъ, Викторъ 45, 64.
Алешка, онъ-же „Князь" и Фоминъ 71, 72.
„Американецъ-сапожникъ" 34.
Андріевскій 50.
Аннтовъ, онъ-же Лопуховъ, прозвище Жукова Владиміра Иванова 63.
Аннинька или Аннушка 22.
Антоновъ, онъ-же Свириденко Владиміръ и его жена 33, 49, 52.
Антоновичъ, Владиміръ, профессоръ Кіевскаго университета 9, 21, 31.
Антиповичъ, помѣщикъ Кіевской губерніи 5, 8.
Апостоловъ, прозывавшійся „Свинкой" 24.
Аркадій, онъ-же Вайнеръ, Мойша, Илья Абрамовъ, прозвище Зунделевича 83.
Арончикъ, Афанасій, бывшій студентъ института инженеровъ путей сообщенія 25, 42, 109.
Асѣевъ, Никандръ, онъ-же Акимовъ и Николайчикъ 51.
Афанасій 97.

Б

Бабичъ, слушательница женскихъ курсовъ 35, 47.
„Бабушка", кличка одного изъ братьевъ Линтваревыхъ 11.
Баковецкая 39.
Бакунинъ 28.
Балабаненко 40.
Баламезъ 70.
Барановичъ 85.
Борисовъ 96.
Барышева, дѣвица, сестра Ковалевской, она-же „Лидія" 5.
Баска, она же Акимова 107, 108.
Басовъ, Иванъ Ивановъ, бывшій студентъ технологическаго института 14, 19, 26, 30, 31, 32, 33, 34, 41.
Бать, окончившій Кіевскій университетъ 29, 37.
Баумъ, онъ-же Артемъ и Николай, рабочій 18
Безмѣновъ, Семенъ Игнатьевъ 86.
Безмѣновъ, онъ-же Михаилъ Дмитріевъ Михайловскій 73, 74.
Беккеръ, Владиміръ, бывшій студентъ 32, 40.
Беллюстинъ, бывшій гимназистъ 39, 41.
Беренштамъ, Вильямъ, онъ же „Велинка" и „Вилька", учитель Кіевской военной гимназіи, статскій совѣтникъ 5, 7, 9, 20, 21, 29.
„Биконсфильдъ", псевдонимъ Гольденберга, онъ-же Гришка 96.
Бирскій, земскій врачъ 17.
Блиновъ, Митрофанъ, бывшій студентъ Харьковскаго университета 95, 97, 99, 100.
Богаевскій, земскій врачъ 26.
Богдановъ, называвшійся Хмѣльницкимъ, студентъ Кіевскаго университета 17.
Богицкій, студентъ Кіевскаго университета 78.
Богдановичъ, помѣщикъ 14, 92.
Богуславскій, Николай, дворянинъ 97.
Богославскій, Арсеній, сынъ священника 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 46, 48, 71, 80, 99, 100, 101, 102, 103.
Боголюбовъ, онъ-же Пекарскій 87.
Боголюбовъ, онъ-же Емельяновъ 93.
Богряновскій, Корнелій 56.
Бойченко, Степанъ Васильевъ, онъ-же „Степанъ" 62, 63, 64, 71, 72.
Болдинъ, Николай Дмитріевъ, бывшій приходскій учитель 89.

Болотниковъ, Иванъ Никитинъ, окончившій курсъ технологическаго института, бывшій учитель ремесленнаго училища 110.
Борисовъ, 98.
Бохановскій, Иванъ, дворянинъ, онъ-же „Савка„ 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 67, 68, 72, 93.
Брандтнеръ, Гаврило или Григорій 23, 49, 90.
Бржезовскій, Адамъ, дворянинъ 115.
Бровацкій, сапожникъ 20, 37, 40.
Булашевичъ, чиновникъ 84.
Буличъ, Александръ, земскій врачъ 75, 76, 77, 84.
Бурцевъ, Владиміръ Марковичъ, губернскій секретарь 89.
Бутенкова-Лукина, акушерка, по мужу Быковцева 81.
Буцинскій, Дмитрій, онъ-же Рязанцевъ, студентъ Харьковскаго университета 61, 78, 95, 98, 99.
Быковцевъ, Николай, сынъ священника, онъ-же „Харьковскій хохолъ“ 80, 81, 82, 93, 94.
Быковцева, урожденная Лукина-Бутенкова 81.
Бѣлинскій, студентъ Кіевскаго университета 34.
Бѣликовъ, Стефанъ, рабочій 17.
Бѣлоконскій, Иванъ, бывшій учитель 24, 25, 84, 85.
Бѣльчанскій 18.
Бѣлый, докторъ 5, 11.
„Бѣлый“ 56, 57.

В

„Вайнеръ“, онъ-же Мойша, Илья Абрамовъ и Аркадій, прозвище Зунделевича 83, 86.
„Ванюшка“ 19.
Варзеръ, мировой судья 82.
Варзеръ, жена мироваго судьи 82.
Василекъ 47, 50.
Василій, рабочій 31.
Веледницкій, дворянинъ 1, 3, 4, 5, 6, 7, 9, 10, 11, 14, 16, 17, 18, 20, 21, 22, 23, 24, 26, 27, 30, 31, 32, 41, 42, 55, 71, 79.
Велинка, онъ-же Беренштамъ и Вилька 5, 7, 9, 20, 21.
Вербицкій, братъ студента Кіевскаго университета 14.
Вилька, онъ же Беренштамъ и Велинка 5, 7, 9, 20, 21.
Виниченко, Ѳедоръ, бывшій студентъ университета Св. Владиміра, а нынѣ военный докторъ 5, 8, 9, 10, 11, 16, 17, 18, 19, 21, 22, 24, 25, 26, 27.
Виниченко Николай, бывшій студентъ университета Св. Владиміра 5, 10.
Виноградскій 71.
Виноградовъ, онъ же Дическулло 79.
Виттенъ Варвара 85.
Виттенъ Елена, по мужу Россикова 48, 85.
„Владыко“, прозвище Старынкевича Ивана 37.
Владиміръ, онъ-же Антоновъ 49.
Владиміръ, рабочій арсенала 20.
Владиміръ, рабочій на желѣзной дорогѣ 20.
Войнаральскій 31, 47, 74, 90.
Волковъ, Ѳедоръ Кондратьевъ 5, 6, 7, 8, 10, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 20, 21, 25, 27, 29, 30 37, 39, 41, 42.
Волкова, жена Ѳедора Волкова 5, 15, 21.
Волковичъ, Александръ, священникъ 84.
„Волкъ“, онъ-же Волошенко 34, 55, 71.
„Володько“, онъ-же „Григоренко“ и „Полячекъ“, прозвище Кобылянскаго Людвига 40, 42, 55, 59, 76, 77, 78.
Волошенко Петръ, онъ-же „Петръ Волкъ“, 34, 55, 71.
Волькенштейнъ Александръ, бывшій студентъ Кіевскаго университета, нынѣ земскій врачъ Черниговской губ. 16, 57, 83.
Волькенштейнъ Людмила 79.
Воронцовъ Эмануилъ 78.
Вороновъ, студентъ 65.
Воронинъ, онъ-же Кошурниковъ 103.
Воронина, она же Левенсонъ Викторія 61, 63.
Ворошиловъ 53.
Воскресенскій, Николай Ивановъ, сынъ дворянина, 89.
Воскресенская, Зинаида, она-же „Зина“ 55, 79.
Высоцкій, Иванъ, семинаристъ 12.

Г

Гавриловъ, докторъ, носилъ прозвище „Учитель“ 55.
Гаврило или Григорій Брандтнеръ 54.
Гаврилюкъ, онъ же Куценко, прозвище Ильяшенки, Севастьяна Ефремова 61.
Гаевскій, онъ-же Трипольскій или Тираспольскій и Галушкинъ 8, 14, 20, 32.
„Галя“ 54.
Галицкій, студентъ Кіевскаго университета 17.
Галушкинъ, онъ же Тираспольскій и Гаевскій 8, 14, 20, 32, 36.
Гамалей, Викторъ, сынъ помѣщика 111.
Гамалей, Яковъ, сынъ помѣщика 111.
Гамалей, Ольга, дочь помѣщика 111.
Гамалей, Софья, дочь помѣщика 111.
Гамалей, Жозефа, урожденная Недзѣльская, жена сына помѣщика 111.
Гамалей, Владиміръ, сынъ помѣщика 111.
Гамалей, Александра Александрова, жена помѣщика 111.
Гамалей Александръ Павловъ, помѣщикъ 111.
Гамкрелидзе, урожденная Туманова, Екатерина 103.
Гартманъ Левъ, онъ же Владиміръ Троицкій и Лихачевъ 87, 89.
Гарусова Матрена, крестьянка 76.
Гацукъ 3.
Гейеръ, Иванъ, дворянинъ 95, 99.
Гейкингъ, жандармскій офицеръ 6, 102.
„Генералъ“, онъ же Поповъ, прозвище Кривицкаго Николая 36, 63
Гернетъ, секретарь Одесской думы 71.
Гиренко, Иларіонъ, семинаристъ 12.
Глеке, Марья Григорьева, урожденная Ярошенко, сестра жены Морозова 111.
Глушковъ, Иванъ Іоновъ, студентъ Харьковскаго университета 78, 90, 95, 97.

Гдѣбовъ. офицеръ 39, 40
Гдѣбова Марія 39.
Головковъ, содержатель харчевни 53.
Головинъ, Ипполитъ, дворянинъ 110.
„Голотупенко“ прозвище, студентъ Медико-Хирургической Академіи 102.
Голынскій, военный врачъ 17.
Голубовъ, Лейзеръ, мѣщанинъ, называвшій себя Зотовымъ Владиміромъ 62, 64.
Гольдемергъ, Сура 20.
Гольденбергъ, Григорій, онъ же „Биконсфильдъ“ и „Гришка“ купеческій сынъ 2, 3, 5, 22, 23, 25, 28, 30, 33, 35, 38, 39, 40, 42, 43, 46, 48, 50, 51, 53, 55, 56, 57, 59, 70, 78, 79, 80, 83, 84 90, 91, 92, 96, 97, 98, 100, 101, 102, 103, 104, 105, 106, 107, 108, 109, 110, 111.
Гордѣй, солдатъ 55, 56.
Гордѣенко, Стефанъ, бывшій студентъ Кіевскаго университета 13.
Гордѣевъ 10, 17, 21.
Горевштейнъ, акушерка 16.
Гориновичъ, Николай, почетный гражданинъ 45.
Горскій, Платонъ, онъ же „Платонъ“, переплетчикъ 18.
Громатъ, Александръ, бывшій ученикъ Харьковскаго реальнаго училища 99.
Графиня Екатерина 34.
Грибенюкъ, Ефимъ 36, 55, 59.
„Гришка“ онъ же ГольденбергъГригорій 77, 78, 96.
Гришка, студентъ медико-хирургической академіи 109.
Григоренко, Иванъ Ивановъ, онъ-же „Володька“ и „Полячекъ“, прозвище Кобылянскаго Людвига, 40, 42, 55, 58, 59, 60, 76, 77.
Григорашъ, онъ же Середенко, извѣстенъ подъ названіемъ „Петербургскій радикалъ“, бывшій учитель Полтавской военной гимназіи 12, 13.
Гриневичъ 41.
«Громада» (мірской сходъ) и революціонный журналъ 5, 6, 7, 8, 9, 11, 13, 14, 15, 16, 25, 26, 44.
„Громодяне“, кружокъ украинофиловъ 10, 12, 13, 27, 29, 30, 41, 44
Гудзь, Петръ Ѳедоровъ, онъ-же Лобанчукъ рабочій 17, 18, 20, 21, 27, 31, 32, 36.
Гуревичъ, ученикъ реальнаго училища 12.
Гюльцгофъ, Викторія, и ея сыновья Василій и Викторъ 99.

Д

Давыденко 49.
Даниловъ, Викторъ, аптекарскій ученикъ 97.
Дебагорій-Мокриевичъ, Владиміръ, онъ же „Мишка“, дворянинъ 4, 15, 23, 29, 38, 48, 49, 50, 57 64, 83, 85.
Девель Михаилъ Владиміровъ, кандидатъ сельскаго хозяйства 86, 87, 88, 89,
Демчъ, Левъ, бывшій студентъ Кіевскаго университета, онъ-же „Яшка“ 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 67, 68, 72, 93, 107.
Демченко, Иванъ, студентъ Кіевскаго университета 37.
Денисенко, студентъ Кіевскаго университета 28.
Диковскій, Сергѣй Дорофѣевъ (онъ же Зарубаевъ и Захарченко), сынъ священника, бывшій студентъ Новороссійскаго университета 53, 54, 57, 60, 61, 83, 102.
Диковскій, Моисѣй Андреевъ, сынъ священника 61.
Дическулло, Леонидъ Антоновъ (онъ-же Виноградовъ), дворянинъ 34, 35, 79, 80.
„Дмитро Найда“, прозвище Стефановича, Якова 44.
Дмоховская, жена Басова 30.
Дмоховскій 30.
Добровольскій 85.
Долгополовъ, Неофонтъ, бывшій студентъ Харьковскаго университета 99.
Доллеръ, рабочій, французскій подданный 19
Долиновъ 99.
Домонтовичъ, помѣщикъ Полтавской губ. 13.
Драгомановъ, бывшій профессоръ 5, 6, 8, 9, 11, 14, 15, 21, 22, 29, 30.
Драгневичъ, Владиміръ 24.
Драгневичъ, Иванъ 21, 23, 24, 35, 36, 37, 43.
Драгневичъ, Михаилъ 21, 22, 23, 24, 28, 31, 35, 36, 37, 43.
Дрентельнъ, генералъ-адъютантъ 110.
Дробязгинъ, сынъ дьякона 45, 85.
Дрыга, Владиміръ, дворянинъ 1, 68, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 80, 83, 84, 86, 92.
Дубовъ 24.
Дубровъ, семинаристъ 12.
Дунина, слушательница акушерскихъ курсовъ 38.
Дьяченко 62.
Дымскій, Левъ, бывшій студентъ университета Св. Владиміра 36.
Дынникъ, Денисъ, рабочій на желѣзной дорогѣ 11.

Е

Егоровъ, военный врачъ 40.
Емельяновъ, бывшій студентъ Харьковскаго ветеринарнаго института, онъ-же Боголюбовъ 93.
Ефименко, жена чиновника 83.

Ж

Жебуневъ, Владиміръ, сынъ штабсъ-ротмистра 98.
Жемчужниковъ, сотрудникъ журнала „Отечественныя записки“ 101.
Животовскій, Василій Филиповъ, титулярный совѣтникъ 4.
Животовская, жена титулярнаго совѣтника.
Житковъ, Антонъ, онъ-же Черемисовъ, купецъ 97, 98, 105, 107, 108, 109.
Житецкій, Протопъ 5, 15, 25, 26, 28, 43.
Житецкій, Павелъ, преподаватель Кіевской военной гимназіи 5, 8, 9, 21, 26, 30

Житецкая, Александра 39.
„Жоржъ", онъ-же Плехановъ, Георгій Валентиновъ, дворянинъ 48, 110.
Жуковъ, Владиміръ Ивановъ (онъ же Лопуховъ Владиміръ Тихоновъ и Антовъ) дворянинъ, бывшій студентъ Харьковскаго университета 61, 63, 64.
Жученко, токарь 13.
Жученко, гимназистъ реальнаго училища 42,

З

Забора 24.
Забранскій, Леонтій, крестьянинъ. онъ-же Полозовъ 2, 25, 26, 33, 52, 63, 64, 65, 71, 80.
Загайдачный 26.
Зайдеръ, Александръ 52.
Залѣсскій 24, 25.
Зарубный, онъ-же Захарченко, прозвище Диковскаго, Сергѣя 61.
Засуличъ, Вѣра, дочь капитана 48, 101.
Заславскій 19.
Захарченко, онъ же Зарубный, прозвище Диковскаго Сергѣя 53, 54, 57, 60, 61, 83, 102.
Зелинскій, Іосифъ, онъ-же „Павелъ помѣщикъ" 34, 55, 60.
Зеленый или капитанъ 25.
Зенченко, Ѳедоръ Ефимовъ, бывшій народный учитель 18, 35, 91.
Зенченко, урожденная Смирницкая, жена бывшаго учителя 35.
Зиберъ 5, 6, 21.
Зиксъ или Зикъ, Леонидъ, онъ же Добромысловъ 56.
„Зина", она-же Воскресенская, Зинаида 55.
Зотовъ, Владиміръ, онъ же Голубовъ Лейзеръ 62.
Златопольскій, Савелій 51, 110.
Зубжицкій, Янъ 19, 26, 31, 36, 39.
Зубковскій, Афанасій Андреевъ, онъ же Саковичъ, Александръ и Панкѣевъ Иванъ 23, 29, 36, 37, 39, 40, 57, 74, 75, 76, 78, 79, 80, 82, 103, 105, 111.
Зубковскій, Иванъ, бывшій студентъ Кіевскаго университета, нынѣ докторъ 41.
Зунделевичъ, онъ-же Вайнеръ, Мойша, Илья Абрамовъ и Аркадій 83, 84. 86, 103, 105.

И

Ивановъ, Николай Николаевъ, коллежскій секретарь 89.
Ивановъ, Николай Степановъ, студентъ Харьковскаго университета 99, 111.
Ивановъ, Игнатъ Кирилловъ, студентъ Кіевскаго университета 61.
Ивановъ, Павелъ, бывшій студентъ Кіевскаго университета 35, 63, 64.
Ивановъ, окончившій курсъ въ С.-Петербургскомъ технологическомъ институтѣ 41.
Иванъ Павловичъ 40.
Иванъ, служившій при арсеналѣ 40, 108.
Иванова, Софья, она-же Лысенко, дочь маіора 107.
Иванова, Надежда, учительница 17..
Иванова, Татьяна Абрамова, въ которой предполагается жена врача Татьяна Абрамова 99.
Ивановская 85.
Иваницкій, онъ-же Кибальчичъ, студентъ медико-хирургической академіи 109.
Ивичевичъ, Игнатій 33, 35, 54, 56, 57, 78, 79, 80.
Ивичевичъ, Иванъ 23, 31, 35, 38, 54, 56, 102.
„Идолъ", онъ-же Попка 65.
Избитскій 41.
Избитская, Марія 55, 56, 111.
Издербскій, таксаторъ 41.
Ильницкій, Лука, содержатель библіотеки и комиссіонеръ университета Св. Владиміра 14.
Ильяшенко, Севостьянъ Ефремовъ, онъ-же Куценко и Гаврилюкъ, мѣщанинъ 60, 61.
Ильяшенкова, Варвара 39.
Илья Абрамовъ, онъ-же Вайнеръ, Мойша, Аркадій, прозвища Зунделевича 83, 86.
Исковъ, Александръ, студентъ Кіевскаго университета 37.
Исковъ, Иванъ. студентъ Кіевскаго университета 37.
Ищенко, Гонка, ученикъ Императорской академіи художествъ 17.

К

Каковскій, студентъ Кіевскаго университета 65.
Каленикъ, сапожникъ 13.
Калиновская, она-же „Пифія", дѣвица 23, 42.
Каменцовъ, Иванъ, студентъ Харьковскаго университета 97.
Каминеръ, земскій врачъ 77.
Каминеръ, Августина 77.
Каминеръ, Анна 77.
Каминеръ, Надежда 77.
Капитанъ или Зеленый 25.
Каринскій, директоръ Черниговскаго городскаго банка 82, 83.
Кастюринъ, Викторъ, онъ-же Алешка 45.
Кацъ 14, 36, 103.
Квятковскій, онъ-же Александръ и Преображенскій 104, 105.
Кенулковы, два брата 20.
Кейзеръ, Владиславъ 20, 31, 41.
Кибальчичъ, онъ-же Иваницкій, студентъ медико-хирургической академіи 109.
Киріевъ, Михаилъ, семинаристъ 12.
Класовскій, учитель гимназіи 5, 9.
Клименко, Михаилъ Филимоновъ, студентъ университета Св. Владиміра 61, 63.
Ключниковъ, Петръ, дезертиръ, матросъ 2-го Черноморскаго флотскаго экипажа 2, 5, 18, 26, 32, 33, 34, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 83.

„Князь“, прозвище Медвѣдева, Алексѣя, онъ-же Фоминъ 31, 32, 71.
„Князь“, онъ-же Пащенко 71.
Кобылянскій, Людвигъ, онъ-же Володько, Григоренко и „Полячекъ“ 40, 42, 55, 59, 60, 76, 77, 78, 79, 80, 84, 104.
Ковальскій, бывшій студентъ Новороссійскаго университета 17, 70, 71, 72, 85, 90.
Ковальская, жена учителя 94, 95.
Ковалевскій, Николай Васильевъ, бывшій учитель Кіевской военной гимназіи 4, 5.
Ковалевская, Марія Павлова, она-же Маруся и Наташа, жена бывшаго учителя и сестра дѣвицы Барышевой 4, 5, 34, 46, 49.
Когутовъ, Федоръ, бывшій студентъ Кіевскаго университета 27, 28, 40.
Козина, сотрудничавшая въ „Отечественныхъ запискахъ“ подъ неполнымъ псевдонимомъ „А—ва“, кромѣ того, носила прозвище „Таранта“ 70, 71.
Козловъ, Евгеній Ивановъ, изъ духовнаго званія, бывшій студентъ Харьковскаго университета 78, 79, 99.
Козловскій, Владиміръ, студентъ университета Св. Владиміра 64.
„Козявка“ или „Кузька“, прозвища Владиміра Скедона 28.
Колодкевичъ, Николай, дворянинъ, бывшій студентъ Кіевскаго университета, извѣстенъ подъ прозвищемъ „котъ мурлыка“ 22, 34, 36, 37, 40, 97, 103, 107, 108.
Колодкевичъ, сестра Николая Колодкевича 16.
Коломійцевъ, Иванъ 53.
Кольчевскій, бывшій студентъ Кіевскаго университета, нынѣ Тифлисскій мировой посредникъ 16.
Комаровскій, помѣщикъ 75.
Комаровская, дѣвица 21.
Комарова, дѣвица 23.
Константиновичъ, директоръ Черниговскаго городскаго банка 82.
Конискій, Михаилъ или Митрофанъ 15.
Королевъ, Николай, студентъ Петербургскаго университета 64.
Короткевичъ, студентъ 16.
Корчакъ-Чепурковскій, Аксентій, бывшій студентъ Кіевскаго университета 28.
Корнелій Богряновскій 56.
Косихинъ 47.
Косычъ, Елена, слушательница акушерскихъ курсовъ и бывшая учительница 38.
Костецкій, Болеславъ, бывшій студентъ Кіевскаго университета, австрійскій подданный 5, 33, 56, 57, 60.
Костыро, Георгій 40.
Кошурниковъ, Иполитъ Алексѣевъ, онъ-же Воронинъ 97, 103, 107, 109.
„Котъ мурлыка“, прозвище Колодкевича Николая, бывшаго студента Кіевскаго университета 22.
Котляревскій, товарищъ прокурора 71, 102.
Кочура, чиновникъ Полтавскаго окружнаго суда 12.
„Кони“ названіе революціонныхъ кружковъ 16, 27, 29, 34.
Кропоткинъ, князь, бывшій Харьковскій губернаторъ 23, 42, 55, 59, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 84, 86, 101.
Краснокутская, Елена 42.
Краснокутская, Авдотья, дочь купца 97.
Кравцовъ, 69, 70, 72.
Кравчинскій, Сергѣй 103.
Красовскій, 20.
Крестинская, Александра 28.
Кривицкій, Николай, бывшій учитель, онъ-же „Генералъ“ и „Поповъ“ 21, 36.
Крикливый, прозывавшійся „Монахомъ“ 24.
Кривуша, Викторъ, бывшій студентъ Кіевскаго университета 27.
Крушель, Густавъ, ученикъ Харьковскаго реальнаго училища 99.
Крыжановскій, военный врачъ 40.
Ксендзюкъ, Кириллъ 27.
Ксендзенко, бывшій студентъ Кіевскаго университета 41.
Кузнецовъ, Яковъ, бывшій студентъ Харьковскаго Университета 95, 96, 97, 99.
„Кузька“ или „Козявка“, прозвища Владиміра Скедона 28.
Куклярскій, Тимофей, студентъ Кіевскаго университета 37.
Кулишъ (издатель малороссійскаго журнала „Основа“) 3.
Кулишъ, морской офицеръ 72, 73.
Курицынъ, бывшій студентъ Харьковскаго ветеринарнаго института 1, 4, 9, 38, 43, 44, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 54, 56, 60, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 83, 85, 90, 91, 92, 93, 94, 101, 102.
„Курени“, названіе революціонныхъ кружковъ 16, 27, 29.
Куценко, онъ-же Гаврилюкъ, прозвища Ильяшенки 60.

Л

Лаврентьевъ, Василій, студентъ Кіевскаго университета 37.
Лакей доцента Сыцянко 99.
Ландесъ или Линдесъ, членъ Черниговскаго земства 9.
Ласкоранская, Марфа, урожденная Соколовская, слушательница женскихъ медицинскихъ курсовъ 105.
Лебединскій, Викторъ, семинаристъ 12.
Лебедева, Татьяна Ивановна, повивальная бабка 97, 108.
Левицкій, семинаристъ 13.
Левченко, Павелъ, братъ „Никитки“ 48, 49, 52.
Левченко, Никита Васильевъ, онъ-же „Никитка“, Евпаторійскій мѣщанинъ 33, 38, 40, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 54, 56, 60, 102.
Левенсонъ, Викторія Викторова (она же Воронина).

жена потомственнаго почетнаго гражданина 61, 63.
Легкій, Евграфъ, почетный гражданинъ 99.
Лейвинъ, Михаилъ, бывшій студентъ Кіевскаго университета 26, 40.
Лесневичъ, Софья Александровна 91.
Лепяшинскій, Василій 50.
Лешернъ-фонъ-Герцфельдъ, Софія, носившая кличку „Соня“ 58, 64.
Ливановъ, семинаристъ 93.
Лидія, она-же Барышева, сестра Ковалевской 5.
Лизогубъ, Дмитрій. дворянинъ 47, 66, 67, 68, 69, 70, 73, 83, 85, 101.
Ліонъ, 72.
Линдфорсъ, помѣщица 77, 78.
Линтваревы три брата, помѣщики Черниговской губ., одинъ изъ нихъ носилъ прозвище „Бабушка“, 5, 11.
Лисевичъ, помѣщица 35.
Лисовская, Анна, слушательница фельдшерскихъ курсовъ 110.
Лихачевъ, Ѳедоръ, отставной штабсъ-капитанъ 84.
Лихачевъ, онъ-же Гартманъ Левъ и Троицкій Владиміръ 87.
Лобанчукъ, Петръ Ѳедоровъ, онъ же Гудзь, рабочій 17, 18, 20, 21, 27, 31, 32, 36.
Логовенко, матросъ 52, 53.
Лозинскій, 72.
Лозяновъ Павелъ, сынъ дьячка, студентъ Новороссійскаго университета 54, 60.
Лоначевскій-Петрунякъ, Тимофей, лаборантъ при технической лабораторіи Кіевскаго университета 9.
Лоначевскій-Петрунякъ, Александръ, начальникъ ремесленнаго училища въ с. Дехтяры, Полтавской губ., 5, 9, 23.
Лопатинъ, Николай, бывшій студентъ Кіевскаго университета 28, 29, 37.
Лопуховъ. Владиміръ Тихановъ, онъ-же Анитовъ. прозвища Жукова Владиміра 61.
Лосицкая, Варвара Александрова, жена чиновника 88.
Лукина-Бутенкова, акушерка, по мужу Быковцева 81.
Лукія, крестьянка 20, 21, 24, 25, 40.
Лукьяновичъ, учитель 25, 42.
Лурье, Александръ, ученикъ реальнаго училища 42, 52.
Лысенко, она-же Иванова, Софья, дочь маіора 107.
Львовы 22, 31.
Львова 22, 31, 32.
Львовъ, онъ-же „Соломончикъ“ 51.
Львовъ Наумъ, братъ „Соломончика“ 51.
Любовъ, Николай Петровъ, сынъ Шенкурскаго уѣзднаго казначея 87, 88.
Ляхоцкій 10, 17, 21.

М

Мавроганъ 30.
Малавскій 41.
Малеванный 50.
Малинка. Викторъ, онъ-же Ѳомка, бывшій студентъ Новороссійскаго и Харьковскаго университетовъ 45, 49, 70.
Манычъ, Дмитрій, народный учитель 97, 99.
Мандоръ, Анна, фельдшерица 99.
Марголинъ, купецъ 74.
Марія Николаева, она-же Якобсонова 106.
Маркевичъ Марія 17.
Маруся, она-же Ковалевская и Наташа 4, 5, 34.
„Марья Иванова“. кличка Шухуцкаго Василія 40.
Марченко, бывшій ученикъ Полтавской гимназіи 12.
Мацнева, по мужу Никифорова, Олимпіада Александрова, слушательница женскихъ медицинскихъ курсовъ 88.
Маша-швачка 55.
Маша 48.
„Медвѣдь“ 55.
Медвѣдевъ, Алексѣй, онъ-же „Фоминъ“ и „Князь“ 31, 32, 102.
Мезенцовъ, генералъ-адъютантъ 19, 102.
Миролюбовъ 72.
Мирскій 103, 110.
Михалевичъ Афанасій, докторъ 5, 8.
Михалевичъ, слушательница женскихъ курсовъ 65.
Михайловъ, Адріанъ 103.
Михайлевичъ, Константинъ 5, 36.
Михайловскій, Михаилъ Дмитріевъ, онъ-же Безмѣновъ 74.
Милешко 81.
Михайловъ, Александръ Семеновъ, дворянинъ 104, 105, 107, 109.
„Михаилъ-фельдшеръ“ 57.
„Мишка“, прозвище Дебагорія-Мокріевича 23.
„Михайло“, онъ-же Тихонъ и Михаилъ Фоминъ, тюремный сторожъ 46, 50.
Мищенко, профессоръ 32.
Мойша, онъ-же Вайнеръ, Илья Абрамовъ и Аркадій. прозвища Зунделевича 83, 86.
Мокріевичъ-Дебагорій. Владиміръ. онъ-же „Мишка“, дворянинъ 4, 15, 23, 29, 38, 50.
„Монахъ“, прозваніе Крикливаго 24.
Морозовскій 53.
Морозовъ, Николай 107, 109.
Морозовъ, Петръ Осиповъ, магистръ русской словесности 106, 111.
Мощенковъ, Никандръ Платоновъ, сынъ священника. онъ-же „Харьковскій хохолъ“ 80, 81, 82, 86. 87, 93.
Мощенкова, урожденная Хотинская, Елизавета Абрамова, она-же Елизавета Николаева 81, 87, 91, 94.
Музурмовичъ, Петръ, бывшій студентъ Кіевскаго университета 36.

Н

Наддачинъ, Сергѣй, извѣстенъ подъ названіемъ „Сергѣя“ столяра 19, 34, 54, 56.
Надеждинъ 29.
Назаровъ, Алексѣй, бывшій студентъ Кіевскаго университета 110.
Наташа, она-же Ковалевская и Маруся 4, 5, 34.
Натензонъ, Елизавета 38.
Науменко, учитель Кіевской гимназіи 5, 11.
Недзѣльская, Жозефа. по мужу Гамалей 111.
Нестроева, помѣщица 85.
Нечаевъ, студентъ 98.
Нечивичева, Надежда, бывшая учительница 42.
Никитинъ, Евгеній, бывшій студентъ Харьковскаго университета 98, 99.
Никифоровъ, Николай Степановъ, мѣщанинъ 88, 89.
Никифорова, Олимпіада Александрова, урожденная Мацнева, бывшая слушательница женскихъ медицинскихъ курсовъ, а впослѣдствіи фельдшерица 88.
„Никитка“, онъ-же Левченко, Никита Васильевъ 33, 38, 40, 44, 45, 46, 47, 48, 50, 51, 52, 60.
Николаевскій, священникъ 81, 82.
Николай учитель, прозвище Николя Позена 57, 58.
Николай, студентъ Кіевскаго университета 37.
„Николайчикъ“, онъ-же Акимовъ и Никандръ Асѣевъ 51.
Николай, ораторъ 57.
Николай, онъ-же „Предтеченскій, Ѳедоръ“ 19.

О

Овсянниковъ, гимназистъ 42.
Оголевцъ, Стефанъ, фельдшерскій ученикъ 12, 13, 20.
Оксельродъ 51, 52.
Онушко, студентъ 60.
Орловъ, Павелъ, онъ-же Павлюкъ, сынъ чиновника 33,49, 55, 78, 80, 102, 103.
Осинскій, Валеріанъ 19, 23, 41, 46, 50, 57, 64, 70, 73, 78, 79, 83, 85, 93, 101, 102.
Осиповъ, студентъ 97, 99.
Остапенко 12.
Охременко. Вѣра, слушательница высшихъ женскихъ курсовъ 29.

П

Панина, графиня 54, 55, 57.
Панивъ 30.
Павлюкъ, онъ-же Павелъ Орловъ, сынъ чиновника 33.
„Павелъ, помѣщикъ“, онъ-же Іосифъ Зелинскій 34, 55.
Панкѣевъ, Иванъ Карповъ, студентъ, онъ-же Сакевичъ Александръ и Зубковскій Афанасій 37, 38, 74.
Паночини 14.
Пащенко, онъ-же „Князь“ 71.
Перовская, Софья, дочь дѣйствительнаго статскаго совѣтника 109.
Пекарскій. Эдуардъ Карловъ, дворянинъ, онъ-же Иванъ Кирилловъ Пекарскій и Боголюбовъ 87, 89,
„Петербургскій радикалъ“, онъ-же Григорашъ и Середенко, бывшій учитель Полтавской военной гимназіи 12.
Петровъ, Ѳедоръ, мѣщанинъ 60.
Петровъ, Сергѣй Александровъ, дворянинъ 89.
Петрунякъ-Лоначевскій, Тимофей, лаборантъ Кіевскаго университета 9.
Петрунякъ-Лоначевскій, Александръ, начальникъ ремесленнаго училища въ с. Дехтяры, Полтавской губ. 5, 9, 23.
„Петръ Волкъ“, онъ-же Волошенко 34, 71.
Пеховская, Софья. дворянка 56, 79.
Пивоваровъ, Никифоръ, мѣщанинъ 99.
Писаревскій, бывшій студентъ Кіевскаго университета 41.
„Пифія“, прозвище Калиновской 42.
Платонъ, переплетчикъ, онъ-же Платонъ Горскій 18.
Плехановъ, Георгій Валентиновъ, онъ-жъ „Жоржъ“, дворянинъ 48, 110.
Плотниковъ 30.
Погибко, Афанасій, семинаристъ 12.
Погорѣловъ, Алексѣй Николаевъ 62.
Подгаевскій, студентъ Харьковск. университета 104.
Поддержный, Денисъ, воспитанникъ реальнаго училища 42.
Подолинскій, сынъ Кіевскаго помѣщика 5, 11, 21, 30.
Подолка, Павелъ, бывшій семинаристъ, нынѣ студентъ Кіевской духовной академіи 12.
Подревскій, Николай, бывшій студентъ Кіевскаго университета 63.
Позенъ, Николай, онъ-же „Николай учитель“ 58.
Позенъ, Веніаминъ Павловъ, онъ-же „Венька“, Харьковскій мѣщанинъ 61, 64.
Покрамовичъ, Викторъ 27.
Поликарповъ, Константинъ, студентъ университета Св. Владиміра 63.
„Полячекъ“, онъ-же Володько и Григоренко, прозвища Кобылянскаго Людвига 59.
Полозовъ, онъ-же Забрамскій Леонтій 63.
Полунинъ, Николай Ивановъ, бывшій студентъ Харьковскаго ветеринарнаго института 87, 88, 89.
„Помѣщикъ“, прозвище Іосифа Зелинскаго 55.
Поповъ, Михаилъ Родіоновъ 62.
„Поповъ“, онъ-же „Генералъ“, прозвище Кривицкаго, Николая 63, 64, 65.
Попка, онъ же „Идолъ“ 65.
Попко 30.
Пошихонъ, прозваніе Шеболдаева 26.
Праотцевъ, нотаріусъ 89.
Предтеченскій, Ѳедоръ, настоящее его имя Николай, фамилія-же неизвѣстна 19.

Преображенскій, Алексѣй Ивановъ, сынъ священника, бывшій студентъ Харьковскаго университета 78, 79, 95, 99.
Преображенскій, Георгій Николаевъ, вольноопредѣляющійся 91 резервнаго баталіона 89.
Преображенскій, онъ-же Александръ и Квятковскій 104, 105.
Присецкій, Иванъ, губернскій секретарь 64.
Приходько-Тесленко, Константинъ, дворянинъ 64.
Прозоровскій, Аполлонъ, сынъ чиновника 89.
Пѣсняковъ, Андрей, крестьянинъ 98, 107, 108.
Пушнюкъ 23.
Пылаевъ 72.

Р

Разумовъ, рабочій 10, 18, 26, 40.
Рафаилъ 33.
Рахальскій, онъ-же „Федотка“, бывшій ученикъ Полтавской гимназіи, нынѣ полицейскій чиновникъ на австрійской границѣ 46, 48.
Рахальская, родная сестра Рахальскаго, онъ-же „Федотка“ 47.
Рашковъ, бывшій студентъ С.-Петербургскаго университета 52.
Рашевскій, Иванъ Григорьевъ, бывшій мировой судья 82.
Рева, бывшій студентъ Кіевскаго университета 24.
Рейдеръ, Михаилъ, бывшій студентъ Кіевскаго университета 20, 32.
Рейнштейнъ 108.
Реколо, Евгеній, бывшій семинаристъ, нынѣ студентъ Новороссійскаго университета 12.
Ремизовская, Вѣра 78.
Ремизовская, Марія, дочь священника 23.
Романова, Елизавета Александрова, дочь купца 88.
Романенко, Герасимъ, студентъ Новороссійскато университета 109.
Россикова, Елена, урожденная Виттенъ 48, 85.
Рубанчикъ, сестры, часовыя мастерицы 40.
Русовъ 5, 10.
Рязанцовъ, онъ-же Буцинскій, Дмитрій 61.

С

Савенко, Иванъ, мѣщанинъ, извѣстенъ подъ прозвищемъ „Секретарь“ 34.
Савлучинскій, Николай, семинаристъ 12.
„Савка“, прозвище Бохановскаго 44.
Сажинъ, бывшій ученикъ Полтавской гимназіи 12.
Саковичъ, Александръ, онъ-же Панкѣевъ, Иванъ Карповъ и Зубковскій, Афанасій Андреевъ 74.
Самарская, Людмила 78, 79, 80, 111.
Самойловскій, онъ-же Самойликъ, съ женою 24.
Сарандовичъ, Екатерина, слушательница акушерскихъ курсовъ 38, 54, 55.
Сарандовичъ 56.
Сатинъ, членъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствія 87.
„Сашка“, инженеръ, прозвище Юрковскаго, Ѳедора Николаева 66.
Саша 56.
„Свинка“, прозвище Апостолова 24.
Свириденко, Владиміръ, онъ-же Антоновъ 33, 34, 52, 53, 54, 55, 56, 57.
Свириденкова, жена казненнаго Антонова, онъ-же Свириденко 33.
Свитычъ 72.
Свѣтухинъ, Михаилъ, студентъ Кіевскаго университета 37.
„Секретарь“, прозвище Ивана Савенко 34.
Семенъ, рабочій 31.
Семиренко-Яхненко, Левъ, сынъ коммерціи совѣтника, бывшій студентъ Кіевскаго университета 84, 85.
Середенко, онъ-же Григорашъ, извѣстенъ подъ названіемъ „Петербургскій радикалъ“ 12.
Сергинскій, Антонъ, рабочій 19.
Сергѣй, столяръ, онъ-же Наддачинъ, Сергѣй 34.
Сергѣева 107.
Силуминская, Надежда 78.
Сикорская, Екатерина Григорьева, жена офицера 98, 199.
Симоновичъ, семинаристъ 12.
Синькевичъ, бывшій ученикъ Полтавской гимназіи 12.
Скедонъ, Владиміръ, студентъ Кіевскаго университета, прозывавшійся „Кузькой“ или „Козявкой“ 28.
Скуратова, Екатерина Алексѣева, слушательница женскихъ медицинскихъ курсовъ 87, 88, 89.
Слюзъ, дѣвица, она-же Шлюзъ, учительница 26.
Смиринскій, онъ-же Ширяевъ и Чернышевъ 105, 107, 109.
Смирницкая, по мужу Зенченко 18, 35.
Снигиревъ, Федоръ Михайловъ, сынъ архитектора, бывшій студентъ Харьковскаго ветеринарнаго института 88, 89.
Снигуръ, рабочій 20.
Соколовская, Марфа, по мужу Ласкоранская, слушательница медицинскихъ курсовъ 49, 105.
„Соломончикъ“, онъ-же Львовъ 51.
Соловьевъ, коллежскій секретарь 89, 90, 104.
Сондеръ, Павелъ, студентъ Кіевскаго университета 28.
„Соня“, она-же Лешернъ фонъ-Герцфельдъ, Софья 57, 58.
Ставровскій, учитель 83.
„Староста“, кличка Теллалова 95.
Старицкій, Михаилъ Петровъ, дворянинъ 5, 6, 7.
Старицкая, жена дворянина 6.
Старынкевичъ, Иванъ, бывшій студентъ Кіевскаго университета, онъ-же „Владыко“ 37.
Стеблинъ-Каменскій, бывшій ученикъ Полтавской гимназіи 12, 21.
Стефановичъ, Яковъ, сынъ священника, онъ-же „Дмитро Найда“ 4, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 60, 67, 68, 72, 85, 93, 107.

„Степанъ“, имя Бойченко 61.
Стрѣльниковъ, военный прокуроръ 65.
Столица, Варвара, жена Домонтовича 13.
Сухманевъ 40, 103.
Сухоруковъ 108, 109.
Сыцянко, Іосифъ, доцентъ Харьковскаго университета 1, 94, 96, 99.
Сыцянко, Анна и Марья, дочери доцента 99.
Сыцянко, Александръ, сынъ доцента 95, 96, 99.

Т

„Тайныя дружины“ 43.
„Таранта“, прозвище Козиной 70.
Тераспольскій, онъ-же Галушкинъ и Гаевскій 8, 14, 20, 32.
Теллаловъ, Петръ, онъ-же „Староста“, бывшій воспитанникъ горнаго института 95, 96, 97.
Тесленко-Приходько Константинъ, дворянинъ 64.
Тессенъ, земскій врачъ 17.
Тихоновъ 108.
Тихоцкій, Викторъ, дворянинъ 98, 99.
Тихонъ, онъ-же Михайло и Михаилъ Фоминъ, тюремный сторожъ 46.
Тихомировъ, Левъ Александровъ, онъ-же „Тигрычъ“, бывшій студентъ С.-Петербургскаго университета 105, 107.
Тищенко, Иванъ, матросъ 53.
Ткачевъ 106.
Ткаченко, Остапъ, ученикъ Кіевской гимназіи 30.
Топчаевскій, Савва Степановъ 10, 11, 17, 21.
Торчинскій, Иванъ, студентъ Харьковскаго университета 99.
Трегубовъ 5, 9.
Треповъ, генералъ-адъютантъ 101.
Тризна, Марія, жена Тессена 17.
Тринитатскій, отставной чиновникъ 75, 76, 77.
Тринитатская, жена отставнаго чиновника 76.
Троицкій, Владиміръ Дмитріевъ, онъ-же Гартманъ Левъ и Лихачевъ 87.
Троицкій, Тихонъ Антоновъ 62.
Троицкій, Николай Ивановъ, присяжный повѣренный 11, 12, 13, 15, 41.
Троицкая, Наталія 39.
Трюхлый, Василій 20, 40.
Трюшковскій, Амвросій, рабочій 17, 18, 27, 31.
Тупало, Николай, фельдшеръ 76.
Туманова, Екатерина, по мужу Гамкрелидзе, жена дворянина 103.
Тургенева 45.
Туробольскій, студентъ Кіевскаго университета 37.

У

„Учитель“, прозвище доктора Гаврилова 55.
Усаковскій, Владиміръ, студентъ Харьковскаго университета 99.

Ф

Файнзильберъ, Роза 94.
Фани 56.
Федоровъ, Иванъ Даниловъ, мѣщанинъ 86, 87, 88.
Фекла 54.
Фенъ, Елизавета, по мужу Щетинская, слушательница высшихъ женскихъ курсовъ 24, 39.
Фигнеръ, Вѣра Николаева, по мужу Филипова 107.
Фидоровскій, Михаилъ 37.
Фидоровскій, Андрей 37.
Филатова, Софья, мѣщанка 99.
Филипповъ, Константинъ, студентъ Харьковскаго университета 96.
Филипова, Вѣра Николаева, урожден. Фигнеръ 107.
Фольницкій, военный врачъ 16,
Фоменко, Михаилъ 106, 107, 108
Фоминъ, Михаилъ, онъ-же „Михайло“ и „Тихонъ“ 46, 50, 54, 65.
Фоминъ, Алексѣй, онъ-же Медвѣдевъ и „Князь“ 31, 32, 34, 65, 71, 74, 102.
Франштейнъ, акушерка 76, 77.

Х

„Харьковскій хохолъ“, кличка Мощенкова и Быковцева 94.
Хмѣльницкій, онъ-же Богдановъ, студентъ Кіевскаго университета 17.
Хокуля, студентъ Кіевскаго университета 12.
Хоржевскій, учитель 52.
Хотинская, Елизавета Абрамова, фельдшерица, по мужу Мощенкова 81, 91, 94.
Хожанцевскій, профессоръ Кіевскаго университета 110.
Хрущевъ, Алексѣй, переплетчикъ 19.

Ц

Цвѣленевъ 31.
Цвѣтковскій, преподаватель Кіевской военной гимназіи 5, 7.
„Цвѣтникъ“, названіе революціоннаго кружка 16, 29.

Ч

Чемерзина, жена генерала 23, 24.
Чепурковскій-Корчакъ, Аксентій, бывшій студентъ Кіевскаго университета 12, 13, 28.
Чепуринъ, Ѳедоръ, бывшій студентъ Кіевскаго университета 22, 23, 36, 37.
Червинскій, Петръ Петровъ 83.
Черемисовъ, онъ-же Жилябовъ Андрей 97, 98, 105, 107, 108, 109.
Черепахинъ, Василій 17.

Черепахинъ, Александръ 17.
Чернышевъ, онъ же Ширяевъ и Смиринскій 105, 107, 109.
Чернышева, Полина, учительница Харьковской земской школы 98, 99.
Чернявская, Галина 109.
Черніевскій, Василій Андреевъ, дворянинъ 74.
„Червоморцы“, названіе нѣсколькихъ лицъ, принадлежавшихъ къ одному кружку 24, 25.
Чипѣга, братъ жены студента Когутова, состоитъ въ военной службѣ 40.
Членовъ, Борисъ, ученикъ реальнаго училища 42.
Чубаровъ, Сергѣй, дворянинъ 1, 38, 48, 49, 50, 51, 70, 109.
Чубинскій, Павелъ 5, 7, 21, 30.

Ш

Шандоръ 99.
Шарашкинъ 107.
Шеболдаевъ, носившій названіе „Пошихонъ“ 26.
Шеболдаевъ, Ленька, земскій врачъ 27.
Шермовицкій, докторъ 5, 11.
Шеферъ 41.
Ширяевъ, Степанъ Ивановъ, сынъ священника, онъ же Смиринскій и Чернышевъ 105, 107, 109.
Шихуцкій, Василій, бывшій студентъ Кіевскаго университета, носилъ кличку „Марья Ивановна“ 40.
Шистовъ рабочій на желѣзной дорогѣ 20.
Шлюзъ, она же Слюзъ, дѣвица учительница 26.
Шульгинъ Яковъ 43, 50, 103.

Щ

Щаповъ, профессоръ Казанскаго Университета 42.
Щетинская, Елизавета, урожденная Фенъ 39.
Щитинскій, помѣщикъ Полтавской губерніи 14.
Щитковскій, семинаристъ 13.

Э

Энгельгардтъ, Александръ, помѣщикъ, бывшій профессоръ 91.

Ю

Ювенальевъ бывшій студентъ 23, 37, 39.
Юлисъ 20.
Юрковскій, Ѳедоръ Николаевъ, онъ же „Сашка инженеръ“, сынъ капитана 1-го ранга 66, 72.
Юрьевъ, Капитонъ, окончившій курсъ Кіевскаго университета 29, 30.
Юхансонъ 24.

Я

Якобсонова, она-же Марья Николаевна 106.
Яновскій, помѣщикъ Полтавской губ. 14, 32.
Янушкевичъ, Викентій, студентъ Кіевскаго университета 58.
Янушкевичъ, Петръ, врачъ 58.
Яроцкій, Яковъ, бывшій народный учитель 26, 39.
Яхненко-Семиренко, сынъ коммерціи совѣтника, бывшій студентъ Кіевскаго университета 7, 85.
Яцевичъ Юлія 39.
Яцевичъ, бывшій ученикъ Полтавской гимназіи, впослѣдствіи студентъ Харьковскаго ветеринарнаго Института 12, 22.
Яцкевичъ
„Яшка“, прозвище Дейча 44.

Ѳ

Ѳедоровъ, Алексѣй 102.
Ѳедотка, онъ же Рахальскій 46, 47, 48, 49, 54.
„Ѳомка“, прозвище Малинки, Виктора 45.
„Ѳедоръ“, онъ-же Гольденбергъ, Гришка и Биконсфильдъ 96.